СЪ ЭСКАДРОЙ
АДМИРАЛА
РОЖЕСТВЕНСКАГО

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ,
ПОСВЯЩЕННЫХЪ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЮ ПОХОДА
II-Й ЭСКАДРЫ ТИХАГО ОКЕАНА.

ПРАГА
1930

ОГЛАВЛЕНІЕ.

25 ЛѢТЪ.

Тяжелый ударъ былъ нанесенъ Россійской Державѣ 25 лѣтъ тому назадъ у острова Цусима. И многіе современники склонны были считать его сокрушающимъ. Слова упрековъ и осужденія были сказаны ими по адресу тѣхъ, кто острѣе другихъ переживалъ происшедшее.

За двадать пять лѣтъ многимъ открылась правда. „*Крестный путь*", „*чудо*", „*неповторимый и безпримѣрный*" — вотъ какимъ представляется теперь походъ отъ Либавы до Цусимы. И можно съ увѣренностью сказать: въ 1930 году на судахъ подъ Андреевскимъ флагомъ и подъ шпицемъ Адмиралтейства въ Санктъ-Петербургѣ достойно *было бы* отмѣчено двадцатипятилѣтіе рокового дня, и героями чувствовали бы себя участники похода эскадры Адмирала Рожественскаго.

Но нѣтъ Россіи. Нѣтъ Россійскаго флота, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Цусимы воскресшаго и обновившагося. И только мы, не разставшіеся съ мыслью о Родинѣ и не измѣнившіе флагу святого Андрея эмигранты, имѣемъ возможность еще разъ вспомнить всѣ трудности похода II эскадры, вспомнить всю обреченность боя у Цусимы, вспомнить всѣхъ павшихъ въ бою 14 и 15 мая 1905 года при исполненіи своего долга передъ Родиной.

И мы вспоминаемъ.

Во всѣхъ странахъ земного шара, во всѣхъ широтахъ и долготахъ собирались въ эти дни мы — а вмѣстѣ съ нами и всѣ русскіе люди, — и вспоминали событія, происшедшія 25 лѣтъ тому назадъ. Собирались — „*чтобы освѣжить въ памяти героическій походъ 2-й Тихоокеанской эскадры подъ флагомъ генералъ-адъютанта вице-адмирала Рожественскаго;*

чтобы отдать дань нашего глубочайшаго уваженія участникамъ этого единственнаго, небывалаго въ исторіи флотовъ всего міра похода и послѣдовавшаго затѣмъ боя; чтобы мысленно преклонить колѣна передъ памятью тѣхъ, кто въ пучинахъ Японскаго моря нашелъ свое вѣчное упокоеніе" — какъ говорилъ Предсѣдатель Всезарубежнаго Объединенія Морскихъ Организацій Адмиралъ А. И. Русинъ, открывая торжественное засѣданіе въ Парижѣ. Оканчивая же рѣчь, Адмиралъ Русинъ обратился къ участникамъ похода со слѣдующими словами: — *„Господа участники боя и безпримѣрнаго похода 2-й эскадры Тихаго океана! Обращаюсь къ Вамъ, какъ одинъ изъ старшихъ чиновъ флота; низко Вамъ кланяюсь за Ваши дѣянія и подвиги; пусть пережитые Вами испытанія и ужасы и боевой, морской и житейскій опытъ послужатъ фундаментомъ будущему флоту новой Великой Россіи! Да продлитъ Господь Богъ Ваши дни на многія, многія лѣта и даруетъ Вамъ счастье стать участниками и возсоздателями славнаго Императорскаго Россійскаго Флота! А память всѣхъ погибшихъ и почившихъ участниковъ похода и боя — предлагаю почтить вставаніемъ!"*

Эти слова уважаемаго всѣми нами Адмирала, сказанныя имъ передъ Собраніемъ въ Парижѣ, пусть разнесутся по всему міру. Они выражаютъ чувства всѣхъ насъ, въ разсѣяніи сущихъ.

И этотъ скромный Сборникъ пусть будетъ вѣнкомъ на могилу ушедшихъ и данью глубочайшаго уваженія ко всѣмъ, совершившимъ походъ съ эскадрой Адмирала Рожественскаго.

Лейтенантъ Стахевичъ.

Владиміръ Колесниковъ.

Кап. 2 р. *Г. К. Графъ*, Ст. Бріацъ.

Памяти геройски погибшихъ въ Цусимскомъ бою офицеровъ и командъ.

Воспоминанія о прелюдіи страшныхъ событій, обрушившихся на Россію — Японскую войну и заключительный аккордъ ея — Цусимскій бой, все болѣе уходятъ въ вѣчность и все меньше остается участниковъ историческаго похода II-й эскадры Тихаго океана и этого величайшаго морского боя.

Теперь, когда мы, какъ жалкіе остатки разбитаго корабля, разбросанные по лицу земли, дожили до двадцатипяти-лѣтней годовщины Цусимскаго боя и принуждены вспоминать его не офицерами Императорскаго Флота, а скромными тружениками-эмигрантами, особенно хочется воспроизвести въ памяти не печальные итоги этого боя, въ которыхъ меньше всего виноваты экипажи эскадры, а образы героевъ, сражавшихся съ безконечнымъ самоотверженіемъ и погибщихъ смертію славныхъ на своихъ корабляхъ.

Этихъ героевъ нѣсколько тысячъ; ихъ имена давно забыты и ихъ отдѣльные подвиги даже не стали извѣстны міру, скрытые отъ взоровъ его исчезнувшими въ пучинѣ морской кораблями. Но мы видѣли, какъ сражались эти корабли и по ихъ дѣйствіямъ можемъ судить о подвигахъ ихъ командъ...

Передъ моими взорами такъ же ярко, какъ 25 лѣтъ тому назадъ, встаетъ картина боя и славная гибель „Суворова", „Осляби", „Александра III", „Бородино", „Наварина" и несчастной „Камчатки"; въ моей памяти живы разсказы о геройскихъ бояхъ и гибели „Ушакова", „Дмитрія Донского" и „Свѣтланы"; я помню истерзанный видъ броненосца „Орелъ"; пусть онъ сдался, превращенный въ исковерканную груду желѣза, но сражался онъ исключительно доблестно.

Какая незабываемая, красивая и трагическая картина боя нашихъ главныхъ силъ, когда, сражаясь, гибли одинъ за другимъ головные корабли, а ихъ мѣсто занимали слѣдующіе, чтобы тоже погибнуть...

Головной броненосецъ — непріятель сосредоточилъ по нему всю силу своего огня — кругомъ адъ: снаряды жужжатъ, разрываются и дождь осколковъ сыплется во всѣ стороны, поражая все на своемъ пути. Броненосецъ маневрируетъ, стрѣляетъ, тушатся пожары, исправляются поврежденія... всѣ на своихъ мѣстахъ, всѣ воодушевлены одной мыслью — стрѣлять, во что бы то ни стало стрѣлять; забыто все — опасность, раны, смерть — нѣтъ малодушныхъ, нѣтъ трусливыхъ — всѣ слились въ одномъ порывѣ. Лишь уносятся раненые, оттаскиваются убитые; къ орудіямъ выходятъ все новые люди, пока еще есть откуда ихъ взять.

Блескъ выстрѣловъ и непрерывный грохотъ исходятъ изъ всѣхъ орудій; но вотъ замолкло одно, замолчала башня... Все меньше становится ихъ; наконецъ, стрѣляютъ три, два, одно орудіе и все смолкаетъ... все кончено — броненосецъ сталъ небоеспособенъ и безпомощно вышелъ изъ строя...

Вотъ внѣшняя картина боя на броненосцѣ; заглянемъ теперь въ души тѣхъ, которые это переживаютъ. Вѣдь на каждомъ военномъ кораблѣ каждый офицеръ и матросъ имѣютъ свои опредѣленныя обязанности, каждый является винтикомъ одного механизма, который работаетъ только тогда исправно, когда они всѣ на мѣстахъ. Отъ командира до послѣдняго кочегара всѣ должны отдавать всю свою энергію, всѣ знанія, чтобы способствовать общему успѣху боя. Они должны забыть, что они люди и стать живыми механизмами, но такими, которые не только дѣйствуютъ, но и мыслятъ, примѣняясь къ обстановкѣ; и это самое трудное. Такимъ образомъ, разъ корабль

дѣйствуетъ въ бою хорошо, значитъ и весь его экипажъ на высотѣ, значитъ онъ сражается геройски...

Бой приходитъ къ концу, уже многихъ нѣтъ въ живыхъ, еще больше раненыхъ, остальные пережили нечеловѣческое напряженіе и теперь переживаютъ отчаяніе безсилія — они опять стали только людьми. Что дальше дѣлать? Гибель корабля неминуема — спасенія нѣтъ, минуты сочтены и все же въ ихъ душахъ теплится какая то искра надежды, что, можетъ быть, удастся спастись.

Зловѣщій кренъ все увеличивается, охватываетъ невольное желаніе броситься за бортъ, въ море, авось кто-нибудь подберетъ и, во всякомъ случаѣ, жизнь продлится на два-три часа. Но не каждый можетъ и это сдѣлать; изъ нижнихъ помѣщеній, машинъ и кочегарныхъ отдѣленій уже невозможно выбраться и придется наблюдать, какъ вливается вода, какъ она все больше заполняетъ помѣщенія, какъ подъ вліяніемъ крена обрушатся нѣкоторые механизмы, какъ вода медленно подступитъ къ головѣ, станетъ трудно дышать и, наконецъ, послѣдній вздохъ и... кончено. Желѣзная коробка сохранитъ на вѣчныя времена трупы этихъ несчастныхъ людей и она одна останется свидѣтельницей ихъ предсмертныхъ мукъ и стенаній...

Такъ сражались и такъ умирали въ Цусимскомъ бою русскіе моряки; развѣ можно болѣе славно кончить свою жизнь, чѣмъ кончили они? Развѣ не такъ же геройски вели они себя, какъ вели команды кораблей въ самыхъ побѣдоносныхъ бояхъ? Развѣ при Цусимѣ не проявился тотъ же великій духъ русскихъ моряковъ и не достойны они той же славы?

Пройдутъ тяжелые годы и снова возродится Флотъ и этотъ новый Флотъ долженъ будетъ помнить Цусимскую драму, ту пользу, которую она принесла ему, и высоко чтить память погибшихъ героевъ.

Г. Графъ.

Офицерскій составъ II эскадры Тихаго океана.

Командующій 2-ой эскадрой флота Тихаго океана генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Зиновій Петровичъ Рожественскій. (Раненъ 14 мая).

Его штабъ.

К1р. К. К. Клапье-де Колонгъ (флагъ-капитанъ), лейт.: Е. В. Стенторжецкій (У*), С. Д. Свербеевъ 1 (У), Н. Л. Крыжановскій, А. Н. Новосильцовъ (У), мичм.: В. Н. Демчинскій, кн. Г. Р. Церетели (У), В. П. Кавакевичъ (У), полк. Ф. А. Берсеневъ (У), к2р. П. П. Македонскій 1**) (У), полк. В. И. Филипповскій, к2р. С. Р. де-Ливронъ 1, В. И. Семеновъ (Р), подп. А. И. Осиповъ, к2р.: А. Г. фонъ-Витте (У), А. К. Полисъ (У), подполк.: В. А. Эбнорскій (Р), Л. Н. Стратоновичъ, старш. пом. суд. Е. С. Политовскій (У), тит. сов. В. Э. Добровольскій, лейт. Е. А. Леонтьевъ 1, кондукт. Коротаевъ.

Младшій флагманъ 2-ой эскадры флота Тихаго океана контръ-адмиралъ Дмитрій Густавовичъ фонъ-Фелькерзамъ*). (Умеръ 11 мая 1905 года).**

Его Штабъ.

Лейт. бар. Ф. М. Косинскій 1 (У), мичм. кн. К. П. Ливенъ (У).

---

*) (У) — убитъ, (Р) — раненъ, (К) — контуженъ.

**) 1 февраля 1905 г. назначенъ командиромъ миноносца „Буйный" съ оставленіемъ въ должности флагм. мин. офицера.

***) Флагъ на эскадренномъ броненосцѣ „Ослябя".

Свиты Его Величества контръ-адмиралъ З. П. Рожественскій, командующій второй тихоокеанской эскадрой.

Контръ-адмиралъ Д. Г. фонъ-Фелькерзамъ, флагманъ второй тихоокеанской эскадры.

Контръ-адмиралъ О. А. Энквистъ, флагманъ второй тихоокеанской эскадры.

Командующій 1-мъ отдѣльнымъ отрядомъ судовъ эскадры Тихаго океана контръ-адмиралъ Николай Ивановичъ Небогатовъ*).

Его штабъ.

К2р. В. А. Кроссъ, лейт.: И. М. Сергѣевъ 5, Ф. В. Северинъ, Н. Н. Глазовъ, к2р. Н. П. Курошъ 2, лейт. И. И. Степановъ 7, подполк.: Д. Н. Федотьевъ 2, Н. А. Орѣховъ, В. А. Маевскій, ст. сов. В. А. Плотниковъ.

Младшій флагманъ 2-ой эскадры флота Тихаго океана контръ-адмиралъ Оскаръ Адольфовичъ Энквистъ).**

Его штабъ.

Лейт.: Д. В. фонъ-Денъ 1, А. С. Заринъ, к2р. С. Р. Де-Ливронъ.

Завѣдующій транспортными судами 2-ой эскадры флота Тихаго океана кап. 1-го ранга Отто Леопольдовичъ Радловъ*).**

Его штабъ.

Мичм.: Б. М. фонъ-Эденъ 1, М. Л. Бертенсонъ****), пр. мор. ч. Ф. Л. Стецкій, кол. сов. И. Т. Прѣсниковъ.

Эскадренн. броненосецъ „Князь Суворовъ". (Погибъ около 6 час. веч. 14 мая 1905 г.).

К1р. В. В. Игнаціусъ 1 (У), к2р. А. П. Македонскій 2 (У), лейт.: П. Е. Владимірскій (У), А. А. Прохоровъ 2 (У), мичм. Н. И. Кульневъ 1 (У), лейт.: Н. И. Богдановъ (У), П. А. Вырубовъ 1 (У), В. П.

---

*) Съ присоединеніемъ отряда ко 2-й эскадрѣ Тихаго океана назначенъ Командующимъ 3-мъ броненоснымъ отрядомъ.

**) Въ бою флагъ на кр. 1 ранга „Олегъ".

***) Отрядъ составляли транспорты „Ярославль" (Добр. фл.), „Воронежъ" (Добр. фл.), „Владиміръ" (Добр. фл.), „Ливонія", „Куронія", и „Метеоръ".

****) Отъ штаба отчисленъ 6 января 1905 г. съ назначеніемъ на кр. 1 р. „Аврора".

Зотовъ 1 (У), мичм. М. С. Краевскій (У), лейт.: П. И. Орнатовъ (У), А. А. Рѣдкинъ (У), Б. А. Данчичъ (У), мичм.: В. М. Баль 4 (У), А. А. Флоровъ (У), В. Ю. Фоминъ (У), Б. Н. Шишкинъ (У), Г. И. Жуковскій (У), Д. С. Головнинъ 2 (У), пр. мор. ч.: А. С. Трегубовъ, В. И. фонъ-Курсель (У), кап. Б. В. Варнандеръ (У), поруч.: П. П. Браилко (У)*), П. С. Федюшинъ, Г. Р. Криммеръ (У), С. М. Малыгинъ (У), пр. мех. ч.: Н. А. Бѣлый (У), Г. Г. Гирбургеръ (У), надв. сов. А. М. Надѣинъ (У), колл. асс. А. М. Матавкинъ (У), іером. о. Назарій.

Эскадренный броненосецъ „Императоръ Александръ III". (Гвардейскаго экипажа; погибъ въ 7 час. 7 мин. вечера 14 мая 1905 года).

К1р. Н. М. Бухвостовъ (У), к2р. В. А. Племянниковъ (У), лейт.: В. А. Эллисъ 1 (У), Б. М. Кантакузенъ-Сперанскій**), Е. Г. Демидовъ (У), К. Ф. Стааль 1 (У), гр. В. Н. Игнатьевъ (У), А. П. Сѣверцевъ (У), А. Н. Воеводскій (У), Н. С. Храповицкій (У), К. К. Случевскій 1 (У), Н. В. Денъ 3 (У), мичм.: А. А. Адлербергъ (У), Ю. М. Князевъ 3 (У), Н. Н. Барановъ 3 (У), П. А. Всеволожскій 4 (У), А. А. Берновъ (У), пр. мор. ч.: Г. А. Лешкевичъ (У), П. К. Леймингъ (У), полк. А. И. Петровъ 3 (У), полк. В. В. Саговскій (У)***), шт.-кап.: А. А. Тетеринъ (У), А. Лебединскій (У), поруч.: кн. Г. Г. Гагаринъ (У), Э. А. Тотвенъ (У), пр. мех. ч.: А. Г. Соколовъ (У), В. В. Нагорскій (У), мл. п-къ с. А. Н. Здanкевичъ****), надв. сов. П. П. Юрьевъ (У), тит. сов. Б. Л. Бертенсонъ (У), іером. о. Иннокентій (У).

---

*) 4 февраля 1905 г. на кр. II ранга „Днѣпръ".

**) 29 марта 1905 г. списанъ въ наличіе экипажа по болѣзни и вскорѣ скончался.

***) 20 февраля 1905 г. переведенъ на тр. „Терекъ".

****) 14 февраля 1905 года списанъ по болѣзни въ Россію.

Эскадренный броненосецъ „Бородино". (Погибъ въ 7 ч. 23 мин. вечера 14 мая 1905 г.).

К1р. П. І. Серебренниковъ 1 (У), к2р. Д. С. Макаровъ 2 (У), лейт.: П. Е. Завалишинъ 2 (У), М. Э. Фуксъ (У), Е. И. Яковлевъ 5 (У), А. Ф. Геркенъ 1 (У), В. Т. Матковскій (У), В. Н. Шрамченко, Б. И. Чайковскій 1 (У), мичм.: К. Р. Де-Ливронъ 4 (У), Н. О. Оттъ 1 (У), лейт. кн. А. П. Еникѣевъ (У), мичм.: М. А. Таранецкій (У), Г. М. Жолкевичъ (У), Н. Н. Прикотъ (У), Н. А. Протасьевъ (У), Е. Г. Цывинскій 2 (У), А. Б. Кочуковъ (У), Н. В. Шелковниковъ (У), пор. гр. Л. Беннигсенъ, пр. мор. ч. Б. В. Недзвѣдскій (У), подполк. В. С. Рябининъ (У), шт.-к. В. К. Нюхаловъ (У), пор.: П. П. Корнѣевъ (У), П. М. Іоркъ (У), Э. Вульфъ (У), В. Г. Харитоновичъ (У), пр. мех. ч.: Н. С. Пѣвцевъ (У), И. И. Дзаховъ (У), Д. М. Шангинъ (У), надв. сов. Ф. М. Лукинъ (У), лек. А. Э. Гнадебергъ (У), іером. о. Варлаамъ, юнк. фл. И. Зегеловъ.

Эскадренный броненосецъ „Орелъ". (Сданъ въ плѣнъ 15 мая 1905 г.; названъ японцами „Iwami").

К1р. Н. В. Юнгъ (У), к2р. К. Л. Шведе (К и Р), лейт.: Ф. П. Шамшевъ (Р), Г. М. Рюминъ*) (К), А. В. Гирсъ 3 (У), И. В. Никоновъ 1 (Р), В. Л. Модзалевскій, В. А. Саткевичъ (Р и К), Л. В. Ларіоновъ (Р), С. Н. Бурнашевъ, А. П. Шупинскій (У), К. П. Славинскій (Р), мичм.: С. Я. Павлиновъ 4 (К), А. Д. Бубновъ (Р), О. А. Щербачевъ 4 (Р), кн. Я. К. Тумановъ, Н. А. Сакеллари (Р), Д. Р. Карповъ (Р), И. И. Бибиковъ**), пр. мор. ч.: Г. А. Андреевъ-Калмыковъ пропалъ въ бою безъ вѣсти, былъ раненъ, С. В. Титовъ***), подполк. И. И. Парфеновъ, шт.-кап. К. А.

*) 7 февраля 1905 г. прибылъ съ кр. „Дмитрій Донской".
**) 14 февраля 1905 г. по болѣзни списанъ въ Россію.
***) 14 февраля 1905 г. по болѣзни списанъ въ Россію.

Скляревскій, пор.: Н. М. Румсъ, Н. Г. Русановъ, П. А. Можжухинъ, Г. Я. Леончуковъ, пр. мех. ч. В. И. Антипинъ, корп. к. инж. В. П. Костенко, надв. сов. Г. А. Макаровъ, колл. асс. Н. М. Марковъ*), лек. А. П. Авроровъ**), іером. о. Паисій.

Убито, умерло отъ ранъ и пропало безъ вѣсти: офицеровъ 4, нижнихъ чиновъ 73; ранено и контужено: офицеровъ 12, нижнихъ чиновъ 40 (не считая легко раненыхъ, оставшихся въ строю).

Эскадренный броненосецъ „Ослябя". (Погибъ въ 3 часа 15 мин. дня 14 мая 1905 г.).

К1р. В. І. Бэръ 1 (У), к2р.: Д. Б. Похвисневъ (У), С. Э. Генке (У), лейт.: К. К. Тундерманъ 4 (У), П. А. Колокольцовъ, А. А. Гедеоновъ***), М. П. Саблинъ 1, Б. К. Шутовъ 1****), И. В. Дьяченковъ (У), мичм.: В. П. Палецкій 2 (У), Б. П. Ивановъ 18, лейт.: В А. фонъ-Нидермиллеръ 2 (У), И. А. Нелидовъ*****),.мичм.: кн. С. В. Горчаковъ******), В. Н. Трувеллеръ(*), В. П. Шиповаловъ (У), П. С. Бачмановъ (У), А. А. Бертеневъ(**) (Р), Б. П. Казмичевъ, В. В. Майковъ (У), пр. мор. ч.: Ф. Н. Ширкенгеферъ (У), В. К. Потаповъ, И. В. Болдыревъ(***) (У), полк. Н. А. Тихановъ (У), пор.: Г. Г. Даниленко 2 (У), А. А. Быковъ (У), П. Ф. Успенскій 1 (У), А. Г. Шевелевъ (У), пр. мех. ч.: С. А. Майструкъ

*) Въ Ванъ-Фонгѣ списанъ на пл. госпиталь по болѣзни.

**) На судно прибылъ 10 мая 1905 года.

***) 25 апрѣля 1905 года умеръ.

****) Въ концѣ 1904 г. переведенъ съ кр. „Дмитрій Донской" вмѣсто лейт. Страдецкаго.

*****) 1 ноября 1904 г. умеръ.

******) 2 ноября 1904 г. переведенъ съ транспорта „Малайя".

(*) 14 февраля 1905 г. переведенъ съ эск. бр. „Сисой Великій".

(**) 31 декабря 1904 г. переведенъ съ экс. бр. „Наваринъ".

(***) 14 февраля 1905 года переведенъ съ экс. бр. „Сисой Великій".

(У), В. I. Медвѣдчукъ (У), ст. пом. с. К. А. Змачинскій (У), колл. сов. Г. С. Васильевъ (У), лек. Г. Р. Бунтигъ (У), іером. о. В. Никольскій.

Эскадренный броненосецъ „Сисой Великій". (Погибъ 15 мая 1905 г. въ 10 час. утра. Команда спасена японскими крейсерами).

К1р. М. В. Озеровъ, к2р. Г. А. Ивковъ 2, лейт.: С. А. Малечкинъ, С. Ф. Оводъ, мичм. В. И. Залѣсскій 3, лейт.: Э. Э. Овандеръ (Р), А. В. Витгефтъ 1, А. П. Бурачекъ, мичм.: И. И. Шанявскій*), В. А. Кротковъ 2, А. А. Мартьяновъ, лейт. А. Н. Новосильцовъ (У), мичм.: И. И. Тарасенко-Отрѣшковъ, Н. А. Щелгачевъ, В. П. Блиновъ, В. Н. Трувеллеръ**), Н. П. Всеволожскій (Р), В. Г. Бушъ (Р), В. В. Мочульскій, пр. мор. ч.: И. Д. Костюковъ, И. В. Болдыревъ***), подполк.: С. Э. Боровскій 2, В. А. Обнорскій (Р), шт.-кап. Б. А. Дитловъ, мл. инж.-м. Н. В. Бугриновъ, пор. Б. В. Бруятскій, пр. мех. ч. И. М. Ямченко, пор.: Б. В. Кошевой, А. С. Еременко, Г. Н. Щетининъ, Н. И. Тостогановъ, А. В. Бѣликовъ, мл. п-къ суд. Н. И. Лохвицкій****), кол. сов. В. Н. Подобѣдовъ (У), лек. К. Г. Кальевичъ, іером. о. Герасимъ.

Эскадренный броненосецъ „Наваринъ". (Погибъ въ 2 часа 15 мин. дня 15 мая 1905 г.).

К1р. бар. Б. А. Фитингофъ (У), к2р. В. Н. Дуркинъ (У), лейт.: Д. Г. Барковъ 1*****), К. М. Измаиловъ (У), А. А. Грау (У), мичм. В. И. Подгурскій 2 (У), лейт. С. П. Огаревъ (У), мичм. А. А. Домбровскій 2 (У), лейт. Г. М. Рклицкій (У), мичм.: Л. Н. Макаровъ 5 (У), П. А. Макалинскій 3 (У), П. А. Пуховъ (У),

*) 30 декабря 1904 г. прибылъ съ бр. „Ослябя".
**) 30 декабря 1904 г. прибылъ съ бр. „Ослябя".
***) 30 декабря 1904 г. переведенъ на бр. „Ослябя".
****) 14 февраля 1905 г. переведенъ на бр. „Ослябя".
*****) 21 сент-ря 1904 г. переведенъ на кр. 1 ранга „Свѣтлана".

Г. В. Лемишевскій (У), В. С. Князевъ 2 (У)*), А. А. Щелкуновъ 2 (У), Б. Н. Сытенко 2 (У), А. К. Леманъ 2, А. А. Верховцевъ (У), А. А. Бертеневъ**), пр. мор. ч.: А. Л. Епифановъ (У), Н. В. Шандяпинъ, подполк. В. И. Мельниковъ 2, шт.-кап. Д. Б. Смирновъ 1, пор. К. А. Берсонъ (У), шт.-кап. И. И. Кирилловъ, поруч. А. Михайловъ, пр. мех. ч. Ф. П. Баранскій (У), кол. асс. К. Н. Кречунеско (У), лек. А. Г. Арронетъ (У), іерем. о. Никодимъ и о. Киріанъ (У).

Эскадренный броненосецъ „Императоръ Николай I“. (Сданъ въ плѣнъ 15 мая 1905 г.; названъ японцами „Iki“).

К1р. В. В. Смирновъ, к2р. П. П. Ведерниковъ, лейт.: А. А. Пеликанъ, М. Д. Жаринцевъ***), П. И. Бѣлавенецъ****), бар. К. Р. Мирбахъ 1 (У), В. М. Хоментовскій, Н. Н. Макаровъ 3, мичм.: В. В. Дыбовскій, Б. М. Четверухинъ, лейт. И. Г. Тиме, мичм.: М. І. Щербицкій*****), бар. П. Л. Унгернъ-Штернбергъ 2(*), бар. Г. К. Унгернъ-Штернбергъ 1(**), В. П. Суйковскій, Ю. Ф. Волковицкій (Р)(***), пр. мор. ч.: А. Н. Шаміе, Н. И. Балкашинъ, капит. М. И. Хватовъ, шт.-к.: Г. Э. Бекманъ, Ф. Дмитрашъ, пор.: І. А. Гаршинскій, Г. Г. Константиновъ, подп. Н. Д. Бѣляевъ, пр. мех. ч.: І. А. Адамцевичъ, А. И. Скрыжаковъ, надв. сов. С. К. фонъ-Виттенбургъ, лек. Л. А. Юшкевичъ, іером. о. Антоній.

---

*) Въ 1905 году переведенъ съ бр. береговой „Адм. Сенявинъ“.

**) 14 февраля 1905 года переведенъ на бр. „Ослябя“.

***) 2 марта 1905 г. переведенъ съ бр. „Адмиралъ Сенявинъ“.

****) 2 марта 1905 г. переведенъ на бр. „Адмиралъ Сенявинъ“.

*****) 9 февраля 1905 г. прибылъ съ бр. „Императоръ Николай I“; 24 марта списанъ въ Кронштадтъ.

(*) 9 февраля 1905 г. прибылъ съ кр. II ранга „Русь“.

(**) Въ началѣ 1905 г. прибылъ съ миноносца № 213.

(***) 28 декабря 1904 г. списанъ въ госпиталь.

Броненосецъ береговой обороны „Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ". (Сданъ въ плѣнъ 15 мая 1905 г.; названъ японцами „Okinoshima").

К1р. Н. Г. Лишинъ, лейт.: Н. М. Фридовскій 2, П. О. Шишко 2, Г. Н. бар. Таубе*), В. И. Лебедевъ 3, мичм.: П. В. Мессеръ 2, Б. А. Щербачевъ 3, И. И. Кульневъ 2, лейт.: С. Л. Мазировъ, С. Л. Трухачевъ 2, Н. И. Мессингъ, пр. мор. ч. гр. П. А. Барановъ, шт.-к. П. Н. Милевскій**), пор.: Н. Н. Розановъ, И. С. Федоровъ, пр. мех. ч. Н. И. Дякинъ, надв. сов. Э. П. Шуммеръ, іером. о. Мефодій.

Броненосецъ береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ". (Погибъ въ 5 час. дня 15 мая 1905 г.).

К1р. В. Н. Миклуха (У), к2р. А. А. Мусатовъ (У), лейт.: Н. Н. Дмитріевъ 3, А. А. Гавриловъ 3***), А. П. Гезехусъ, Б. К. Ждановъ (У), Е. А. Максимовъ 4, мичм.: Я. Сипягинъ, А. А. фонъ-Транзе 2 (Р), лейт. Д. Д. Тыртовъ 1(*), мичм.: В. В. Голубевъ, И. А. Дитловъ, пр. мор. ч.: Э. І. Зоричъ (У), кап. Ф. А. Яковлевъ (У), пор.: Л. Ф. Джелеповъ, Н. Трубицынъ (У), пр. мех. ч. А. И. Красковъ, кол. асс. Я. Н. Младенцевъ(**), лек. П. В. Бадянскій(***), іером. о. Іона.

Броненосецъ береговой обороны „Адмиралъ Сенявинъ". (Сданъ въ плѣнъ 15 мая 1915 г.; названъ японцами „Minoshima").

К1р. С. И. Григорьевъ, к2р. Ф. Ф. Артшвагеръ, лейт.: М. Д. Жаринцевъ(****), П. И. Бѣлавенецъ(*****), мичм.

*) Въ началѣ 1905 г. прибылъ съ транспорта „Донъ".
**) 28 января 1905 г. переведенъ съ бр. „Императоръ Николай I".
***) Въ мартѣ 1905 г. списанъ въ наличіе экипажа.
(*) 31 декабря 1904 г. прибылъ съ транспорта „Донъ".
(**) 22 марта 1905 г. списанъ въ Россію.
(***) 22 марта переведенъ на госпитальное судно „Кострома".
(****) 2 марта 1905 г. переведенъ на экс. бр. „Императоръ Николай I".
(*****) 2 марта 1905 г. переведенъ съ эск. бр. „Императоръ Николай I".

А. С. Каськовъ 2, лейт.: С. В. Николевъ, С. А. Якушевъ, мичм.: В. Н. Марковъ, А. А. Рыкачевъ, лейт. М. С. Рощаковскій, мичм.: А. В. Морозъ, В. С. Князевъ 2, пр. мор. ч. Р. М. Одеръ, пор.: П. К. Яворовскій, К. И. Бобровъ, К. Н. Тагуновъ, пр. мех. ч.: А. С. Чепаченко-Павловскій, кол. асс. А. А. Емельяновъ, игум. о. Зосима.

Крейсеръ I ранга „Владиміръ Мономахъ". (Погибъ въ 2 ч. дня 15 мая 1905 г.).

К1р. В. А. Поповъ, к2р. В. П. Ермаковъ, лейт. Н. Н. Нозиковъ, мичм.: А. В. Павловъ 2, В. Г. Антоновъ, С. В. Лукомскій, Г. Н. Пелль 4, лейт.: князь Д. П. Максутовъ 2, В. И. Орловъ, А. П. Мордвиновъ, мичм.: С. Н. Мемноновъ, бар. Г. Г. Остенъ-Сакенъ, М. П. Карецкій, Г. Метакса, пр. мор. ч.: А. И. Рытовъ, В. П. Джорджи, подполк. Е. А. Корнильевъ, пор.: Е. Эльтцбергъ, Г. К. Опель, пр. мех. ч.: А. К. Рѣтько, И. Ф. Бойко, надв. сов. К. А. Заржецкій, лек. А. М. Лобода, іером. о. Апполинарій.

Крейсеръ I ранга „Аврора". (Ушелъ въ Маниллу).

К1р. Е. Р. Егорьевъ (У), к2р. А. К. Небольсинъ (Р), лейт.: А. Н. Лосевъ 2 (Р), кн. А. В. Путятинъ (Р), Г. К. Старкъ 3 (Р), Б. П. Ильинъ, К. В. Прохоровъ 1 (Р), мичм. Б. Н. Эймонтъ, лейт. А. А. Захаровъ*), мичм.: М. Л. Бертенсонъ, Г. Р. Дорнъ (Р), М. В. Шаховской (Р), А. В. Терентьевъ 2 (Р), В. В. Яковлевъ 9 (Р), пр. мор. ч.: Э. Г. Бергъ (Р), М. Я. Сорокинъ, подполк. Н. К. Гербихъ, пор.: Ч. Ф. Малышевичъ, Н. И. Капустинскій, пр. мех. ч.: М. К. Городниченко, пор. Н. Ф. Шмолингъ**), надв. сов.: М. М. Бѣловъ***), В. С.

*) 31 декабря 1904 г. списанъ въ Россію.

**) 23 ноября 1904 г. переведенъ на крейсеръ 1 ранга „Олегъ".

***) 2 января 1905 г. списанъ въ Россію.

Кравченко*), лек. А. М. Бравинъ**), іером.: о. А. Рукинъ***), о. Георгій.

Крейсеръ I ранга „Дмитрій Донской". (Погибъ въ 8 час. утра 15 мая 1905 г.).

К1р. И. Н. Лебедевъ (У), к2р. К. П. Блохинъ, лейт.: П. Н. Дурново (У), Н. Н. Веселаго 2****), Г. М. Рюминъ*****), В. В. Селитренниковъ******), Д. Д. Добревъ (У), Б. К. Шутовъ 1, Б. А. Страдецкій*******), подполк. Г. С. Шольцъ (У), лейт.: Н. М. Гирсъ 4, А. О. Старкъ 1, Д. Д. Погожевъ(*), В. Е. Затурскій, М. Ф. Синявскій 2, мичм.: Г. Ф. Варзаръ(**), М. Г. Кнюпферъ, О. В. Вилькенъ (Р), пр. мор. ч.: И. П. Мамонтовъ, А. І. Августовскій, подполк. П. А. Мордовинъ, поруч.: А. И. Михалевскій, В. Н. Кольцовъ, Н. В. Скворцовъ, пр. мех. ч. Н. П. Разумовскій, надв. сов. К. П. Герцогъ, лек. І. І. Тржемскій, свящ. о. Добровольскій.

Крейсеръ I ранга „Адмиралъ Нахимовъ". (Погибъ въ 10 ч. 15 мая 1905 г.).

К1р. А. А. Родіоновъ 1, к2р. В. А. Гросманъ 1, лейт.: И. М. Гертнеръ 1, Н. А. Смирновъ 1, Ф. В. Васильевъ 7, мичм. П. И. Михайловъ 4, лейт. В. Е. Клочковскій, мичм.: В. А. Кузьминскій, Н. Н. Нордманъ 2, лейт.: Н. Ф. Мисниковъ, Г. Н. Мазуровъ, П. И. Крашенинниковъ, мичм.: Н. В. Даниловъ 2, М. Б. де-Ливронъ 6, М. К. Энгельгардтъ, Е. П. Винокуровъ 2, А. С.

---

*) 7 февраля 1905 г. прибылъ съ кр. II ранга „Изумрудъ".
**) 7 февраля 1905 г. переведенъ на кр. II р. „Изумрудъ".
***) 16 октября 1904 г. отправленъ въ Танжерскій госпиталь, гдѣ скончался отъ ранъ, полученныхъ во время Гулльскаго инцидента.
****) 17 ноября 1904 г. списанъ въ Россію.
*****) 15 февраля 1905 г. переведенъ на бр. „Орелъ".
******) 16 ноября 1904 г. списанъ въ Россію.
*******) 15 ноября 1904 г. переведенъ на тр. „Камчатка".
(*) Въ мартѣ 1905 г. переведенъ на м-цъ „Бодрый".
(**) 16 ноября 1904 г. списанъ въ Россію.

Рожественскій, пр. мор. ч.: А. К. Лонфельдъ, Б. Ю. Микуловскій, подполк. Н. З. Шемановъ, кап. М. А. Родіоновъ 2, пор.: Д. С. Сухаржевскій, С. А. Щепотьевъ, пр. мех. ч.: Н. Я. Фролковъ, И. Т. Кобыльченко, колл. сов. А. А. Зортъ, колл. асс. Л. К. Мордбергъ, іеромонахъ о. Виталій.

Крейсеръ I ранга „Свѣтлана". (Погибъ въ 11 час. 6 мин. дня 15 мая 1905 г.).

К1р. С. П. Шеинъ (У), к2р. А. А. Зуровъ (У), лейт.: Д. Г. Барковъ 2, А. А. Армфельдъ, Л. В. Воронецъ (У), В. В. Дьяконовъ (У), мичм. гр. Г. М. Иеродъ (У), лейт.: П. П. Солнцевъ, А. Е. Арцыбашевъ (У), А. В. Вырубовъ 2, Д. П. Толстой (У), мичм. В. Е. Картавцевъ (У), пр. мор. ч. Н. Д. Свербеевъ (У), подполк. А. П. Петровъ 2, шт.-кап. И. І. Деркаченко, пор.: Г. М. Хоментовскій, С. Р. Невяровскій, пр. мех. ч.: М. Агатьевъ (У), Д. Ф. Михайловъ, колл. сов. Н. И. Карловъ, іеромонахъ о. Федоръ Хандалѣевъ.

Крейсеръ I ранга „Олегъ". (Ушелъ въ Маниллу).

К1р. Л. Ф. Добротворскій, к2р. С. А. Посоховъ, лейт. А. В. Зарудный, мичм. М. М. Домерщиковъ, лейт.: И. В. Миштовтъ, Б. К. Армфельдтъ*), С. С. Политовскій**), Д. Ф. Мантуровъ, мичм. бар. П. К. Буксгевденъ 2, лейт.: А. Н. Афанасьевъ 2, А. Ц. Мюнстеръ***), мичм.: К. В. Солдатенковъ, И. Н. Билибинъ, А. С. Пелипенко, М. А. Энгельгардъ(*), Б. К. Шубертъ (Р)(**), пр. мор. ч.: Н. Н. Добрынинъ, Н. П. Соколовъ 2, подполк. Ф. О. Моэлинъ, кап. С. В. Злебовъ, пор.: Ю. В. Мельницкій, А. И. Чаадаевъ, пр. мех. ч. Н. И. Соко-

*) 13 января 1905 г. прибылъ съ бр. „Сисой Великій".
**) 19 января 1905 г. переведенъ съ мин-ца „Рѣзвый".
***) 1 марта 1905 г. переведенъ на тр. „Иртышъ".
(*) 20 января 1905 г. переведенъ на кр. „Ріонъ".
(**) 20 января 1905 г. переведенъ съ кр. „Ріонъ".

ловъ 1, мл. п. суд. Н. И. Лохвицкій*), надв. сов. В. П. Аннинъ, лекарь О. О. фонъ-Денъ, іеромонахъ о. Порфирій.

Крейсеръ II ранга „Изумрудъ“. (Прорвавшись къ Владивостоку, въ ночь на 17 мая 1905 г. потерпѣлъ крушеніе, наскочивъ на камни у бухты Владиміръ, гдѣ и былъ взорванъ).

К2р.: В. Н. бар. Ферзенъ, П. И. Паттонъ-Фантонъ-де-Веррайонъ, лейт.: В. С. Васильевъ 6, М. Е. Заозерскій, мичм.: А. С. Полушкинъ, Ф. Д. Свербеевъ**), лейт. В. В. Романовъ, мичм.: Н. А. Виреніусъ, Б. В. Соловьевъ, Д. И. Феодосіу, А. Н. Нордманъ, пр. мор. ч. бар. А. А. Стуартъ, шт.-кап. А. Д. Семенюкъ, пор.: А. Г. Топчіевъ, А. Спирковъ***), пр. мех. ч.: А. Н. Шандренко, А. Т. Дарморозовъ, колл. асс. В. С. Кравченко****), лекарь А. М. Бравинъ*****).

Крейсеръ II ранга „Жемчугъ“. (Ушелъ въ Маниллу).

К2р. П. П. Левицкій, лейт.: С. С. Вяземскій, Н. И. Игнатьевъ 4, П. В. Линденъ, В. И. Дмитріевъ 6, мичм. В. А. Киселевъ, лейт.: Ф. А. Матисенъ, бар. Д. М. Врангель (У), мичм.: Н. М. Ратьковъ (К), Г. А. Таваcтшерна (У), пр. мор. ч. Э. А. Спадовеки (Р), шт.-кап. А. В. Новиковъ, пор.: И. Ф. Твердюковъ, Н. Г. Щировскій, колл. асс. А. И. Викторовъ.

Крейсеръ II ранга „Алмазъ“. (Прорвался во Владивостокъ, куда прибылъ 16 мая 1905 года).

Ф.-а. к2р. И. И. Чагинъ, лейт.: А. П. Дьячковъ 1, П. П. Мочалинъ (У), В. Ф. Григорьевъ 3, Н. М. Григоровъ, мичм. С. И. Соболевскій, лейт.: Н. П. Кехли,

*) 7 января 1905 г. прибылъ съ бр. „Сисой Великій“.
**) 7 февраля 1905 г. списанъ въ наличіе экипажа.
***) 22 ноября 1904 г. переведенъ на уч. судно „Океанъ“.
****) 7 февраля 1905 г. переведенъ на кр. I ранга „Аврора“.
*****) 7 февраля 1905 г. переведенъ съ кр. I ранга „Аврора“.

Н. П. Саблинъ 2, Г. Ф. Гильдебрандтъ(*), мичм. М. М. Поггенполь, пр. мор. ч. кн. А. Чегодаевъ - Соконскій, подполк. Т. Р. Нейманъ 2, пор.: Н. П. Чистяковъ, В. М. Беклешевъ, колл. асс. В. А. Булатовъ, капитанъ П. П. Яворскій 1.

Крейсеръ II ранга „Уралъ". (Погибъ 14 мая 1905 г. въ 6 час. вечера).

К2р. М. К. Истоминъ, лейт.: кн. С. А. Ширинскій-Шихматовъ, П. А. Колокольцевъ*), М. А. Кедровъ 3, К. А. Чеглоковъ, С. В. Евдокимовъ, пр. мор. ч. О. Ю. Тидеманъ, лейт.: М. Р. Анцевъ, А. Г. фонъ-Шульцъ 5**), мичм.: бар. Б. Г. Шиллингъ 3, С. А. Евреиновъ, пр. мор. ч.: Е. В. Алтуховъ, В. Л. Войткевичъ***), Л. П. Хачиковъ, А. Н. Лебедевъ, А. М. Шпренгеръ, подполк. В. П. Сперанскій, пор. Д. Василенко-Иваницкій, пр. мех. ч.: А. Поповъ****), В. А. Коноплинъ, И. Г. Заіончковскій, М. А. Ремезовъ, Н. Г. Ивановъ*****), колл. асс. Б. А. Гужевскій, іером. о. М. Поддубный.

Крейсеръ II ранга „Днѣпръ". (Во время боя находился въ отдѣльномъ крейсерствѣ).

К2р. И. Г. Скальскій, лейт.: Л. Ф. Компаніоновъ, А. В. Никитинъ, пр. мор. ч. В. Ф. Кисель, лейт. И. А. Задонскій, мичм.: В. А. фонъ-Шварцъ, С. А. Логиновъ, пр. мор. ч.: В. С. Куницкій, Р. Л. Люде, В. Ф. Шмельцъ, Э. Куршинскій, Н. И. Демкинъ, пр. мех. ч.: В. М. Труэнъ, В. М. Грибановъ, К. І. Штаттлендеръ, В. С. Донгвартъ, М. Л. Григорьевъ-Алексановъ, врачъ П. Лашинъ, іеромонахъ о. Павелъ.

(*) 6 апрѣля 1905 г. переведенъ съ тр. „Кіевъ".
*) 19 апрѣля 1905 г. переведенъ на эск. бр. „Ослябя".
**) 29 января 1905 г. списанъ въ наличіе экипажа.
***) 2 января 1905 г. переведенъ на тр. „Юпитеръ".
****) 2 января 1905 г. убитъ упавшей стрѣлой.
*****) 17 января 1905 г. переведенъ на бр. „Орелъ".

Крейсеръ II ранга „Ріонъ". (Во время боя находился въ отдѣльномъ крейсерствѣ).

К2р. П. А. Троянъ, лейт.: В. Ф. Исаковъ, Э. А. фонъ-Беренсъ, В. В. Давыдовъ*), мичм.: Б. К. Шубертъ**), Л. Е. Гончаровъ***), М. А. Энгельгардъ, лейт.: кн. В. К. Кекуатовъ, М. М. Георгіевскій, мичм.: М. Н. Буковскій, бар. Н. А. Типольтъ****), К. Л. Илляшевичъ, пор. В. А. Бубновъ, пр. мор. ч.: К. Ф. Андроновъ, А. С. Нечаевъ, Г. К. Брунъ, шт.-кап.: М. Е. Акимовъ, А. А. Лебединскій*****), пр. мех. ч.: А. Т. Асямоловъ, І. І. Гиршбергъ, І. М. Фрей.

Крейсеръ II ранга „Кубань". (Во время боя находился въ отдѣльномъ крейсерствѣ).

К2р. Н. С. Маньковскій, лейт.: С. И. Фроловъ, А. Н. Мининъ, А. В. Вернандеръ, мичм. М. П. Арцыбушевъ, лейт. Г. Ф. Мусоргскій, мичм. П. Н. Хижинскій, пр. мор. ч.: А. А. Никифоровъ, Е. П. Болдыревъ, А. В. Ивашкевичъ, М. А. Декапреловичъ, Н. И. Шишкинъ, А. И. Чибизовъ, подполк. Д. Е. Чучугинъ, пор. Д. В. Аристовъ, пр. мех. ч.: Г. Г. Солонковъ, Т. С. Алексѣевъ, П. В. Петровскій, лекарь В. В. Анискевичъ.

Крейсеръ II ранга „Русь". (Возвращенъ отъ Скагена въ Россію).

К1р. А. Л. Колянковскій, к2р. В. В. Веселовскій, лейт. В. В. Вонлярлярскій, мичм.: С. П. Перковскій(*), Н. П. Заваринъ, лейт. Н. М. Бѣлкинъ 2, мичм.: бар. В. Э. Унгернъ-Штернбергъ 2(**), М. І. Щербицкій(***),

*) 18 января 1905 г. переведенъ на м-сецъ „Рѣзвый".
**) 20 января 1905 г. переведенъ на кр. „Олегъ".
***) 20 января 1905 г. переведенъ съ м-ца „Рѣзвый".
****) 24 апрѣля 1905 г. переведенъ съ тр. „Анадырь".
*****) 26 октября 1904 г. переведенъ съ тр. „Донъ".
(*) 2 февраля 1905 г. переведенъ на кр. II ранга „Донъ".
(**) 9 февраля 1905 г. переведенъ на бр. „Имп. Николай I".
(***) 9 февраля 1905 г. переведенъ съ бр. „Имп. Николай I".

Н. Карпинскій, В. Н. Макаровъ, пр. мор. ч.: А. И. Никуличевъ, А. М. Фирсовъ, Н. А. Игнатовъ, Л. Ф. Демме, А. В. Конъ, В. Поповъ (27 ноября утонулъ), подполк. Г. И. Евгеніевъ, пор.: А. В. Соколовъ*), Н. Пашицъ, пр. мех. ч.: І. Г. Зандбергъ, П. И. Кошевой, подпоруч. Р. Волковъ, колл. асс. В. А. Андреевъ, іером. о. Ювеналій, подполк. Д. Бѣляевъ, кап. М. Рейнфельдъ, пор. С. Мартенсъ, мичм. С. Ф. Дорожинскій, пр. мех. ч. П. Резенбергъ, юнкеръ фл. А. Носовъ**).

Эскадренный миноносецъ „Бравый"*). (Прорвался во Владивостокъ, куда прибылъ 17 мая 1905 г.).**

Лейт. П. П. Дурново, мичм.: Н. В. Третьяковъ, В. Е. Бурачекъ 4, К. К. фонъ-Нерике (Р), пор. С. М. Береновъ.

Эскадренный миноносецъ „Грозный"**). (Прорвался во Владивостокъ, куда прибылъ 17 мая 1905 г.).**

К2р. К. К Андржеевскій (Р), лейт. С. Д. Коптевъ, мичм.: Д. Н. Сафоновъ (Р), П. П. Дофельдтъ (У), В. В. Вилькенъ 3, шт.-кап. Н. А. Сно.

Эскадренный миноносецъ „Быстрый". (Погибъ въ 11 час. 50 мин. утра 15 мая 1905 г.).

Лейт. О. О. Рихтеръ 2, мичм.: гр. А. Г. Кейзерлингъ 2, В. Д. Погожевъ, С. Н. Унковскій, шт.-кап. В. К. Никуленко.

---

*) Списанъ въ Николаевскій Морской госпиталь.

**) Высочайшимъ приказомъ 16 мая 1905 г. № 610 произведенъ въ мичманы.

***) Во время боя „Бравый" подобралъ изъ воды 175 человѣкъ команды погибшаго броненосца „Ослябя" и лейтенантовъ Саблина, Колокольцова, мичмановъ Иванова и Бочманова съ него же. Убито — 9 человѣкъ нижнихъ чиновъ; ранено — 1 офицеръ и 4 нижнихъ чина.

****) Потери: убито 1 офицеръ, 3 нижнихъ чина, ранены 1 офицеръ, 2 нижнихъ чина.

Эскадренный миноносецъ „Блестящій“*). (Получивъ сильныя поврежденія въ бою, около 5 час. утра 15 мая утонулъ на пути въ Шанхай).

К2р. А. С. Шамовъ (У), мичм.: Г. В. Ломанъ, Я. И. Бѣлецкій (К), Н. Н. Зубовъ (Р), пор. А. Н. Кипарисовъ.

Эскадренный миноносецъ „Безупречный“. (Погибъ ночью на 15 мая 1905 г.).

К2р. І. А. Матусевичъ 2 (У), лейт. А. А. Быковъ 2 (У), мичм.: Ф. В. Гороновичъ (У), Г. В. Тиле (У), мл. инж. м. А. А. Носуленко (У).

Эскадренный миноносецъ „Бодрый“. (Прорвался въ Шанхай, гдѣ и разоружился).

К2р.: П. В. Ивановъ 3, П. П. Македонскій**), лейт. Н. Н. Крыловъ, мичм.: Н. В. Давыдовъ, А. Ф. фонъ-Гернетъ***), Д. Д. Погожевъ****), пор. Н. А. Яцукъ.

Эскадренный миноносецъ „Буйный“. (Погибъ въ 11 час. 30 мин. утра 15 мая 1905 г.).

К2р. Н. Н. Коломейцевъ, лейт. Н. В. Вурмъ, мичм. В. І. Храбро-Василевскій, пор. Е. Г. Даниленко 1.

Эскадренный миноносецъ „Громкій“. (Погибъ въ 12 час. 43 мин. 15 мая 1905 г.).

К2р. Г. Ф. Кернъ (У), лейт. А. А. Паскинъ 2 (У), мичм.: М. Н. Шелашниковъ (У), В. Н. Потемкинъ (Р). шт.-кап. В. В. Саксъ.

---

*) Миноносцемъ „Бодрый“ спасены и доставлены въ Шанхай 4 офицера и 75 человѣкъ команды.

**) 2 марта 1905 г. назначанъ временно командиромъ миноносца „Бодрый“ съ оставленіемъ въ должности Флагманскаго миннаго офицера.

***) 22 февраля 1905 г. переведенъ на крейсеръ „Дмитрій Донской“.

****) 22 февраля 1905 г. прибылъ съ кр. „Дмитрій Донской“.

Эскадренный миноносецъ „Бѣдовый“. (Сданъ въ плѣнъ 15 мая 1905 г.).

К2р. Н. В. Барановъ*), лейт. Н. С. Вечесловъ 2, мичм.: Т. А. О'Бріенъ-де-Ласси, А. С. Цвѣтъ, шт.-кап. А. В. Ильютовичъ.

Эскадренный миноносецъ „Рѣзвый“. (Возвращенъ изъ Краснаго моря въ Россію).

Эскадренный миноносецъ „Пронзительный“. (Оставленъ въ Средиземномъ морѣ).

Эскадренный миноносецъ „Прозорливый“. (Оставленъ въ Средиземномъ морѣ).

Транспортъ „Анадырь“. (Ушелъ въ Россію).

Транспортъ-мастерская „Камчатка“. (Погибъ около 6 час. вечера).

К2р. А. И. Степановъ 2 (У), лейт.: В. В. Никановъ 2 (У), Р. К. Вальрондъ**), Б. А. Страдецкій***), Г. Р. Генъ (У), мичм. М. Д. Шидловскій 3 (У), лейт.: С. Я. Бардуковъ, С. М. Михаиловъ-Рославлевъ (У), мичм.: П. І. де-Лаваль (У), А. В. Аристовъ (У), А. М. Самойловъ (У), кап. Н. А. Антоновъ (У), шт.-кап Н. К. Лубо (У), пор.: Н. А. Рейхель (У), А. М. Плѣшковъ (У), А Петровъ (У), пр. мех. ч.: Г. П. Шевченко (У), І. І. Кирштейнъ (У), М. Ждановъ (У), лекарь К. С. Обниссскій (У).

Транспортъ „Терекъ“. (Во время боя находился въ отдѣльномъ крейсерствѣ).

К2р. К. А. Панферовъ, лейт.: П. К. Панютинъ****), Ю. Г. Шплетъ, В. В. Случевскій, Н. Н. Матусевичъ,

---

*) Завѣдующій первымъ отрядомъ миноносцевъ.

**) 14 октября 1904 г. списанъ въ Россію для дачи свидѣтельскихъ показаній на Гулльскомъ процессѣ.

***) 14 февраля 1905 г. по болѣзни списанъ въ Россію.

****) 18 октября 1904 г. списанъ въ наличіе экипажа.

мичм.: А. К. Иноевсъ, А. О. фонъ-Денъ, Г. М. Добролюбовъ*), Н. С. Андреевъ, подпор. Н. Н. Максимовъ, пр. мор. ч.: В. Е. Гасабовъ, Г. И. Герасименко, М. Н. Кочинъ, В. М. Кузнецовъ, подполк. Л. Н. Стратоновичъ, В. В. Саговскій**), шт.-кап. А. А. Лебединскій, пр. мех. ч.: Д. П. Роръ, І. І. Буковскій, С. И. Мырза, Г. М. Ващенко, В. Карсовъ, колл. асс. А. А. Краснопѣвцевъ.

Транспортъ „Иртышъ". (Погибъ въ 3 часа утра 16 мая 1905 г.).

К2р.: К. Л. Ергомышевъ, И. Н. Магаринскій, лейт. П. П. Шмидтъ, мичм. Е. К. Емельяновъ, пр. мор. ч. А. Картерфельдъ, лейт.: В. П. Родзянко, К. К. Черепановъ, А. Ц. Мюнстеръ***), мичм.: Г. К. Графъ, Б. Д. Коссаковскій, Г. М. Пѣтуховъ, подпор. П. Ф. Фроловъ****), пр. мор. ч.: М. В. Петровъ-Техинъ, Р. Э. Гильбихъ, Н. И. Шишкинъ 1, кап. А. П. Порадовскій, пор. Г. Н. Радусъ-Зенковичъ, пр. мех. ч.: И. А. Новиковъ А. Л. Потапенко, А. И. Зарубинъ, колл. асс. В. Л. Радковскій*****), лекарь І. І. Деляличъ-де-Лаваль, іеромонахъ о. Зиновій.

Примѣчаніе: Списокъ взятъ изъ „Хронологическаго перечня военныхъ дѣйствій флота въ 1904-1905 г. г.", вып. II, сост. лейт. Новиковымъ, изд. СПБ. 1912 г.

---

*) 5 ноября 1904 г. списанъ въ наличіе экипажа.

**) 20 февраля 1905 г. переведенъ съ эск. бр. „Императоръ Александръ III".

***) 1 марта 1905 г. переведенъ съ кр. I ранга „Олегъ".

****) 1 марта 1905 г. переведенъ на тр. „Тамбовъ".

*****) 22 ноября 1904 г. списанъ въ Учебно-Артиллерійскій отрядъ.

Флота Генералъ *В. А. Штенгеръ*, Парижъ.

Подготовка II эскадры къ плаванію.

Во время Японской войны Морское Министерство принимало различныя экстренныя мѣры для пополненія состава Флота цѣнными боевыми единицами. Между прочимъ, были сдѣланы попытки пріобрѣсти покупкой нѣсколько судовъ, предназначенныхъ для аргентинскаго правительства.

Этимъ дѣломъ былъ занятъ Главный Морской Штабъ и велось оно, конечно, въ совершенно секретномъ порядкѣ. Однако, къ этой операціи было причастно столько самаго разнообразнаго народа, что секретность его становилась чисто номинальной.

Какая вакханалія происходила кругомъ вопроса о покупкѣ этихъ судовъ — трудно описать; кто только не былъ причастенъ къ этому дѣлу! Ухватить всѣ нити, понять всѣ махинаціи и не попасть въ просакъ — была задача не легкая. Переговоры велись все съ новыми и новыми агентами, и у каждаго изъ нихъ дѣло оказывалось вѣрнѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ. Крупный американскій капиталистъ Ф. внушалъ, повидимому, наибольшее довѣріе. Его вызвали въ Петербургъ. Тутъ произошелъ комичный инцидентъ: жандармскій полковникъ установилъ наблюденіе за проживающими въ Европейской гостиницѣ иностранцами-акулами, рьяно выискивая въ ихъ средѣ шпіоновъ; пріѣхавшій Ф. со своей свитой возбудилъ въ немъ особыя подозрѣнія и всю эту компанію онъ съ перваго же момента сталъ преслѣдовать по пятамъ, чѣмъ приводилъ ее въ немалое смущеніе; подозрѣнія его по какому то поводу еще болѣе усилились, и, наконецъ, онъ пришелъ торжественно доложить о

своей успѣшной дѣятельности; тутъ-то все и выяснилось, но не малаго труда стоило убѣдить полковника, что Ф. вызванъ и его ждутъ съ нетерпѣніемъ, почему интересъ жандармовъ къ нему совершенно излишне проявляется.

Итакъ, Ф., какъ многимъ казалось, могъ все же чего-то добиться въ отношеніи аргентинскихъ судовъ. Комбинація была сложная: необходимъ нейтральный флагъ при покупкѣ, но добыть его было не легко; все должно было происходить подъ покровомъ глубочайшей тайны, а при такой массѣ присосавшихся къ дѣлу людей сохранить секретность было едва ли возможно, и поэтому нужно было прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ хитростямъ и уловкамъ. Все это дѣлалось среди громадной текущей работы Главнаго Морского Штаба и создавало не мало хлопотъ своей сложностью и самымъ характеромъ дѣла. Различныя данныя привели, наконецъ, дѣло къ такому фазису, когда казалось, что одно изъ Южно-Европейскихъ государствъ готово осуществить всѣ намѣченныя предположенія, и, для воздѣйствія въ этомъ отношеніи, туда спеціально было командировано довѣренное лицо.

Письма его, приходившія изъ южной столицы, были въ высшей степени интересны. Для успѣха порученнаго ему дѣла онъ двигалъ тамъ людьми, какъ пѣшками, образовывалъ партіи, смѣщалъ неудобныхъ министровъ. Стоило это большихъ денегъ, но результата все же не дало. Оставалось войти въ непосредственные секретные переговоры съ аргентинскимъ правительствомъ. Для этой цѣли былъ уполномоченъ адмиралъ А., который, снабженный весьма значительными средствами и полномочіями для совершенія сдѣлки, выѣхалъ черезъ Парижъ по назначенію. Въ Главномъ Морскомъ Штабѣ, въ Петербургѣ, сношенія по этому дѣлу, однако, продолжались съ разно-

образными искателями легкой наживы, но практическаго значенія они уже не имѣли. Какъ и всѣ предыдущія попытки и поѣздка адмирала А. благопріятныхъ результатовъ не дала. Въ то же время Начальникъ Штаба, Адмиралъ З. П. Рожественскій, лично велъ дѣло о покупкѣ двухъ броненосныхъ крейсеровъ, построенныхъ въ Англіи для аргентинскаго правительства и не принятыхъ имъ. Въ этомъ дѣлѣ мнѣ пришлось принять близкое участіе, и уже вскорѣ было совершенно ясно, что этихъ судовъ мы никоимъ образомъ не получимъ, несмотря на благопріятно складывавшіяся по внѣшности обстоятельства. Дѣло въ томъ, что, по имѣвшимся у насъ свѣдѣніямъ, эти суда секретно уже были запроданы, и наше повышеніе предлагаемой цѣны вело лишь къ тому, что и противная сторона, для сохраненія внѣшнихъ условій свободной покупки, поднимала еще выше цѣну и была вообще очень щедра. Такимъ образомъ, наружно шла торговля, но мы уже знали, что послѣднее слово, во всякомъ случаѣ, останется не за нами. Поступавшія къ намъ донесенія и агентурныя свѣдѣнія совершенно опредѣленно это подтверждали. Однако, въ обществѣ, конечно, такихъ свѣдѣній не было, и на Адмирала и Штабъ сыпались со всѣхъ сторонъ ярые упреки въ неумѣніи провести это дѣло. Къ тому времени Помощникъ Начальника Главнаго Морского Штаба, Адмиралъ В., былъ назначенъ временно-командующимъ отрядомъ (въ составѣ броненосца „Ослябя", крейсеровъ и миноносцевъ), который долженъ былъ изъ Средиземнаго моря пробираться на Дальній Востокъ. Долгое время броненосецъ „Ослябя" пробылъ въ серьезномъ ремонтѣ въ Специи. Наконецъ, отрядъ тронулся и кое-какъ добрался до Портъ-Саида. Тутъ произошла встрѣча съ вышеупомянутыми продававшимися крейсерами, которые съ англійскимъ экипажемъ, съ японскими офицерами и подъ англійскимъ

торговымъ флагомъ спѣшили въ японскія воды. Обидно было, что на виду нашихъ боевыхъ судовъ благополучно проходятъ сильныя боевыя единицы къ непріятелю, и что Адмиралъ В. не принялъ самыхъ рѣшительныхъ мѣръ, чтобы не допустить дальнѣйшаго слѣдованія этихъ крейсеровъ, когда они стояли рядомъ съ судами отряда. Конечно, такое дѣйствіе было бы сопряжено съ большимъ рискомъ, но, можетъ быть, и надо было итти ва-банкъ. Такъ или иначе — крейсеры благополучно прошли, и свѣдѣнія, сообщенныя Телеграфнымъ Агентствомъ о томъ, что ихъ на пути караулятъ русскіе миноносцы (чего, конечно, въ дѣйствительности не было), не произвели ни малѣйшаго эффекта и не замедлили ихъ пути.

Тѣмъ временемъ возникъ вопросъ о назначеніи Командующаго эскадрой, которая уже формировалась для посылки на Дальній Востокъ. Кругомъ этого вопроса было много шуму. Главнымъ агитаторомъ за скорѣйшую посылку всѣхъ судовъ, какія только возможно было собрать, явился талантливый капитанъ 2 ранга Кладо, профессоръ Морской Академіи. Въ зажигательныхъ статьяхъ онъ поносилъ Морское Министерство и настаивалъ на экстренномъ подготовленіи эскадры, указывая, какъ именно это надо дѣлать и какъ не умѣетъ съ этимъ справляться Морское Министерство, развивая планы будущихъ операцій и настаивая на посылкѣ всѣхъ судовъ, вплоть до броненосцевъ береговой обороны, которые дальше Финскаго залива никогда еще не выходили. Мнѣнія спеціалистовъ по этому вопросу очень дѣлились, но общественное мнѣніе было на сторонѣ Кладо, который впервые выступилъ въ печати съ непривычной у насъ рѣзкой и прямой критикой всего начальства и многихъ увлекъ за собой.

Эскадра усиленно готовилась и въ составъ ея зачислялись постепенно, кромѣ новыхъ, только что

выстроенныхъ и еще не испытанныхъ судовъ, всѣ сколько-нибудь годныя для морскихъ переходовъ суда, включая даже яхту „Алмазъ“ и крейсеръ „Свѣтлана“, которые первоначально совершенно не предназначались для боевой службы въ эскадрѣ. Надо было, наконецъ, рѣшить вопросъ о Начальникѣ эскадры, который объединилъ бы все въ своихъ твердыхъ рукахъ. Выборъ былъ нетрудный, — ни на кого, кромѣ З. П. Рожественскаго, въ сущности, и указать было нельзя. Говорили еще, правда, про Адмираловъ Скрыдлова и Бирилева, но серьезно останавливались только на З. П., чувствуя, что вести такую разнокалиберную, наспѣхъ изготовленную эскадру въ далекія восточныя воды можетъ только желѣзная воля и желѣзная рука, а этимъ обладалъ, и притомъ въ полной мѣрѣ, Адмиралъ З. П. Рожественскій. Мнѣ привелось въ теченіе 9 мѣсяцевъ быть его близкимъ помощникомъ, замѣщая Помощника Начальника Главнаго Морского Штаба, Адмирала В. Я ниже привожу воспоминанія свои объ этомъ, по моему мнѣнію, незаурядномъ человѣкѣ только за этотъ промежутокъ времени. Раньше я его не зналъ. Слышалъ лишь довольно неодобрительные о немъ отзывы подчиненныхъ и, вообще, мало хорошаго. Враговъ у него было, очевидно, много, благодаря его необузданному характеру. Я отнюдь не берусь здѣсь привести полную его характеристику, какъ человѣка, и высказываю лишь свои личныя впечатлѣнія за сравнительно короткое время близкаго знакомства съ нимъ. Ежедневно я бывалъ у Адмирала по службѣ, много разъ въ теченіе дня и неукоснительно сидѣлъ у него часами каждый вечеръ до поздней ночи, читая и составляя телеграммы, секретные и срочные доклады и бумаги. По мѣрѣ того, какъ я ближе узнавалъ Адмирала, я все болѣе и болѣе проникался къ нему глубокимъ, искреннимъ уваженіемъ. Всѣ его выходки, основанныя на вспыльчи-

вости, такъ часто отталкивавшія отъ него людей, на меня производили совсѣмъ обратное впечатлѣніе. Сила воли его была поистинѣ огромна, онъ владѣлъ собою поразительно. Умѣлъ онъ быть обворожительно пріятнымъ и любезнымъ, но могъ быть и безконечно рѣзкимъ и строгимъ. И любезность его вовсе не проявлялась только по отношенію къ старшимъ, равнымъ или нужнымъ ему людямъ; наоборотъ, — онъ былъ такимъ со всѣми, и съ самыми маленькими людьми, онъ умѣлъ ихъ обласкать и успокоить, когда приходили къ нему съ просьбой или за совѣтомъ. Много я лично видѣлъ примѣровъ его безконечной сердечной доброты, какъ онъ, человѣкъ безъ всякихъ средствъ, изъ своего жалованья помогалъ нуждающимся, напримѣръ, студентамъ и гимназистамъ для платы за ученіе. Не разъ мнѣ приходилось присутствовать и при вспышкахъ его неудержимаго гнѣва; онѣ бывали мгновенны, но повергали окружающихъ въ форменный ужасъ. Были ли то подчиненные по службѣ, частныя лица и даже свои близкіе родные — тутъ онъ этого не разбиралъ — и попадало всѣмъ одинаково. Но вспышки эти были внезапны и скоро проходящи, и такъ соотвѣтствовали порывистому характеру Адмирала, что, въ сущности, не должны бы вызывать злобы къ нему. Правда, боялись его курьеры и ординарцы. Одного взгляда его было довольно, чтобы все у нихъ сыпалось изъ рукъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ умѣлъ помогать имъ и награждать, и притомъ такъ сердечно, что они совершенно растроганные уходили отъ него, и не разъ приходилось мнѣ слышать, что „хотя и строгъ онъ, но добрый, и своего въ бѣдѣ не оставитъ“. Зиновій Петровичъ обладалъ несомнѣнно ораторскимъ талантомъ. Говорилъ красиво, смѣло и тембръ его голоса былъ рѣдко пріятный; слова его проникали прямо въ душу и часто слѣдствіемъ ихъ былъ общій подъемъ. Помню я его горячую рѣчь на

крейсерѣ „Мининъ", когда онъ еще командовалъ артиллерійскимъ отрядомъ и былъ пожалованъ Государемъ въ Свиту. Было это въ 1902 г. при посѣщеніи Ревеля Императоромъ Вильгельмомъ. Послѣ ряда блестящихъ смотровъ и стрѣльбъ, Вильгельмъ, внѣшне очарованный всѣмъ видѣннымъ, сердечно распрощался и ушелъ на своей яхтѣ изъ Ревеля. Послѣ этого Государь Императоръ со свитой отправился къ Адмиралу на „Мининъ", горячо благодарилъ его въ присутствіи выстроенныхъ во фронтъ офицеровъ и команды и поздравилъ съ зачисленіемъ въ Свою Свиту. Зиновій Петровичъ, видимо, былъ очень взволнованъ и тутъ у него вырвались такія задушевныя, теплыя слова на тему о томъ, „что не онъ заслужилъ милость Царя, а его сотрудники и команда", что всѣ были глубоко растроганы. Это былъ первый разъ, когда я слышалъ рѣчь Адмирала передъ высокимъ и многочисленнымъ собраніемъ, и она на меня произвела глубокое впечатлѣніе. Впослѣдствіи не одинъ разъ еще я имѣлъ случай его слышать, и всегда онъ умѣлъ овладѣть своими слушателями. Если принять во вниманіе его ежедневный режимъ, то, поистинѣ, можно было только удивляться. А режимъ его былъ таковъ: вставалъ онъ въ 7 час. утра и въ 8 час. уже сидѣлъ за бумагами въ кабинетѣ; при этомъ резолюціи его на бумагахъ почти никогда не ограничивались краткой надписью: „справку", „къ распоряженію" и т. п., а почти всегда составляли подробное и опредѣленное рѣшеніе, такъ редактированное, что можно было его цѣликомъ переписывать, какъ отвѣтныя бумаги; нерѣдко эти резолюціи были очень рѣзки, иногда въ нихъ проглядывала иронія, но всегда были опредѣленны. Почеркъ у Адмирала былъ рѣдко хорошій, и всѣ свои замѣтки и резолюціи онъ всегда писалъ чернилами и всегда безъ поправокъ. Безчисленное количество имѣющихъ до него дѣло лицъ, преимущественно просителей,

онъ принималъ обычно утромъ до 10 час.; съ 10 же часовъ начинались доклады по дѣламъ Штаба и шли безъ перерыва до 1 часу дня. При этомъ телефонъ изъ другихъ Министерствъ дѣйствовалъ безпрерывно, телеграммы въ то тревожное время сыпались, какъ изъ рога изобилія, и рѣшенія по нимъ слѣдовали немедленно. Тутъ же наряду бывали сношенія по вопросамъ, касающимся формирующейся эскадры и разныхъ предложеній изобрѣтателей, самыхъ разнообразныхъ и подчасъ несуразныхъ *). Далѣе наступало время завтрака, но уже въ 2 часа Адмирала не было дома — онъ дѣлалъ многочисленные визиты, участвовалъ въ засѣданіяхъ и пр. Въ 4 часа онъ снова былъ дома, гдѣ его уже ждала полная пріемная народу. Тутъ были и заводчики, и всякіе иностранцы, и чины Флота и Штаба, и опять это колесо вертѣлось до 7 час. вечера, когда Адмиралъ обѣдалъ. Въ 8 час. обычно я снова бывалъ у него съ послѣдними

---

*) Не могу не упомянуть по поводу изобрѣтателей о нѣкоторыхъ злосчастныхъ представителяхъ этой своеобразной корпораціи.

Нѣкій обитатель Вѣны, австріецъ, предложилъ соорудить аппаратъ, плавающій подъ водой, вмѣщающій одного человѣка, и снабженный минами, которыя можно выбрасывать, подойдя совсѣмъ близко къ намѣченной цѣли. Приборъ этотъ заинтересовалъ техниковъ и изобрѣтателю было предложено руководить постройкой на одномъ изъ заводовъ въ Петербургѣ. Господинъ этотъ прибылъ изъ Вѣны и подъ большимъ секретомъ постройка началась. Время шло, но постройка все затягивалась и закончилась лишь зимой, когда уже никакихъ испытаній нельзя было производить. Аппаратъ-лодку вмѣстѣ съ изобрѣтателемъ отправили въ Черное море, предложивъ Главному Командиру, Адмиралу Чухнину, произвести самыя серьезныя испытанія. Изъ полученнаго затѣмъ отъ Адмирала донесенія выяснилось, что когда аппаратъ былъ спущенъ на воду, то изобрѣтателю было предложено занять въ немъ мѣсто и показать его дѣйствіе. Каково же было общее удивленіе, когда изобрѣтатель со слезами на глазахъ сталъ молить пощадить его, говоря, что у него въ Вѣнѣ жена и дѣти

бумагами и телеграммами, и уходилъ не раньше 11 ч., притомъ нагруженный безконечными приказаніями, экстренными порученіями и пр. и пр. — Адмиралъ продолжалъ одинъ работать и ежедневно около 2-хъ часовъ ночи предупреждалъ меня по телефону, что посылаетъ мнѣ еще порцію бумагъ, давая по нѣкоторымъ указанія. Тутъ кончался его рабочій день. Болѣзней онъ не признавалъ и упорно не хотѣлъ слѣдовать совѣтамъ врачей. Сила воли излѣчивала его отъ всѣхъ недуговъ, по крайней мѣрѣ наружно, и никто не сказалъ бы, что серьезная болѣзнь почекъ причиняетъ ему мученія и вліяетъ на состояніе. Своей неистощимой энергіей Адмиралъ заражалъ и окружающихъ.

Таковъ былъ Зиновій Петровичъ, и понятно поэтому, что на немъ сосредоточивались всѣ мысли, какъ на единственномъ лицѣ въ адмиральскихъ рядахъ, которое въ состояніи было бы вести къ цѣли

и онъ не можетъ такъ рисковать собой. Конечно, послѣ этого не нашлось охотниковъ пожертвовать собой для испытанія прибора и онъ остался безъ примѣненія въ Черномъ морѣ, гдѣ о немъ, вообще, забыли. Впослѣдствіи изобрѣтателю разрѣшили вывезти въ Австрію нѣкоторыя цѣнныя части прибора, которыя онъ самъ оттуда привезъ; но австрійская таможня этого груза безпошлинно не пропустила, и какъ онъ ни доказывалъ, что грузъ происходитъ изъ Австріи, ему все-же пришлось изрядно заплатить. По этому поводу онъ потомъ неоднократно обращался въ разныя инстанціи у насъ со слезными прошеніями, но такъ ничего и не добился.

Помню другого изобрѣтателя. Этотъ былъ русскій, почтовый чиновникъ, изъ города Пскова. Перечисливъ всѣ бѣды, которыя грозятъ кораблю въ сраженіи, — пожаръ, потопленіе, повреждение отъ снарядовъ и пр., — онъ брался построить такое судно, которое въ водѣ не тонетъ и въ огнѣ не горитъ. Въ заключеніе онъ просилъ выслать ему немного денегъ на дорогу въ Петербургъ, чтобы лично открыть секретъ своего изобрѣтенія. Конечно, онъ остался въ своемъ Псковѣ и его секретъ такъ и погибъ.

Былъ еще одинъ интересный типъ, русскій, пріѣхавшій

подготовляемую разнокалиберную армаду. Я уже упоминалъ, что вспоминали также Адмираловъ Бирилева и Скрыдлова. Повидимому и сами они не прочь были отъ такой миссіи, особенно послѣдній. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что въ этомъ смыслѣ отчасти предпринималъ шаги и самъ Адмиралъ Рожественскій, который очень не хотѣлъ брать на себя тяжелую обузу, будучи, вообще, противъ посылки эскадры въ такомъ составѣ. Но въ одинъ прекрасный день Адмиралъ заявилъ мнѣ, что отъ него здѣсь, въ Петербургѣ, окончательно рѣшили отдѣлаться и назначаютъ его Начальникомъ эскадры.

И дѣйствительно, въ ближайшіе дни онъ былъ вызванъ Государемъ, который просилъ его вступить

изъ Америки. На бортѣ своей визитки онъ всегда носилъ американскій флажокъ. Это былъ молодой человѣкъ, пріятной наружности, но безконечно развязный, по-просту — большой нахалъ. Какъ-то ему удалось пробраться въ высокія сферы и оттуда уже онъ явился со своимъ изобрѣтеніемъ въ Главный Морской Штабъ съ приказаніемъ разсмотрѣть его проектъ и всячески помочь его осуществить. Изобрѣлъ онъ летательный приборъ и представилъ самый общій проектъ, не разработанный. Самъ онъ былъ очень мало свѣдущъ въ техническихъ вопросахъ, на все у него былъ отвѣтъ, что „это, молъ, пустяки, все будетъ прекрасно". Ему дали довольно большую сумму авансомъ и отвели удобное мѣсто для постройки. Съ этого момента онъ появляется все рѣже и рѣже и, наконецъ, совсѣмъ прекращаетъ свои визиты въ Штабъ; постройка такъ и не начинается и обѣщанные детальные чертежи не представлены. Самъ онъ окончательно исчезаетъ съ горизонта. Затѣмъ неожиданно онъ снова появляется, и даже съ чертежами, но по странному совпаденію тогда-же обнаруживается пропажа чертежей у извѣстнаго русскаго строителя аэроплановъ. Тутъ этотъ ловкій джентльменъ пропадаетъ снова и приходится обращаться къ помощи Департамента Полиціи, чтобы его разыскать и попытаться отобрать хотя-бы остатки выданнаго аванса. Его самого въ концѣ - концовъ находятъ, но денегъ у него уже нѣтъ ни копѣйки.

въ командованіе эскадрой, что Адмиралъ, конечно, и долженъ былъ исполнить.

Положеніе его, какъ Командующаго, было совершенно отличное отъ обычнаго положенія флагмана. Ему были даны обширныя полномочія для изготовленія и снабженія эскадры. Съ этого времени по всѣмъ дѣламъ эскадры Адмиралъ со всѣми учрежденіями сносится непосредственно, а не черезъ Главный Морской Штабъ, какъ это было раньше. Морской Министръ, Главный Морской Штабъ и всѣ подвѣдомственныя учрежденія почти прекращаютъ связь съ Адмираломъ, мало что зная о его планахъ и намѣреніяхъ, въ которые онъ никого, кромѣ чиновъ своего вновь сформированнаго эскадреннаго Штаба, не посвящалъ.

Тѣмъ не менѣе, Главный Морской Штабъ, по своему почину, отъ времени до времени выдвигалъ вопросы, связанные съ предстоящимъ плаваніемъ эскадры. На моей памяти засѣданіе у Морского Министра по вопросу о присоединеніи къ эскадрѣ судовъ береговой обороны. Какъ уже упомянуто, эта категорія судовъ отнюдь не предназначалась для большихъ морскихъ переходовъ, будучи проектирована для несенія прибрежной службы въ Финскомъ заливѣ. Ни запасъ угля, ни машины и котлы не соотвѣтствовали требованіямъ, предъявляемымъ къ линейнымъ судамъ, и лишь артиллерія, хотя и малочисленная, по понятіямъ того времени, признавалась относительно сильной. Самый вопросъ о посылкѣ съ эскадрой такихъ судовъ получилъ движеніе и былъ внесенъ на обсужденіе въ Совѣщаніи у Морского Министра, подъ давленіемъ агитаціи того же Кладо, о которомъ я упомянулъ ранѣе; въ газетахъ появлялись его статьи, полныя стратегическихъ соображеній, очень интересныя и увлекательныя для непосвященныхъ.

На его сторонѣ оказался и бывшій въ то время Главнымъ Командиромъ Кронштадтскаго Порта Адмиралъ Бирилевъ, доведшій это дѣло до благопріятнаго рѣшенія, въ смыслѣ взгляда Кладо. Собраніе Адмираловъ у Министра, выслушавъ желаніе Адм. Бирилева взять всецѣло на себя изготовленіе по всѣмъ частямъ судовъ къ походу, признало посылку ихъ съ эскадрой желательной. Генералъ-Адмиралъ Алексѣй, а затѣмъ и Государь Императоръ мнѣніе Адмираловъ утвердили. Адмиралъ Рожественскій проявлялъ только пассивное сопротивленіе, не предпринимая въ этомъ отношеніи никакихъ рѣшительныхъ шаговъ, хотя въ кругу офицеровъ онъ опредѣленно высказывался, что суда эти для эскадры не помощь, а большая обуза. Въ дѣйствительности, при создавшихся въ то время условіяхъ, ему и трудно было серьезно противодѣйствовать въ подобныхъ вопросахъ, ибо всякія такія его дѣйствія особой группой неизбѣжно пояснялись нежеланіемъ его, вообще, вести эскадру, подразумѣвая трусость, и бороться съ такимъ обвиненіемъ ему не было возможности. Такимъ образомъ, постепенно былъ рѣшенъ вопросъ о составѣ эскадры и подъ личнымъ руководствомъ Адмирала Рожественскаго и при самомъ дѣятельномъ участіи Адмирала Бирилева шло энергичное изготовленіе входящихъ въ нее судовъ. Надо, однако, отмѣтить, что это изготовленіе было довольно своеобразное. Необходимо было, съ одной стороны, проявить чрезвычайную поспѣшность и въ то же время выполнить на судахъ капитальныя работы и измѣненія въ устройствѣ, необходимыя для предстоящаго выдающагося перехода, въ условіяхъ военнаго времени. Многое поэтому дѣлалось кое-какъ, безъ надлежащихъ испытаній; отъ другого приходилось вовсе отказываться; судовое снабженіе также оставляло желать лучшаго; боевое же снабженіе, въ виду малыхъ запасовъ и малой продуктивности заво-

довъ, было и совсѣмъ въ загонѣ, и этотъ острый вопросъ какъ-то затушевывался. Снарядовъ суда получили настолько мало, что объ учебной, практической стрѣльбѣ, необходимой для тренировки личнаго состава, не могло быть и рѣчи. Еще болѣе не удовлетворялъ потребности составъ экипажей. Брали для укомплектованія всѣхъ, безъ исключенія, призванныхъ изъ запаса, и даже частью отбывающихъ легкія наказанія въ тюрьмахъ Кронштадта и Петербурга. Всѣ уже бывшія раньше въ плаваніи, а затѣмъ вошедшія въ составъ эскадры суда, были укомплектованы не полностью, и теперь приходилось на нихъ добавлять людей; спеціалистовъ, требующихся по комплектаціи, конечно, не хватало, и ихъ поневолѣ приходилось замѣнять кѣмъ попало. Не говоря уже о неопытности, въ смыслѣ судовой службы, такой команды, сюда попадали элементы, по нравственнымъ своимъ качествамъ крайне нежелательные и вредные. Ни одинъ портъ, ни одна мастерская не были въ достаточной мѣрѣ подготовлены къ выпавшей на ихъ долю интенсивной работѣ, и мѣстами начало проявляться недовольство рабочихъ; этимъ не замедлили воспользоваться подпольные дѣятели, усиливая такое настроеніе рабочихъ агитаціей. При такихъ тяжелыхъ условіяхъ создавалась та, по мнѣнію Кладо, „мощная“ морская сила, которая должна была побѣдить японскій флотъ, о которомъ, кстати сказать, мало кто и говорилъ. Правда, нашъ морской агентъ въ Японіи, капитанъ 1 ранга Р., до послѣдняго дня наканунѣ войны подробно доносилъ о дѣятельныхъ приготовленіяхъ японцевъ, о составѣ его флота, маневрахъ его, артиллеріи, минномъ вооруженіи и пр. и пр., высказывая при этомъ свои очень вѣсскія соображенія, но всѣ эти донесенія, съ помѣтками Начальства о прочтеніи, большею частью просто подшивались къ дѣламъ Штаба и практическихъ мѣръ почти не вызывали,

несмотря на неоднократныя попытки обратить вниманіе Начальства на серьезность сообщаемыхъ свѣдѣній. Адмиралъ Рожественскій отъ времени до времени посѣщалъ суда, ускорялъ работы своимъ энергичнымъ словомъ; но больше онъ былъ занятъ со своимъ Штабомъ дома, вырабатывая планъ перехода эскадры и, самое главное, — снабженія ея углемъ. Это былъ вопросъ капитальной важности. Адмиралъ предусматривалъ, что ни одна нейтральная держава не допуститъ захода эскадры въ свои порта для погрузки угля, и что всѣ пріемки угля придется дѣлать въ морѣ, при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ. Поэтому необходимо было обезпечить себѣ поставку угля пароходами въ опредѣленныхъ пунктахъ, по пути слѣдованія эскадры. Нашлись энергичные коммерсанты, которые взялись за это дѣло, требовавшее большихъ организаціонныхъ способностей, а, главное, глубочайшей тайны.

Среди нихъ особенно выдѣлялся крупный коммерческій дѣятель, М. А. Гинсбургъ, хорошо извѣстный всему Флоту по своей полезной работѣ на Дальнемъ Востокѣ. Ни отъ какихъ, самыхъ сложныхъ и трудныхъ порученій, Г. никогда не отказывался и выполнялъ ихъ съ рѣдкой добросовѣстностью и съ полнымъ успѣхомъ. Въ то тяжелое время онъ былъ въ сущности единственнымъ вѣрнымъ и опытнымъ работникомъ, помогавшимъ Штабу. Другія лица, къ которымъ приходилось обращаться съ предложеніемъ выполнить ту или другую операцію въ связи съ плаваніемъ эскадры, неизмѣнно отказывались, ссылаясь на чрезмѣрныя трудности.

Теперь, когда все это было выполнено, и притомъ замѣчательно успѣшно, не трудно себѣ уяснить, какой колоссальный трудъ это дѣло представляло. Шпіонажъ Японіи былъ у насъ развитъ въ высшей степени. Друзья ихъ также не зѣвали. Въ нейтраль-

ныхъ странахъ для данной цѣли нельзя было ни зафрахтовать, ни купить открыто ни одного парохода, не говоря уже, конечно, объ углѣ. И тѣмъ не менѣе, все это Адмиралу, съ его дѣльными помощниками, удалось подготовить и организовать съ громадной затратой труда и, конечно, денегъ. Подробностей организаціи въ Главномъ Морскомъ Штабѣ не знали, но кое-какія свѣдѣнія, для того, чтобы въ свое время можно было содѣйствовать, Адмиралъ Штабу сообщилъ. Тѣмъ временемъ, одно за другимъ, суда эскадры начинали по готовности кампанію, и новымъ судамъ, впервые вступающимъ въ составъ флота, по окончаніи краткихъ испытаній, Генералъ-Адмиралъ производилъ смотръ въ Кронштадтѣ. Были, конечно, разнообразныя задержки при этомъ. Такъ, одинъ изъ новыхъ кораблей долженъ былъ испытывать машины, и при первыхъ же оборотахъ ихъ было замѣчено нагрѣваніе частей и порча ихъ отъ стальныхъ опилковъ, попавшихъ между частями механизма. Было выяснено, что сдѣлано это было съ цѣлью испортить механизмы и задержать судно; виновниковъ этого возмутительнаго поступка удалось найти, они понесли заслуженную кару, но готовность броненосца, а изъ-за него и эскадры, значительно задержалась.

Наконецъ, моментъ готовности эскадры наступилъ. Но у насъ, офицеровъ Главнаго Морского Штаба, все не было яснаго представленія, — кто же, въ концѣ-концовъ, сказалъ опредѣленное и окончательное слово о томъ, что эскадра въ такомъ составѣ „должна“ итти на Дальній Востокъ. Кладо или общественное мнѣніе? Но этого казалось какъ будто недостаточно! Самъ Государь Императоръ? Но для этого у Него не было ни спеціальныхъ докладовъ, ни Совѣщаній, а одному рѣшить такой вопросъ, вліяющій на исходъ войны, Ему было бы трудно. Адмиралъ Рожественскій былъ противъ посылки эскадры,

но тоже этого въ оффиціальныхъ кругахъ опредѣленно ни разу не говорилъ. И вотъ, волнуемый такими вопросами, я, вмѣстѣ со своимъ ближайшимъ Начальникомъ, Адмираломъ В., спѣшно составили записку о томъ — итти ли эскадрѣ или не итти, приведя всѣ соображенія какъ за, такъ и противъ, и указали, что насталъ моментъ компетентной власти твердо и опредѣленно признать то или другое положеніе правильнымъ и приказать эскадрѣ безъ замедленія выходить, или же отмѣнить ея походъ. Записку я лично подалъ Министру, но дальнѣйшаго движенія онъ ей не далъ.

На одинъ изъ ближайшихъ дней былъ назначенъ очередной смотръ броненосца въ Кронштадтѣ Генералъ-Адмираломъ Вел. К. Алексѣемъ Александровичемъ. Я обратился къ Министру съ просьбой доложить Его Высочеству, не признаетъ ли онъ необходимымъ, въ виду приближающейся готовности эскадры, обсудить еще разъ въ компетентномъ Совѣщаніи, если возможно подъ предсѣдательствомъ Государя, самый вопросъ о томъ — итти ли эскадрѣ, для какой главной цѣли, и если итти, — то когда именно. Къ этому побуждало и то, что по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, не только весь нашъ Отдѣлъ Главнаго Морского Штаба, но и самъ Министръ мало былъ посвященъ въ планы и намѣренія Адмирала Рожественскаго. Министръ встрѣтилъ мою просьбу непривѣтливо; долго я убѣждалъ его, и, наконецъ, онъ все же призналъ возможнымъ доложить эти соображенія Генералъ-Адмиралу въ Кронштадтѣ. Адмиралъ Авеланъ все возражалъ мнѣ, что вопросъ уже рѣшенъ и нѣтъ основанія къ нему возвращаться, но никакъ не могъ мнѣ сказать — кѣмъ и когда онъ рѣшенъ.

На слѣдующій день утромъ, на яхтѣ „Нева", Министръ отбылъ въ Кронштадтъ. Тотчасъ послѣ

его возвращенія я былъ у него и, къ удовлетворенію своему, узналъ, что на слѣдующій же день въ 1 часъ дня назначено Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ Государя, въ Петергофскомъ дворцѣ. Кто будетъ приглашенъ на Совѣщаніе, извѣстно еще не было. Мы въ Штабѣ, не упуская минуты времени, стали подготовлять матеріалы по возбужденному вопросу для Министра, и вечеромъ уже я ему передалъ разныя записки и справочныя свѣдѣнія. Ближайшій мой начальникъ, Адмиралъ В., захворалъ и я его замѣнялъ. Надо сказать, что въ ряду другихъ вопросовъ, возникавшихъ въ послѣднее время, въ Штабѣ разрабатывался вопросъ о грузахъ, которые по военному времени должны быть признаны военной контрабандой, и объ этомъ велись сношенія съ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ; но этотъ вопросъ, среди многихъ другихъ, не представлялся вопросомъ особой важности, и разрѣшеніе его шло обычнымъ порядкомъ.

Волненіе охватило всѣхъ служащихъ въ Штабѣ офицеровъ, когда утромъ Министръ отправился въ Петергофъ. Дѣло не клеилось и время проходило въ разсужденіяхъ о вѣроятныхъ рѣшеніяхъ Совѣщанія, которому всѣ придавали значеніе первостепенной важности. Но вотъ сообщаютъ, что Министръ вернулся; бѣгу къ нему; принимаетъ меня тотчасъ же и начинаетъ передавать какія-то самыя малозначащія бумаги, поступившія во время его отсутствія и оказавшіяся у него на столѣ. Уже сильно разочарованный, я задаю вопросъ, что же рѣшено на Совѣщаніи, и въ отвѣтъ получаю разъясненіе, что „по поводу контрабанды такъ и не могли окончательно договориться съ Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ и гр. Ламсдорфъ по этому вопросу еще напишетъ". Но какъ-же эскадра? Неужели же Министръ такъ ничего и не скажетъ по этому наболѣвшему вопросу? Я рѣшаюсь

самъ спросить, что же рѣшено по поводу эскадры. Адмиралъ, какъ бы вспомнивъ что-то совершенно постороннее, отвѣчаетъ, что эскадра пойдетъ по назначенію и притомъ очень скоро. Хочется знать всѣ подробности, какія соображенія кѣмъ были высказаны, кто былъ за походъ, кто и почему противъ, но Министръ какъ будто этимъ мало интересовался и на мои навязчивые разспросы пояснилъ только, что Адмиралъ Рожественскій ни за, ни противъ не говорилъ, но заявилъ, что всѣ его подготовительныя мѣры по заготовкѣ угля въ пути расчитаны на извѣстный періодъ времени и стоитъ эта организація баснословныхъ денегъ; поэтому, если эскадра, вообще, должна итти, то ей необходимо выйти въ этотъ именно періодъ, иначе всѣ разсчеты окажутся несоотвѣтствующими и придется все организовывать наново, даромъ потративъ громадныя суммы. Это заявленіе и было рѣшающимъ и Совѣщаніе постановило — эскадрѣ въ намѣченный срокъ выйти по назначенію. Больше я отъ Министра ничего не узналъ и впослѣдствіи не могъ ознакомиться ближе съ сужденіями, высказанными на Совѣщаніи, такъ какъ никакихъ матеріаловъ о немъ въ Штабъ не попало; но то немногое, что стало извѣстно, конечно, не могло принести удовлетворенія. Съ Адмираломъ Рожественскимъ мнѣ пришлось лишь кратко поговорить на эту тему. Онъ только высказалъ, что убѣждать присутствующихъ въ безполезности посылки такой эскадры, каковой она оказалась, онъ не желалъ, ибо единственный для всѣхъ выводъ былъ бы, что Адмиралъ Рожественскій боится предстоящихъ трудностей, и это тѣмъ болѣе, что были лица, которыя готовы были его немедленно замѣстить и взять на себя это отвѣтственное дѣло — проводку такой многочисленной и разношерстной эскадры. Но для Штаба, да и для Адмирала Рожественскаго, я думаю, было ясно, что это было бы покушеніе съ

совершенно негодными средствами. Одинъ Адмиралъ Рожественскій, по общему голосу, былъ способенъ взять на себя эту безмѣрно тяжелую задачу. И онъ ее взялъ на себя и выполнилъ блестяще — эскадру провелъ.

Такимъ образомъ, время выхода эскадры было назначено. Суда сосредоточивались въ Ревелѣ, гдѣ ихъ въ послѣдній разъ посѣтилъ Государь Императоръ. Съ Адмираломъ Рожественскимъ всѣ штабные разстались съ глубокой грустью. Въ Штабѣ началась работа другого рода: всевозможныя мѣры по охранѣ пути эскадры въ предвидѣніи возможныхъ покушеній на суда со стороны японцевъ. Пришлось войти въ тѣсное сношеніе съ Департаментомъ Полиціи, который заваливалъ насъ всякими агентурными свѣдѣніями.

Такъ какъ у насъ начали получаться свѣдѣнія о намѣреніяхъ японцевъ помѣшать разными способами свободному слѣдованію эскадры, то въ распоряженіе Главнаго Морского Штаба Департаментомъ былъ командированъ чиновникъ Гартингъ, впослѣдствіи стяжавшій громкую, но печальную извѣстность. При первомъ знакомствѣ съ Гартингомъ онъ произвелъ на меня крайне отрицательное впечатлѣніе. Я опредѣленно заявилъ сослуживцамъ, что этотъ чиновникъ въ вицмундирѣ не внушаетъ довѣрія. Однако, многіе моего взгляда не раздѣляли. Апломбъ у Гартинга былъ очень большой, говорилъ онъ очень много и развивалъ всякіе планы, какъ онъ поведетъ охрану. Вскорѣ онъ явился съ готовымъ проектомъ, согласно которому организовывалъ цѣлую сѣть постовъ по побережью Скагена, обслуживаемыхъ мѣстными жителями, за хорошія деньги, конечно, а самъ находился во главѣ цѣлой мѣстной рыбачьей флотиліи,

которая должна была крейсировать на пути слѣдованія эскадры и сообщать ему о всемъ замѣченномъ. Для поддержанія своихъ плановъ онъ не упускалъ случая намъ представлять все болѣе и болѣе страшныя агентурныя свѣдѣнія, якобы имъ полученныя. Денегъ онъ изводилъ уйму, уѣзжая въ Швецію и организуя тамъ охрану, какъ онъ намъ объяснялъ; было ли это, однако, такъ въ дѣйствительности, — сказать затрудняюсь. Въ помощь ему, по этому же дѣлу, примазался еще одинъ полезный дѣятель — Мануйловъ, впослѣдствіи не менѣе Гартинга пріобрѣвшій извѣстность. Этотъ, впрочемъ, рѣдко появлялся у насъ въ Штабѣ и особыхъ дѣлъ съ нимъ не было. Гартингъ сообщалъ намъ, что „тогда-то видѣли двухъ японскихъ морскихъ офицеровъ съ чемоданомъ, въ которомъ была мина; видѣли старый миноносецъ, видимо, купленный и приспособленный японцами"; наконецъ, — появились новѣйшіе японскіе миноносцы и т. д. и т. д. — одно страшнѣе другого. И хотя закрадывалось большое сомнѣніе въ справедливости его свѣдѣній, но надо отдать ему справедливость, — онъ умѣлъ хорошо придать всему оттѣнокъ правдоподобія, и такъ какъ провѣрить его не было никакихъ средствъ, то и приходилось, поневолѣ, все же съ его сообщеніями считаться. Насъ, штабныхъ, было очень мало и удѣлять кого-либо на эту провѣрку въ Швецію и Данію было невозможно; свободныхъ офицеровъ, вообще, не было, всѣ ушли на эскадрѣ; да и кромѣ того, такое спеціальное дѣло требовало и особыхъ людей, и такихъ именно среди офицеровъ трудно было найти. Приходилось мириться съ положеніемъ и пользоваться крайне дорогими услугами присланныхъ намъ спеціалистовъ. Своихъ немногочисленныхъ агентовъ, изъ бывшихъ офицеровъ, съ трудомъ удалось подыскать и ихъ послали въ болѣе отдаленные пункты — какъ, напр., въ Красное море.

Пока отъ нихъ мы никакихъ тревожныхъ свѣдѣній не получали. Такъ протекали первые дни плаванія эскадры, какъ вдругъ грянулъ громъ — получена была телеграмма Командующаго о попыткѣ японскихъ миноносцевъ атаковать эскадру во время прохода у Доггэръ-банки. Миноносцы будто бы вышли изъ Гуля, агентура объ этомъ уже сообщала намъ въ Штабъ раньше. Въ свою очередь Штабъ обо всемъ сообщалъ Начальнику эскадры и, вѣроятно, только даромъ нервировалъ его и весь судовой составъ; но можно-ли было объ этомъ умолчать, взявъ на свою* отвѣтственность, и что было бы, если бы въ нашихъ агентурныхъ свѣдѣніяхъ оказалась хотя доля правды, а мы бы этого не сообщили? Суда эскадры стрѣляли по видимымъ миноносцамъ, потопили два — оказавшихся потомъ рыбачьими пароходами, и благополучно прослѣдовали дальше, миноносцы-же куда-то скрылись; но это происшествіе имѣло дальнѣйшія послѣдствія и стало извѣстнымъ подъ названіемъ „Гульскаго инцидента". Къ разбору этого дѣла я случайно оказался близкимъ, и такъ какъ оно представляетъ несомнѣнный интересъ, то я здѣсь на немъ остановлюсь.

Потопленіе артиллеріей судовъ нашей эскадры у Доггэръ-банки двухъ англійскихъ рыбачьихъ пароходовъ послужило поводомъ для англичанъ потребовать удовлетворенія. Русское Правительство признало дѣйствія своего Адмирала правильными и настаивало на томъ, что дѣйствительно два японскихъ миноносца пытались атаковать суда эскадры; англійское же правительство это категорически отрицало, доказывая, что никакихъ миноносцевъ въ тѣхъ водахъ не было. Адмиралъ Рожественскій доносилъ, что всѣ рыбачьи пароходы держались въ морѣ безъ установленныхъ огней, что несомнѣнно облегчало маневрированіе находившихся среди нихъ миноносцевъ; англичане же

это отрицали. Все это, а также и самый фактъ боевой стрѣльбы съ судовъ въ нейтральныхъ водахъ, повели къ тому, что дипломатическими сношеніями была установлена необходимость образованія международной слѣдственной комиссіи для разбора происшедшаго инцидента. Пока шли переговоры о составѣ комиссіи и выяснилось, что она соберется въ Парижѣ въ декабрѣ мѣсяцѣ, у насъ, въ Морскомъ Министерствѣ, намѣчались кандидаты. Выборъ Начальства остановился на Генералъ-Адъютантѣ Адмиралѣ Казнаковѣ и я былъ назначенъ секретаремъ при немъ. Я занялся собираніемъ всѣхъ имѣющихся въ Морскомъ Министерствѣ матеріаловъ по Гульскому инциденту, пріемкой денегъ и пр. хозяйственными приготовленіями для поѣздки. Въ то же время подъѣхали присланные съ судовъ эскадры изъ Виго свидѣтели инцидента — капитанъ 2 ранга Кладо и три офицера съ разныхъ судовъ. Наконецъ, сборы были закончены и весь составъ делегаціи выѣхалъ по назначенію въ Парижъ. Съ нами же выѣхалъ и баронъ М. А. Таубе, командированный отъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, какъ юристъ и выдающійся специалистъ по международному праву; въ помощь ему былъ назначенъ г. Мандельштамъ, драгоманъ Посольства въ Константинополѣ, который долженъ быть прибыть позднѣе въ Парижъ. Кромѣ того, въ составъ делегаціи былъ еще включенъ совѣтникъ Посольства въ Парижѣ, А. В. Неклюдовъ. Посломъ во Франціи въ то время былъ А. И. Нелидовъ. Адмиралъ Казнаковъ былъ уже преклоннаго возраста и заботы о своемъ здоровьи и удобствахъ, по необходимости, были у него на первомъ планѣ; дѣло его уже менѣе интересовало, и состояніе его, вообще, таково, что сосредоточиться на чемъ-либо ему было довольно трудно. Невольно иногда возникали сомнѣнія, какъ это онъ справится съ возложенной на него задачей, и почему Началь-

ство именно его избрало; но еще не было случая опредѣленно судить объ его отношеніи къ дѣлу, умѣньи разбираться въ людяхъ и фактахъ и руководить работой. Все это было еще впереди, хотя сомнѣнія уже и закрадывались въ душу. Н. Л. Кладо все время въ пути очень оживленно бесѣдовалъ съ случайными пассажирами и, главнымъ образомъ, съ корреспондентами газетъ, которые, несмотря на всѣ принимаемыя, по приказанію Адмирала, мѣры, все же ухитрялись попадать въ интересующій ихъ вагонъ нордъ-экспресса. Я упоминаю здѣсь объ этомъ потому, что позднѣе все это дало Н. Л. Кладо матеріалъ для фельетонной статьи, которую онъ помѣстилъ въ „Новомъ Времени". Прочесть ее намъ привелось уже въ Парижѣ. Статьей этой Кладо вызвалъ очень обостренныя къ себѣ отношенія со стороны Адмирала и всѣхъ офицеровъ, такъ какъ оглашеніе въ печати совершенно интимныхъ обстоятельствъ изъ жизни всѣхъ насъ, офицеровъ-путешественниковъ, нельзя было назвать иначе, какъ весьма неудобнымъ пріемомъ. И это особенно потому, что выдержки изъ статьи немедленно же появились во французскихъ газетахъ и вмѣсто того, чтобы поддержать въ глазахъ иностранцевъ престижъ русскихъ представителей, въ чемъ, казалось бы, долженъ былъ быть заинтересованъ и самъ Кладо, онъ всѣхъ выставлялъ въ комическомъ видѣ и призывалъ такимъ образомъ и хозяевъ нашихъ, французовъ, посмѣяться надъ русской делегаціей. Фельетонъ этотъ появился въ Парижѣ, когда мѣсто Адмирала Казнакова уже занялъ другой — Адмиралъ Дубасовъ, котораго непосредственно, слѣдовательно, Кладо не затрагивалъ; и тѣмъ не менѣе именно Адмиралъ Дубасовъ отнесся очень серьезно къ такимъ его дѣйствіямъ и, по общему соглашенію, отношеніе къ нему установилось крайне сдержанное. Но возвращаюсь къ путешествію. На одной изъ

крупныхъ станцій во Франціи Адмиралу Казнакову не удалось уклониться отъ назойливыхъ корреспондентовъ. Я присутствовалъ при его переговорахъ съ однимъ изъ нихъ, видѣлъ, въ какомъ затруднительномъ положеніи Адмиралъ оказался, и тутъ у меня сложилось въ первый разъ убѣжденіе, что Адмиралъ принялъ на себя непосильное бремя, — исчезала надежда, что онъ съумѣетъ достойно справиться съ тяжелыми обязанностями представителя Россіи въ Международной Комиссіи. Около 4 ч. пополудни мы прибыли въ Парижъ и были встрѣчены нашимъ Морскимъ Агентомъ и представителемъ Департамента Полиціи П. И. Рачковскимъ, съ которымъ я здѣсь встрѣтился впервые. Человѣкъ этотъ оказался въ высшей степени интереснымъ. О пріѣздѣ Делегаціи ему сообщилъ Директоръ Департамента Полиціи А. А. Лопухинъ, предложивъ быть въ распоряженіи Адмирала. Мы остановились въ приготовленныхъ комнатахъ „Hôtel Mirabeaux" на rue de la Paix. Здѣсь насъ встрѣтилъ совѣтникъ Посольства А. В. Неклюдовъ, съ которымъ тутъ же была намѣчена программа для послѣдующихъ дней. На слѣдующій день съ Адмираломъ отправился въ Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, на quai d'Orsay, гдѣ для нашей комиссіи было отведено прекрасное обширное помѣщеніе. Иностранные адмиралы, участники комиссіи, еще не съѣхались; кромѣ чиновъ англійской делегаціи, во главѣ съ адмираломъ Sir Louis Beaumont, ожидался американскій адмиралъ Dawis. Вопросъ о томъ, будетъ ли еще австрійскій или германскій адмиралъ, былъ не рѣшенъ. Отъ французскаго флота былъ назначенъ адмиралъ Фурнье, съ которымъ наша делегація немедленно вошла въ близкій контактъ. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней состоялось наше представленіе Президенту Республики.

Затѣмъ подъѣхалъ американскій адмиралъ со своимъ адъютантомъ и наличнымъ членамъ комиссіи предстояло рѣшить, кого еще пригласить въ качествѣ члена. Какъ сообщили намъ состоявшіе при иностранныхъ адмиралахъ офицеры, предположено было пригласить австрійскаго адмирала и былъ уже намѣченъ подходящій кандидатъ. Назначено было специальное засѣданіе для рѣшенія этого вопроса, и чтобы облегчить дѣло адмиралу Казнакову, я ему передалъ записку съ именемъ намѣченнаго кандидата, чтобы онъ его случайно не забылъ. Адмиралъ охотно согласился назвать указанное въ запискѣ лицо.

Однако, какъ потомъ выяснилось, въ секретномъ засѣданіи безъ нашего участія Адмиралъ нашъ про записку забылъ и упорно стоялъ на приглашеніи австрійскаго адмирала, съ которымъ когда-то во время плаваній ему пришлось познакомиться, но который, къ сожалѣнію, уже давно переселился въ лучшій міръ; присутствовавшіе адмиралы убѣждали Адмирала Казнакова избрать другого кандидата, но по разсѣянности и забывчивости, онъ все снова возвращался къ своему кандидату, чѣмъ привелъ всѣхъ въ полное недоумѣніе. Въ концѣ-концовъ, все же намѣчено было пригласить австрійскаго адмирала Шпаунъ, котораго всѣ считали наиболѣе подходящимъ. Однако, послѣ этого засѣданія намъ, состоящимъ при Адмиралѣ, конфиденціально и въ очень деликатной формѣ дали понять, что возникаетъ опасеніе, какъ бы Адмиралъ Казнаковъ не встрѣтилъ затрудненій при выполненіи возложенной на него задачи. Положеніе для насъ создавалось крайне трудное. Къ счастью, приближались праздники Рождества (по нов. ст.), и послѣ непродолжительнаго обсужденія въ распорядительномъ засѣданіи комиссіи было рѣшено начать занятія лишь послѣ праздниковъ. Пользуясь такимъ удобнымъ положеніемъ, я отправился къ нашему послу, А. И.

Нелидову, съ которымъ давно былъ знакомъ по Константинополю. Ему я разсказалъ подробно и совершенно откровенно положенiе дѣла и просилъ, если можно, немедленно предпринять шаги къ тому, чтобы Адмиралъ Казнаковъ былъ отозванъ и замѣненъ другимъ. Александръ Ивановичъ вполнѣ со мной согласился и обѣщалъ написать въ Петербургъ. Послѣдующiе дни мы были заняты обязательными визитами, которыми исправно обмѣнивались съ членами прiѣхавшихъ делегацiй, въ томъ числѣ и австрiйской; у себя дома, вмѣстѣ съ барономъ Таубе, мы готовили описанiе Гульскаго инцидента — Exposé de faits; вмѣстѣ мы составлили его по-русски, и баронъ Таубе переводилъ на французскiй языкъ, которымъ владѣлъ въ совершенствѣ. Exposé это должно было быть напечатано и роздано всѣмъ членамъ комиссiи: оно должно было послужить исходнымъ пунктомъ для слѣдственнаго разбора дѣла. Такое же Exposé, съ своей точки зрѣнiя, готовили и англичане, въ делегацiи коихъ состоялъ выдающiйся юристъ Sir Edward Frey. Незадолго до праздниковъ всѣ члены нашей делегацiи какъ-то собрались на завтракѣ у нашего Морского Агента. Какъ разъ во время завтрака была получена шифрованная телеграмма на имя Адмирала и, крайне заинтересованный ею, Адмиралъ просилъ меня тотчасъ же расшифровать. Приступивъ къ этому, я, по первымъ словамъ, понялъ, что телеграмма эта является результатомъ письма А. И. Нелидова. Телеграмма была подписана Великимъ Княземъ Генералъ-Адмираломъ — „Алексѣй". Сказано было приблизительно слѣдующее: „Государь Императоръ, въ виду перерыва занятiй комиссiи на время предстоящихъ праздниковъ, желаетъ выслушать Вашъ личный докладъ по дѣлу, выѣзжайте немедленно". — Я былъ отчасти виновникъ этой телеграммы, но прочелъ ее съ радостью и совѣсть моя была чиста; правда,

неловко мнѣ было по отношенію къ Адмиралу, котораго я очень любилъ и уважалъ, но дѣло важнѣе личныхъ отношеній. Адмиралъ нашъ былъ совершенно пораженъ такой неожиданностью, но, въ общемъ, кажется, былъ доволенъ. Мнѣ онъ заявилъ, чтобы я готовился ему сопутствовать. Однако, ѣхать мнѣ никуда не пришлось.

Спустя короткое время затѣмъ Адмиралъ Казнаковъ уѣхалъ въ Петербургъ для „личнаго доклада", обѣщая очень скоро вернуться обратно. Меня онъ, въ концѣ-концовъ, рѣшилъ оставить въ Парижѣ, на случай какихъ-либо сношеній по дѣламъ слѣдственной комиссіи. Тотчасъ, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ предполагалъ мнѣ сообщить о времени возвращенія и дать дальнѣйшія указанія; но болѣе ему вернуться уже не пришлось. Я вскорѣ получилъ отъ него чрезвычайно сердечное письмо, въ которомъ онъ повѣствовалъ о своихъ свиданіяхъ со всѣмъ высшимъ начальствомъ, которое, между прочимъ, поголовно отрицало свое участіе въ вызовѣ Адмирала обратно. То же ему сообщилъ и Вел. Князь Генералъ-Адмиралъ Алексѣй Александровичъ. Вскорѣ нашъ Морской Агентъ подѣлился съ нами полученнымъ сообщеніемъ, что Вице-Адмиралъ Федоръ Васильевичъ Дубасовъ назначенъ преемникомъ Адмирала Казнакова и къ концу Рождественскихъ праздниковъ пріѣдетъ въ Парижъ. Адмирала Дубасова я зналъ только по разнымъ Совѣщаніямъ, въ которыхъ онъ принималъ всегда дѣятельное участіе. Своей внѣшностью и манерой себя держать Адмиралъ производилъ очень импонирующее впечатлѣніе. Онъ проявлялъ большую твердость и рѣзко и прямо высказывалъ свои мнѣнія. Говорилъ онъ прекрасно, медленно, увѣренно и очень сжато. Съ взглядами его въ совѣщаніяхъ очень считались. Нѣсколько праздничныхъ дней прошли для насъ, остававшихся въ Парижѣ, незамѣтно, и день

прiѣзда новаго предсѣдателя наступилъ. Облачившись въ соотвѣтствующую форму, какъ это полагалось у штатскихъ — сюртуки и цилиндры, — мы отправились встрѣчать его съ нѣкоторымъ трепетомъ, сознавая, что теперь уже будетъ музыка не та. Какъ я выше упоминалъ, по желанiю Адмирала Казнакова, мы всѣ помѣстились въ Hôtel Mirabeaux на rue de la Paix, въ то время бывшемъ въ полномъ упадкѣ. Адмиралъ Дубасовъ имѣлъ свой излюбленный Hôtel Vendôme и просилъ Морского Агента озаботиться тамъ для него помѣщенiемъ. Конечно, надо и намъ всѣмъ было туда перебраться. Это все было не легко. Хозяинъ Mirabeaux былъ очень обиженъ, находилъ, что такой переѣздъ портитъ renommée его Hôtel, помимо того, что приноситъ убытокъ, и хотѣлъ жаловаться чуть ли не Государю.

Въ концѣ-концовъ, наканунѣ прiѣзда Адмирала, мы все же всѣ перебрались въ Vendôme. Для Адмирала было помѣщенiе въ 2 комнаты, затѣмъ отдѣльная комната была устроена для занятiй, и мы всѣ заняли по комнатѣ. Hôtel этотъ былъ прекрасный и мы всѣ устроились комфортабельно. Ресторана тамъ не было, и мы либо ходили по разнымъ мѣстамъ питаться, либо намъ приносили обѣды. Такъ какъ почти о каждомъ нашемъ шагѣ писали въ газетахъ, то особой свободой въ своей частной жизни мы вообще не пользовались.

Но возвращаюсь къ прiѣзду Адмирала. Подошелъ поѣздъ и вышелъ Адмиралъ. — Высокiй, широкоплечiй и сухощавый, съ рыжеватыми волосами, зачесанными по-старинному впередъ на вискахъ. Въ тотъ же вечеръ состоялось у насъ дома засѣданiе, гдѣ Адмиралъ подробно ознакомился съ документами и получилъ отъ насъ объясненiя по разнымъ вопросамъ. На другой день Адмиралъ продѣлалъ всѣ обязательные визиты, представлялся Президенту и Министру

Delcassé, у котораго затѣмъ мы всѣ по приглашенію завтракали. Завтракъ этотъ прошелъ очень оживленно и симпатично. Съ барономъ Таубе мы вдвоемъ заканчивали свое Exposé de faits, давшее не мало работы. Нашъ Адмиралъ, видимо, еще не составилъ себѣ мнѣнія о дѣйствительномъ положеніи дѣла, и каждый вечеръ мы у него собирались для выясненія всѣхъ подробностей. Къ капитану Кладо, въ связи съ написаннымъ имъ въ „Новомъ Времени" фельетономъ, онъ относился очень отрицательно. Свидѣтельскія показанія, которыя намъ приходилось выслушивать отъ офицеровъ, пріѣхавшихъ съ эскадры, давали много матеріала, но не выясняли дѣла вполнѣ, и было все еще мало данныхъ, чтобы выступить въ комиссіи твердо и вполнѣ увѣренно. Затребованы были съ эскадры подлинныя телеграфныя ленты и выписки изъ вахтенныхъ журналовъ. Тѣмъ временемъ слѣдственная комиссія собиралась раза два въ полномъ составѣ на quai d'Orsay, для распорядительныхъ засѣданій. Была организована канцелярія и намѣченъ порядокъ работъ.

Нашъ юридическій представитель баронъ Таубе и англійскій Mr. Frey въ одномъ изъ засѣданій ознакомили комиссію съ своими взглядами на происшедшій инцидентъ. Коротко говоря, нашъ представитель утверждалъ, что рыбачьи пароходы на Доггэръ-банкѣ были безъ огней и на судахъ эскадры видѣли ясно выдѣлившіеся изъ нихъ 2 миноносца, противъ которыхъ и была открыта стрѣльба. Англичанинъ же утверждалъ, что пароходы всѣ были съ установленными огнями и никакихъ миноносцевъ не было и быть не могло. Ясно, что такія два діаметрально противоположныя мнѣнія помирить было невозможно и становилось чрезвычайно интереснымъ, какой же выходъ изъ этого положенія будетъ найденъ. Было установлено ранѣе, что будетъ употребляться во время

работъ комиссіи какъ официальный языкъ только французскій. Предсѣдателемъ Комиссіи былъ избранъ старшій изъ присутствующихъ, французскій адмиралъ Фурнье. Работа наша начала принимать опредѣленный характеръ. Утромъ въ 10 ч. засѣданія въ Министерствѣ и вечеромъ собраніе у нашего Адмирала для подготовленія къ слѣдующему дню. Постепенно выяснялись всѣ детали обѣими сторонами, и какъ для той, такъ и для другой, въ зависимости отъ ихъ взглядовъ, получались полныя картины всего происшедшаго. Мы подготовляли имѣющіеся матеріалы, въ видѣ телеграфныхъ лентъ, выписокъ изъ журналовъ, донесеній Адмирала Рожественскаго и командировъ судовъ эскадры для представленія въ Комиссію. Нѣкоторые дополнительно полученные документы внесли много ясности въ дѣло.

Наконецъ, всѣ предварительныя совѣщанія и работы были закончены и предстояло приступить къ рѣшенію дѣла въ публичномъ засѣданіи, по выслушаніи свидѣтелей обѣихъ сторонъ. Нашъ Морской Агентъ въ Лондонѣ, принимавшій дѣятельное участіе въ нашихъ занятіяхъ и нерѣдко появлявшійся въ Парижѣ, пріѣхалъ какъ-то съ сенсаціоннымъ извѣстіемъ, что у него имѣются 2 свидѣтеля англичанина, подтверждающіе присутствіе миноносцевъ на Доггэръбанкѣ. Желая использовать всѣ возможныя средства, Адмиралъ предложилъ этихъ свидѣтелей доставить къ засѣданію Комиссіи въ Парижъ, что и было исполнено. Ихъ помѣстили въ гостиницѣ подъ строжайшимъ контролемъ. Первое знакомство съ этими господами, при которомъ и я присутствовалъ, произвело на насъ очень отрицательное впечатлѣніе. Представлялось, что это лица ненадежныя, охотно готовыя за деньги показать, что угодно. Свѣдѣнія ихъ тоже были очень неясны и фантастичны. Ихъ кормили, поили и еще платили имъ — чего же имъ было еще желать,

они готовы были быть свидѣтелями безконечно. Наша развѣдка — Рачковскій и Мануйловъ, наблюдая за ними, пришли тоже къ очень неблагопріятнымъ выводамъ. А тутъ удалось какъ-то узнать, будто англичане уже знаютъ о нашихъ таинственныхъ свидѣтеляхъ и яко-бы имѣютъ доказательства, что эти джентельмены недавно только выпущены изъ тюрьмы, гдѣ сидѣли за ложныя показанія подъ присягой. Такъ ли это было въ дѣйствительности или нѣтъ — мы не знали, но, въ концѣ-концовъ, Адмиралъ нашъ не рѣшился воспользоваться этими свидѣтелями, и они были отправлены обратно въ Лондонъ.

Насталъ, наконецъ, день засѣданія. Обѣ стороны огласили свои Exposé de faits, какъ они ихъ понимали. Вскорѣ попросилъ слова англійскій адмиралъ, пожилой Sir Beaumont и, ставъ, началъ длинное изложеніе всего дѣла и своего взгляда на англійскомъ языкѣ. Лишь только онъ закончилъ свою рѣчь, поднялся Адмиралъ Дубасовъ и отчетливо и медленно заявилъ, что въ распорядительномъ своемъ засѣданіи Комиссія приняла оффиціальнымъ дѣловымъ языкомъ — французскій языкъ, англійскій же адмиралъ, вопреки этому, выступилъ съ рѣчью на англійскомъ языкѣ; посему онъ, адмиралъ Дубасовъ, считаетъ себя вправѣ и обязаннымъ изложить свою точку зрѣнія на своемъ языкѣ, т. е. по-русски, и затѣмъ Адмиралъ произнесъ длинную рѣчь по-русски. Большинство присутствующихъ хлопали глазами, ничего не понимая. Окончивъ свое обращеніе, Адмиралъ Дубасовъ прибавилъ, что его, конечно, никто не понялъ, и поэтому онъ повторитъ сказанное по-французски. Эффектъ отъ такого выступленія Адмирала получился колоссальный, и нечего и говорить, что послѣ этого никто уже не покушался говорить на засѣданіяхъ по-англійски. Однако, какъ выше я уже указалъ, взгляды на дѣло обѣихъ сторонъ были непримиримы.

Засѣданія продолжались еще, но уже видно было, что на почвѣ выясненнаго матеріала постановить рѣшеніе, удовлетворяющее обѣ стороны, было почти невозможно. Тогда Адмиралъ Дубасовъ нашелъ другой выходъ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о томъ, были ли или нѣтъ миноносцы, онъ предложилъ Комиссіи отвѣтить на вопросъ — правъ ли былъ Адмиралъ Рожественскій, ведшій эскадру изъ 48 разнообразныхъ судовъ, когда, неся колоссальную отвѣтственность, подъ давленіемъ всѣхъ агентурныхъ свѣдѣній и сообщеній съ судовъ самой эскадры, онъ принялъ мѣры для охраны эскадры и въ извѣстный моментъ открылъ стрѣльбу? Какъ бы поступили при такихъ условіяхъ адмиралы, члены Комиссіи? При этомъ матеріальные убытки, причиненные потопленіемъ двухъ рыбачьихъ пароходовъ, Адмиралъ предлагалъ возмѣстить изъ суммъ Россійскаго Правительства. Комиссія приняла предложеніе Адмирала и на поставленный вопросъ адмиралы отвѣтили, что Адмиралъ Рожественскій поступилъ при данныхъ обстоятельствахъ правильно, и такъ поступилъ бы на его мѣстѣ каждый начальникъ столь многочисленной и разнородной эскадры. Русское Правительство уплатило 600.000 рублей семьямъ, потерпѣвшимъ убытки отъ потопленія пароходовъ.

Я выѣхалъ въ Петербургъ раньше одинъ, съ докладомъ Адмирала Дубасова Генералъ-Адмиралу, который нашъ Адмиралъ написалъ собственноручно. По прибытіи я уже снова всецѣло погрузился въ штабную работу, которой для меня нашлось много. Затѣмъ Адмиралъ, какъ я слышалъ, вернулся изъ Парижа, но я его еще не видѣлъ. Онъ въ то время былъ предсѣдателемъ Морского Техническаго Комитета. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней Адмиралъ просилъ меня зайти къ нему въ Техническій Комитетъ. Я немедленно отправился къ нему. Видимо, онъ

былъ въ очень приподнятомъ настроенiи. „Я только что отъ Государя Императора и послѣ моего доклада Его Величеству угодно было поздравить меня своимъ Генералъ-Адъютантомъ“, сказалъ онъ. „Прежде всего я хотѣлъ подѣлиться своей радостью съ Вами и еще разъ поблагодарить Васъ за помощь. Теперь скажите, что Вы хотите, чѣмъ я могу Васъ порадовать. Чинъ, орденъ?“ Я былъ искренно тронутъ и радъ за достойнаго Адмирала.

Я же лично чинъ недавно получилъ, а высшiй для меня въ то время орденъ, Владимiръ 4 ст., Адмиралъ Рожественскiй, передъ уходомъ изъ Главнаго Морского Штаба, мнѣ уже исходатайствовалъ. Въ концѣ-концовъ, мнѣ была объявлена Высочайшая благодарность въ приказѣ.

Такъ закончилось это нашумѣвшее въ свое время происшествiе.

В. Штенгеръ.

Кап. 1 ранга *К. К. Клапье де Колонгъ,* Эстонія.

Цусима.

Дни 14/27 и 15/28 мая вызываютъ потребность молитвенно помянуть всѣхъ погибшихъ въ бою съ японскимъ флотомъ на судахъ эскадры вице-адм. Рожественскаго у о-ва Цусима — убитыхъ, раненыхъ и уцѣлѣвшихъ, доблестно раздѣлившихъ участь своихъ кораблей, пойдя на нихъ ко дну Корейскаго пролива.

Въ концѣ апрѣля 1905 г. II эскадра Тихаго океана, слѣдуя съ послѣдней стоянки въ бухтѣ Ванъ-Фонгъ — французскаго Индо-Китая — къ Корейскому проливу, соединилась въ Китайскомъ морѣ съ отрядомъ судовъ к.-а. Небогатова. На дальнѣйшемъ переходѣ имѣли въ морѣ одну погрузку угля съ транспортовъ.

10-го мая скончался на „Ослябя" к.-а. Фелькерзамъ, начальникъ 2-го броненоснаго отряда; флагъ его не былъ спущенъ, о смерти его не оповѣщалось по эскадрѣ. Тѣло адмирала, запаенное въ металлическій гробъ судовой работы, пошло ко дну съ броненосцемъ „Ослябя" — первой жертвой Цусимскаго боя.

11-го мая у Сѣдельныхъ острововъ отослали всѣ транспорты подъ коммерческимъ флагомъ — разгруженные въ Сайгонъ, а съ запасами — въ Шанхай.

Чтобы пройти Корейскій проливъ 13-го мая днемъ, надо было держать съ лишкомъ сутки двѣнадцатиузловый эскадренный ходъ; это было очень желательно, такъ какъ условія погоды (пасмурность, свѣжій вѣтеръ и состояніе моря) были лучшимъ нашимъ

союзникомъ для прохода Корейскимъ проливомъ. Къ сожалѣнію, держать такой ходъ не могли и этимъ надеждамъ не суждено было оправдаться.

Эскадренный ходъ съ 9 узловъ увеличили до 10 съ разсчетомъ къ утру 14 мая подойти къ Корейскому проливу.

Въ день 13 мая, при все той же свѣжей и мрачной погодѣ, Адмиралъ производилъ эскадренныя эволюціи спеціально для обученія отряда к.-а. Небогатова.

Къ вечеру 13-го мая погода стала улучшаться. На корабляхъ отслужили всенощную.

Ужинъ и чай у Адмирала прошли въ напряженномъ состояніи.

Около 9 часовъ вечера наши аппараты безпроволочнаго телеграфа стали принимать слабые, отдаленные переговоры двухъ районовъ. Слѣдовавшій съ эскадрой вспомогательный крейсеръ „Уралъ“, снабженный самымъ мощнымъ аппаратомъ безпроволочнаго телеграфа, спеціально предназначался прекращать всякіе переговоры на значительномъ разстояніи разрядами своихъ мощныхъ волнъ, не былъ использованъ, чтобы этимъ преждевременно не открыть своего присутствія.

Въ ночь съ 13 на 14 мая врядъ ли кто спалъ; слишкомъ очевидна для всѣхъ была встрѣча съ непріятелемъ въ полномъ его составѣ. У всѣхъ видъ напряженно дѣловой, сосредоточенная заботливость, отрывистыя и только необходимыя распоряженія и сообщенія.

Въ каютъ-компаніи „Суворова“ — тихій говоръ. Большинство офицеровъ на ногахъ, въ заботѣ о состояніи своихъ частей. Прислуга — у орудій; полная боевая готовность. По всему кораблю отдѣльныя группы сидящей и лежащей команды, тихо разговаривающихъ. Вѣстовые таинственно сообщаютъ офицерамъ о появленіи въ жилой палубѣ крысъ. Завтращ-

ній день опредѣлитъ судьбу каждому — вотъ смыслъ настроеній.

Въ утро 14-го мытья палубъ не было; послѣ молитвы и завтрака — приборка.

Къ утру 14-го вся команда „Суворова“ безъ всякихъ приказаній оказалась одѣтой въ первосрочное новое чистое платье и бѣлье.

Утромъ 14-го мая эскадра шла въ строѣ двухъ кильватерныхъ колоннъ (1-й и 2-й броненосн. отряды въ правой колоннѣ, а 3-й брон. отрядъ и крейсеры „Олегъ,“ „Аврора“, „Донской“ и „Мономахъ“ — въ лѣвой). Транспорты „Анадырь“, „Иртышъ“, „Камчатка“, „Корея“ и буксирные пароходы „Русь“ и „Свирь“ шли между боевыми судами („Анадырь“, равняясь съ „Олегомъ“ и „Ослябя“, „Свирь“ и „Русь“ шли по обѣ стороны „Анадыря“). Миноносцы „Бѣдовый“ и „Быстрый“ шли слѣва за „Суворовымъ“, „Буйный“ и „Бравый“ — справа за „Николаемъ“; „Блестящій“, „Безупречный“, „Бодрый“, „Грозный“ и „Громкій“ шли въ кильватерной колоннѣ между крейсерами и транспортами. „Жемчугъ“ и „Изумрудъ“, имѣя инструкцію отводить отъ эскадры встрѣчныя коммерческія суда, шли: первый на 4 румба вправо отъ курса и въ 4-хъ кабельтовахъ отъ „Суворова“; второй въ такомъ же положеніи слѣва отъ „Николая“. Въ случаѣ появленія непріятеля миноносцы „Бѣдовый“ и „Быстрый“ имѣли инструкцію перейти въ кильватеръ „Жемчугу“, „Буйный“ и „Бравый“ въ кильватеръ „Изумруду“. Съ разсвѣтомъ развѣдочный отрядъ „Свѣтлана“, „Алмазъ“ и „Уралъ“, находившійся впереди эскадры, повернулъ влѣво и, согласно ранѣе полученныхъ приказаній, расположился сзади эскадры.

Курсъ эскадры **NO** 60° истинный на середину пролива между Цусимой и Японскимъ берегомъ; вѣтеръ 3-4 балла; солнечный день, но мгла сокращаетъ горизонтъ до 7-8-ми миль. Эскадренный ходъ 9 узловъ.

Въ 6 час. 45 м. утра справа позади траверза показался во мглѣ силуэтъ военнаго корабля въ разстояніи около 8-ми миль, затѣмъ скрылся, но спустя немного времени опять появился въ той же сторонѣ и продолжалъ идти съ эскадрою до начала боя, въ разстояніи отъ 50 до 70-ти кабельтововъ. Броненосцамъ было приказано имѣть наведенной одну 12" башню на этотъ корабль, оказавшійся японскимъ крейсеромъ „Идзуми".

Въ 9 час. 45 мин. утра показались изъ мглы японскіе старые крейсеры: „Матсушима", „Чиніенъ", „Хашидате", „Итсукушима" и „Акитсушима" въ строѣ кильватера и повернули на нашъ курсъ на лѣвомъ траверзѣ. Разстояніе около 80-ти кабельтововъ.

Въ 9 час. 50 мин. головной непріятельскій крейсеръ легъ на обратный курсъ и затѣмъ тотчасъ же повернулъ опять на параллельный съ нами курсъ. Разстояніе сократилось до 50-60 каб. Первый и второй броненосные отряды дали 11 узловъ ходу, чтобы выстроить одну кильватерную колонну съ 3-мъ броненоснымъ отрядомъ, который продолжалъ идти 9 узловъ.

Въ 10 часовъ непріятельскіе крейсеры начали склоняться влѣво и удаляться, оставаясь едва видимыми въ бинокль на лѣвомъ крамболѣ. „Мономаху" и „Донскому" былъ поднятъ сигналъ: „Быть справа отъ транспортовъ".

Въ 10 час. 20 мин. справа по носу показался пароходъ, идущій на пересѣчку курса.

Въ 10 час. 30 мин. „Жемчугъ" вышелъ впередъ и отвелъ пароходъ въ сторону, сдѣлавъ одинъ выстрѣлъ ему подъ носъ; затѣмъ вернулся на мѣсто и поднялъ сигналъ: пароходъ японскій.

Въ 10 час. 45 мин. подняли сигналъ: „Тревога".

Въ 10 ч. 50 мин. на NO-20° показались миноносцы.

Въ 11 час. 05 мин. на лѣвомъ траверзѣ показались: „Читозе“, „Касаги“, „Ніитака“, „Тсусима“. Первый и второй броненосные отряды повернули на 2 румба влѣво вдругъ.

Въ 11 час. 20 мин. съ броненосца „Орелъ“ сдѣлали выстрѣлъ по непріятельскимъ крейсерамъ, послѣ чего 3-й броненосный отрядъ открылъ по нимъ рѣдкій огонь. Разстояніе около 50-40 каб. „Суворовъ“ тоже сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ. „Изумрудъ“ перешелъ по носу на правую сторону къ „Жемчугу“. Первый отрядъ миноносцевъ перешелъ къ „Жемчугу“ и „Изумруду“. Японцы повернули вдругъ на нѣсколько румбовъ влѣво. Непріятель удаляясь, сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ по „Суворову“ и „Ослябя“. Одинъ снарядъ упалъ на $^1/_2$ каб. отъ лѣваго борта „Суворова“ противъ передней 6″ башни, не разорвался.

Въ 11 час. 30 мин. 1-й и 2-й брон. отряды повернули на 2 румба вдругъ. „Жемчугу“ приказано держаться на правомъ траверзѣ „Орла“.

Въ 11 час. 35 мин. старые японскіе крейсеры повернули послѣдовательно влѣво и скрылись.

Въ 11 час. 55 мин. „Чіода“ и „Шихайя“ и 4 миноносца показались на лѣвомъ траверзѣ на большомъ разстояніи.

Въ 12 час. 01 мин. 4 миноносца въ строѣ пеленга показались впереди слѣва; идутъ на пересѣчку.

Въ 12 час. 05 мин. эскадра взяла курсъ NO-22°.

Въ 12 ч. 10 м. легкіе японскіе крейсеры переходятъ впереди на правую сторону въ 40-50-ти кабельтовыхъ.

Въ 12 час. 25 мин. первый броненосный отрядъ повернулъ на 8 румбовъ послѣдовательно вправо.

Дали 11 узловъ ходу.

Въ 12 час. 32 мин. первый броненосный отрядъ повернулъ на 8 румбовъ послѣдовательно влѣво.

Въ 12 час. 37 мин. легкіе японскіе крейсеры выстроились во фронтъ справа по носу.

Въ 12 час. 45 мин. эскадра идетъ въ строѣ двухъ кильватерныхъ колоннъ: „Ослябя“ на лѣвомъ траверзѣ „Суворова“ въ разстояніи около 10 каб. Дали 9 узловъ ходу. Команда пообѣдала по-вахтенно, по сигналу.

Въ 1 час. 20 мин. легкіе японскіе крейсеры повернули вправо.

Въ 1 ч. 25 мин. по носу показались: „Микаса“, „Шикишима“, „Фуджи“, „Асахи“, „Ниссинъ“, „Кассуга“, „Идзума“, „Азума“, „Токива“, „Якумо“, „Асама“ и „Ивате“. Придя на видъ, непріятель, въ строѣ кильватера, послѣдовательно повернулъ вправо на нѣсколько румбовъ. Шелъ большимъ ходомъ.

Въ 1 часъ 30 мин. дали 11 узловъ. Первый броненосный отрядъ повернулъ послѣдовательно на 4 румба влѣво, 2-й броненосный отрядъ началъ вступать въ кильватеръ первому.

Въ 1 час. 40 мин. „Суворовъ“ повернулъ на курсъ **NO**-23°.

Въ 1 часъ 49 мин. сдѣлали выстрѣлъ съ „Суворова“ 6″ башни на 32 кабельтова, — перелетъ; уменьшили разстояніе на 2 кабельтова, эскадра открыла огонь.

„Микаса“ легъ на параллельный курсъ и открылъ огонь минуты черезъ двѣ послѣ насъ.

Непріятельскіе корабли, пока строились въ одну кильватерную колонну на параллельномъ курсѣ, створились по два.

Въ 2 часа разстояніе до „Микаса“ было 28 кабельтововъ. Огонь перваго броненоснаго отряда нашей эскадры былъ сосредоточенъ, главнымъ образомъ, на „Микаса“. Непріятель сосредоточилъ огонь на „Суворовѣ“ и „Ослябя“. Сначала непріятельскіе снаряды давали перелеты по „Суворову“ около $^1/_2$ каб., затѣмъ стали попадать. Замѣчены, главнымъ образомъ, снаряды крупныхъ калибровъ, фугасные,

дававшіе большое число осколковъ. Дымъ отъ разрыва — черный (лидитъ) и ярко-желтый (шимозе); газы удушливы и ядовиты; (на „Сисоѣ Великомъ“ оба доктора умерли отъ отравленія газами). На „Суворовѣ“ попаданія сосредоточивались преимущественно около боевой рубки.

Ранены флагъ-офицеры мичманы князь Церетели и Демчинскій.

Въ боевой рубкѣ „Суворова“ находились: адмиралъ Командующій эскадрой, флагъ-капитанъ, флагманскій артиллеристъ, два старшихъ флагъ-офицера: лейтенанты Свербеевъ и Кржижановскій и судовые чины: командиръ броненосца, старшій артиллеристъ, старшій штурманъ, мичманъ Шишкинъ, рулевой кондукторъ Зайсуновъ, рулевые, дальномѣрщики, у переговорныхъ трубъ и телефона.

Въ 2 часа повернули на 2 румба вправо. Осколки часто попадали въ пролетъ боевой рубки и выводили изъ строя находившихся въ ней. Въ другія части судна снаряды также нерѣдко попадали. Въ каютахъ Штаба по лѣвому борту начался пожаръ и перебило какую-то паровую трубу; между кормовыми 6" башнями на верхней палубѣ выведена вся сигнальная прислуга около 12-ти человѣкъ; ранены флагъ-офицеры лейтенантъ Новосильцевъ и мичманъ Казакевичъ. Въ верхней батарейной палубѣ снарядъ попалъ въ перерязочный 20/21 пунктъ, многіе раненые убиты, оторвало руку трюмному механику Кримеру. Отъ временнаго перевязочнаго пункта ничего не осталось. Уцѣлѣвшій докторъ перешелъ внизъ въ перевязочный пунктъ, устроенный подъ броневой палубой.

Въ 2 часа 11 мин. у лѣвой средней 6" башни подача производилась уже вручную; лѣвую кормовую 6" башню питали подачей изъ правой кормовой. Въ боевой рубкѣ разбило лѣвый дальномѣръ; перенесли правый, который былъ также немедленно разбитъ.

Въ 12″ башняхъ все было благополучно.

Въ 2 часа 15 мин. повернули на курсъ NO-23°. Снаряды попадаютъ непрерывно. Доносятъ о подводной пробоинѣ у лѣваго подводнаго аппарата. Ранило въ рубкѣ флагъ-капитана, старшаго артиллериста и мичмана Шишкина.

Въ 2 часа 20 мин. всѣ сигнальные фалы были уже вырванными или сгорѣли. Лейтенантъ Рѣдкинъ доносилъ, что лѣвая кормовая 6″ башня не можетъ дѣйствовать изъ-за жары и дыма отъ пожара; просили измѣнить курсъ — въ чемъ пришлось отказать. Японская эскадра начала подъ носомъ переходить на правую сторону курса эскадры.

Въ 2 часа 25 мин. повернули на 4 румба вправо.

Въ 2 час. 26 мин. осколкомъ ранило Адмирала въ голову. Въ это время (около 2 час. 25 мин.) „Суворовъ“ пересталъ слушаться руля и катясь вправо, повернулъ на 16 румбовъ отъ курса. Въ рубкѣ ранило лейтенанта Зотова. Начался пожаръ возлѣ рубки, лейтенантъ Свербеевъ вышелъ для тушенія его и раненъ. Остановились часы въ рубкѣ.

Въ 2 часа 30 мин. стали приводить корабль на курсъ машинами; руль оказался на борту, о чемъ въ боевой рубкѣ не было извѣстно. Снесена крыша кормовой 12″ башни. Горятъ одновременно ростры съ 10 находившимися на нихъ гребными шлюпками, на ютъ пройти нельзя.

Въ 2 часа 40 мин. осколкомъ ранило командира въ голову; онъ изъ рубки ушелъ.

Управленіе машинами идетъ трудно при помощи машиннаго телеграфа, — все время стопорится одна машина и дается среднiй или полный ходъ другой — на ручкахъ лейтенантъ Богдановъ. Управленіемъ руководитъ и распоряжается полковникъ Филипповскій. Перестали дѣйствовать артиллерійскіе указатели. Сообщеніе съ лѣвой машиной по телеграфу, съ правой —

по переговорной трубѣ. Сообщеніе съ рулевымъ отдѣленіемъ прервано. Флагъ-офицеръ лейтенантъ Кржижановскій посланъ въ рулевое отдѣленіе поставить руль прямо. Сдѣланы были попытки флагманскимъ миннымъ офицеромъ лейтенантомъ Леонтьевымъ исправить электрическое управленіе рулемъ, но безуспѣшно.

Появившійся кренъ на лѣвую сторону остановленъ. Около 2 час. 40 мин. Адмиралъ вторично былъ раненъ въ ноги.

Когда „Суворовъ“ выходилъ изъ строя, эскадра шла въ кильватеръ „Александру III“ по курсу около NO.

Въ это время, въ 2 часа 40 мин., головной непріятельской эскадры, переходившей по носу на правую сторону, повернулъ отъ насъ къ сѣверу.

Въ 3 часа, вслѣдствіе пожара на рострахъ, управленіе изъ боевой рубки перенесено въ центральный постъ. Адмиралъ спустился въ центральный постъ по трубѣ, но тотчасъ же вышелъ оттуда сначала въ лѣвую, а затѣмъ въ правую 6" башню, гдѣ была установлена голосовая передача черезъ подбашенное отдѣленіе въ центральный постъ, а оттуда въ машину. Вмѣстѣ съ адмираломъ спустились въ центральный постъ флагъ-капитанъ, флагманскій штурманъ и единственный оставшійся въ живыхъ нижній чинъ. Въ боевой рубкѣ, окруженной огнемъ, кромѣ убитыхъ никого не осталось.

Въ 3 час. 15 мин. „Ослябя“, вышедшій изъ строя съ большимъ креномъ, опрокинулся на лѣвый бортъ и на носъ; къ нему подошли спасать людей миноносцы „Буйный“, „Бравый“ и еще одинъ.

Около 3 час. 15 мин. наша эскадра подходила къ „Суворову“ съ праваго траверза въ строѣ кильватера — головнымъ „Александръ III“, и съ разстоянія въ 10-ть кабельтовыхъ замѣченъ рядъ попаданій въ лѣвую носовую 6" башню, въ боевую рубку и

близъ нея, послѣ этого „Александръ III" повернулъ вправо почти на обратный курсъ и за нимъ стали ворочать всѣ прочія суда, даже не выдерживая линіи кильватера.

Въ 3 час. 20 мин. видѣли прошедшими слѣва контръ-курсомъ посыльное судно „Чихайя" и нѣсколько истребителей. Въ это время (3 ч. 30 м.) непріятель стрѣлялъ по „Суворову" слѣва и изъ праваго борта 75 м. м. батареи увидѣли непріятельскій корабль проходящимъ у „Суворова" подъ носомъ съ лѣвой стороны на правую.

Носовая 12" башня отвѣчала на огонь непріятеля. Голосовой передачей сообщили въ центральный постъ повернуть на 12 румбовъ вправо и взяли курсъ на концевого нашей эскадры.

Около того же времени, т. е. около 3 ч. 30 м., былъ уже значительный кренъ отъ 8° до 10° на лѣвый подвѣтренный бортъ и воду поддавало въ палубу, черезъ портъ 75 м. м. орудій, полупортики которыхъ всѣ были повреждены.

Въ 3 ч. 40 мин. почему то кричали „ура" и воодушевленная команда бѣжала изъ жилой палубы въ верхнюю батарею тушить пожаръ.

Въ 4 час. 20 мин. съ кормы съ лѣвой стороны подходили и держались весьма близко четыре непріятельскихъ истребителя, по которымъ стрѣляли два уцѣлѣвшія кормовыя 75 м. м. орудія.

Около этого времени уже было невозможно бороться съ огнемъ въ верхней батареѣ, такъ какъ рвались свои ящики съ 47 м. м. патронами.

Около 5 ч. вечера мимо „Суворова", который старался слѣдовать за эскадрой, по носу прошли наши суда: три броненосца 1-го отряда, на нихъ трубы и мачты были цѣлы, реи частью повисшими; у „Алексадра III" былъ разбитъ форъ-штевень и вскрыта вся носовая часть верхней батареи; „Сисой Великій",

„Наваринъ“, „Нахимовъ“ и 3-й броненосный отрядъ — въ порядкѣ, какъ и всѣ крейсеры, только „Аврора“ имѣла сбитой форъ-стеньгу и повисшими реи на гротъ-мачтѣ.

Транспортовъ было четыре: „Иртышъ“, „Анадырь“, „Корея“ и „Свирь“, миноносцы — всѣ девять.

Около 5-ти часовъ къ борту „Суворова“ подошелъ миноносецъ „Буйный“, — на него передали въ безсознательномъ состоянiи раненаго Адмирала и уцѣлѣвшихъ и раненыхъ чиновъ штаба: флагъ-капитана, полковника Филипповскаго, кап. 2 ранга Семенова, лейт.: Леонтьева и Кржижановскаго (отравленъ газами), мичм. Демчинскаго (раненаго) и юнкера Максимова, съ 15-ю нижними чинами, бывшими на срѣзѣ. Положенiе броненосца было таково: носомъ въ SO четверть, имѣя такой кренъ, что порта нижней батареи лѣваго борта были въ уровень съ водой. Правая сторона была навѣтренная, что и удерживали машинами, чтобы избѣжать огня и дыму на правомъ срѣзѣ, гдѣ держался миноносецъ и производили передачу Адмирала.

Въ 5 час. 30 мин. миноносецъ „Буйный“ отвалилъ отъ борта „Суворова“; въ это время не было уже мачтъ, ни трубъ, ни сигнальныхъ рубокъ, горѣли верхняя и батарейная палубы, паровые и минные катера; электричество погасло, пожаръ увеличивался, все было полно дымомъ, въ батареѣ рвались 75 м. м. патроны, мостики съ 47 м. м. орудiями разрушены, кормовая башня разрушена, адмиралтейское помѣщенiе уничтожено, кренъ не менѣе 10° на лѣвый бортъ.

Транспортъ „Камчатка“ оказался въ это время въ 3-4-хъ каб. отъ „Суворова“ по носу съ правой, не имѣя ходу и держа флагъ Краснаго Креста на гротъ мачтѣ. Во время пересадки на миноносецъ, съ японской эскадры, шедшей параллельно нашей съ лѣвой стороны, стрѣляли снарядами крупнаго калибра по

„Суворову“, по миноносцу „Буйный“ и „Камчаткѣ“, составлявшими одну отдѣльную группу. Видно было, какъ въ „Камчатку“ попалъ въ середину снарядъ, сваливший трубы, и „Камчатка“ остановилась. Миноносецъ, отойдя отъ „Суворова“ подъ сильнымъ огнемъ, пошелъ полнымъ ходомъ къ крейсерамъ.

Не имѣя возможности продолжать командовать эскадрой изъ за тяжелыхъ ранъ, Адмиралъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на миноносцѣ былъ поднятъ сигналъ о передачѣ командованія Адмиралу Небогатову. Послѣ того, какъ сигналъ былъ отрепетованъ, подняли слѣдующій сигналъ: Адмиралъ на миноносцѣ.

Около 6-ти час. вечера вышелъ изъ строя броненосецъ „Александръ III“, имѣя сильный кренъ на лѣвый бортъ и держа сигналъ: терплю бѣдствіе, послѣ чего онъ перевернулся, будучи въ 10-ти каб. отъ „Ушакова“. Съ броненосца „Сенявинъ“ успѣли замѣтить плавающимъ его днище съ людьми на немъ.

Кромѣ того, всѣмъ судамъ, мимо которыхъ проходили, миноносецъ „Буйный“ дѣлалъ семафоръ: „Адмиралъ живъ, находится на миноносцѣ“.

Миноносцу „Безупречный“ было приказано пойти къ броненосцу „Императоръ Николай I“ и передать на словахъ, что Командующій эскадрою передаетъ командованіе Адмиралу Небогатову и приказываетъ вести эскадру во Владивостокъ; „Безупречный“ это исполнилъ, но за темнотою его возвращенія не видѣли.

Въ концѣ 7-го часа миноносецъ, идя съ крейсерами, имѣлъ курсъ въ NW четверть. Справа и сзади, кабельтовыхъ въ 30-ти, шли наши броненосцы тѣмъ же курсомъ, головнымъ „Бородино“, „Орелъ“, „Николай I“, „Апраксинъ“, „Сенявинъ“, „Ушаковъ“, „Сисой“, „Наваринъ“ и „Нахимовъ“.

Въ 7 час. наши крейсеры открыли огонь по 9-ти непріятельскимъ миноносцамъ — которые вышли впередъ по курсу нашихъ броненосцевъ. Въ это время

непріятельская эскадра была отъ нашей вправо, т. е. приблизительно въ NO четверти.

Въ 7 час. 10 мин. „Бородино“ перевернулся, повидимому послѣ взрыва въ кормѣ, гдѣ видно было большое пламя вышиною до гротъ-марса.

Вскорѣ послѣ этого крейсеры постепенно склонялись влѣво и шли прямо на зорю, значитъ имѣли курсъ близъ W (*).

Въ 7 час. 40 мин. позади нашего отряда (т. е. части крейсеровъ и миноносцевъ) идутъ, въ строѣ близкомъ къ фронту, наши броненосцы, отстрѣливаясь отъ непріятельскихъ миноносцевъ.

Вскорѣ послѣ этого момента, Адмиралъ, придя въ себя, звалъ кого либо къ себѣ. Пришелъ капитанъ 2-го ранга Семеновъ и изложилъ ему, какъ идутъ крейсеры и какое мѣсто между ними занимаетъ миноносецъ „Буйный“. Справа имѣли „Олегъ“, „Аврору“, „Донского“ и „Мономаха“ въ строѣ кильватера, а лѣвѣе нашего курса впереди въ строѣ клина шли „Свѣтлана“ (головной) — боковыми „Жемчугъ“ и „Алмазъ“, а за ними шли безъ строя транспорты „Иртышъ“, „Анадырь“, „Корея“ и „Свирь“. Миноносцы шли внутри строя безъ опредѣленнаго порядка. „Бравый“ и „Блестящій“ несли флагъ „К“ —(не могу управляться), первый безъ фокъ-мачты. Во время этого доклада, продолжавшагося нѣсколько минутъ, Адмиралъ дважды терялъ сознаніе и начиналъ бредить.

Въ началѣ 10-го часа вечера, слѣдуя совмѣстно съ „Донскимъ“, шли на S. Адмиралъ, очнувшись и узнавъ объ этомъ, приказалъ передать на „Донской“, чтобы онъ шелъ во Владивостокъ. Исполнить приказаніе Адмирала было трудно, такъ какъ при показываніи какихъ либо огней, — свои же суда начинали стрѣлять.

(*) Въ 7 ч. (20) м. по японскимъ источникамъ погибъ отъ двухъ послѣдовательныхъ минныхъ атакъ брон. „Суворовъ“ (см. Японск. описаніе).

Въ 9 час. 30 мин. веч. крейсеры „Олегъ“, „Аврора“ и „Жемчугъ“ большимъ ходомъ начали уходить на югъ, а „Свѣтлана“, „Мономахъ“, „Донской“ и миноносцы „Буйный“, „Бѣдовый“, „Бравый“, „Быстрый“, „Громкій“ и „Грозный“ повернули на сѣверъ. Крейсеръ „Изумрудъ“ продолжалъ держаться близъ нашихъ броненосцевъ. Ночью „Донской“ и миноносцы „Буйный“, „Бѣдовый“ и „Грозный“ пошли въ NO четверть, такъ какъ къ сѣверу были видны чьи то прожекторы.

Миноносецъ „Буйный“, имѣя поврежденіе въ тепломъ ящикѣ, принужденъ былъ питать котлы соленой водой, вслѣдствіе чего увеличивался сильно расходъ угля. Ночью ходъ „Буйнаго“ уменьшился до того, что миноносецъ вскорѣ потерялъ изъ виду „Донского“.

Настала темная пасмурная ночь. Чины штаба спустились въ каютъ-компанію „Буйнаго“, гдѣ на 4-хъ койкахъ лежали раненые офицеры съ „Ослябя“: диванъ занялъ к2р. Семеновъ — по своему малому росту, флагъ-капит. и флагманскій штурманъ расположились на палубѣ на брезентѣ, подъ обѣденнымъ столомъ каютъ-компаніи.

Приходилъ командиръ 2 р. Коломейцевъ. Обмѣнъ мнѣній: пока возможно идти курсомъ на Владивостокъ, а тамъ съ разсвѣтомъ — „утро вечера мудренѣе“, — будетъ видно.

Такъ закончился день 14-го мая.

К.-де Колонгъ.

Капитанъ 1-го ранга В. Н. Миклуха

Кап. 1 ранга *А. П. Гезехусъ*, Алжиръ.

„Долой отвѣтъ, открыть огонь!"

Въ текущемъ году наступаетъ 25-ая годовщина тяжелаго пораженія нашего флота въ Цусимскомъ бою. Въ памяти встаютъ страшныя картины гибели нашихъ лучшихъ судовъ и ихъ доблестнаго личнаго состава, до конца исполнившаго свой долгъ передъ Царемъ и Родиной. Многіе изъ этихъ героевъ долга и чести забыты и священная обязанность насъ, оставшихся въ живыхъ участниковъ этого боя, воскресить въ памяти образы этихъ честныхъ, самоотверженныхъ

слугъ Царя и Родины. Въ этихъ два несчастныхъ для Россіи дня, 14-го и 15-го мая 1905 года, можно привести много примѣровъ доблести, отваги и самоотверженія и я увѣренъ, что каждый изъ оставшихся въ живыхъ участниковъ этой трагедіи можетъ указать не на одинъ такой случай относительно чиновъ команднаго состава до послѣдняго матроса включительно. Поэтому мнѣ хотѣлось бы, по мѣрѣ своихъ силъ, ознакомить всѣхъ, интересующихся дѣйствіями нашего флота въ минувшую войну съ послѣдними минутами броненосца береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ", на которомъ я имѣлъ честь состоять вторымъ артиллерійскимъ офицеромъ и командиромъ кормовой 10" башни, подъ командой доблестнаго капитана 1 ранга Владиміра Николаевича Миклуха-Маклай.

Описывая этотъ эпизодъ исключительно по памяти, не имѣя подъ рукой никакихъ документовъ, ни личныхъ записей, я впередъ прошу извиненія за нѣкоторыя могущія быть неточности, какъ цифровыхъ данныхъ, такъ и въ нѣкоторыхъ деталяхъ. Но задавшись опредѣленной цѣлью выявить личность доблестнаго Владиміра Николаевича, какъ командира въ бою, полагаю, что эти неточности не могутъ играть существенной роли.

На разсвѣтѣ 15 мая 1905 года, идя курсомъ NO23°, указаннымъ вступившимъ въ командованіе остатками Флота контръ-адмираломъ Небогатовымъ, послѣ тяжелаго дневного боя 14-го мая и безчисленныхъ ночныхъ минныхъ атакъ, броненосецъ береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ" очутился въ полномъ одиночествѣ. Впереди по курсу были едва замѣтны дымы судовъ нашего флота, подъ командой адмирала Небогатова. Получивъ въ дневномъ бою 14-го мая большую пробоину въ таранномъ отдѣленіи, броненосецъ не могъ развить указаннаго хода — 12 узловъ, и за ночь сильно отсталъ, благодаря чему былъ

предоставленъ своей участи, такъ какъ не было никакой надежды догнать уходящія суда. Командиру предстояло самому рѣшать вопросъ, какъ дѣйствовать дальше. Положеніе было не изъ легкихъ, такъ какъ существовала полная увѣренность въ томъ, что японцы приложатъ всѣ усилія къ тому, чтобы использовать свой успѣхъ до конца. Это подтверждалось тѣмъ, что во всѣхъ частяхъ горизонта временами появлялись и исчезали дымы, очевидно, японскихъ развѣдчиковъ. Командиръ не взялъ на себя рѣшенія такого сложнаго вопроса и поэтому созвалъ всѣхъ офицеровъ на военный совѣтъ въ рубку подъ мостикомъ. На этомъ совѣтѣ было единогласно рѣшено выполнить послѣдній приказъ Адмирала и продолжать слѣдовать по назначенію, т. е. во Владивостокъ, избѣгая, по возможности, встрѣчи съ непріятелемъ. Для этой цѣли рѣшено было срубить стеньги, по возможности не дымить и уклоняться въ сторону отъ всякаго появляющагося дыма на горизонтѣ; приблизиться къ японскимъ берегамъ и, располагая курсы вдоль этихъ береговъ, внѣ видимости, постепенно подыматься на N. Эта послѣдняя мѣра была принята въ предположеніи, что бдительность японцевъ у своихъ береговъ будетъ нѣсколько меньше. Въ общемъ же всѣ, конечно, ясно сознавали, что выбраться благополучно изъ этой ловушки было весьма трудно, но мѣры какія то, все-таки, принимать было необходимо и всѣ вѣрили въ опытность и энергію командира, доказавшаго это на всемъ переходѣ отъ Либавы до Цусимы. И вотъ началась агонія броненосца. Легли на курсъ къ японскому берегу, хода больше 8 узловъ нельзя было дать изъ-за пробоины въ таранномъ отдѣленіи. Все время появлялись на горизонтѣ дымы, приходилось отъ нихъ отводить, такъ что броненосецъ въ итогѣ описывалъ какія то зигзаги, очень мало приближаясь къ намѣченной цѣли. Такое

напряженное состояніе продолжалось до обѣда, когда во время церемоніи погребенія нѣсколькихъ убитыхъ въ дневномъ бою 14 мая за кормой появился дымокъ быстро нагоняющаго насъ судна. По прошествіи весьма непродолжительнаго времени обозначился силуэтъ, повидимому, легкаго крейсера типа „Читозе". Скрыться отъ него не было никакой возможности; пробили боевую тревогу и повернули на сближеніе съ нимъ. Крейсеръ быстро приближался и командиръ приказалъ открыть огонь. Послѣ залпа 10" башни онъ круто повернулъ и такъ же быстро исчезъ. Эта встрѣча окончательно разсѣяла всякія иллюзіи возможности благополучно достичь намѣченной цѣли, т. е. прорыва во Владивостокъ. Обѣденное время прошло сравнительно спокойно. Въ каютъ-компаніи собрались всѣ свободные офицеры во главѣ со старшимъ офицеромъ, капитаномъ 2 ранга Александромъ Александровичемъ Мусатовымъ. Покойный Александръ Александровичъ былъ удивительно спокойный человѣкъ. Держалъ себя во всѣхъ случаяхъ ровно и невозмутимо. Никакія обстоятельства, кажется, не могли его взволновать. Его хладнокровіе, распорядительность весьма благотворно вліяли на подчиненныхъ ему людей. Одно его присутствіе поддерживало бодрое состояніе духа даже у людей, не обладающихъ достаточно крѣпкими нервами. На этомъ послѣднемъ обѣдѣ старшій офицеръ, наливая себѣ рюмку водки, произнесъ: „Ну, покойнички, выпьемъ!" Черезъ нѣсколько часовъ эти слова оказались для него самого и нѣкоторыхъ изъ присутствовавшихъ пророческими, но въ этотъ моментъ они были всѣми приняты, какъ шутка и всѣ единодушно потянулись чокнуться съ Александромъ Александровичемъ. Въ душѣ же каждый, я не сомнѣваюсь, былъ увѣренъ, что старшій офицеръ былъ правъ. Обѣдъ прошелъ въ общемъ довольно оживленно.

Послѣ обѣда я пошелъ въ каюту отдохнуть, такъ какъ чувствовалъ себя послѣ всего пережитаго совершенно разбитымъ. Черезъ весьма короткій промежутокъ времени, насколько мнѣ помнится, около половины второго дня, я былъ разбуженъ окрикомъ лейтенанта Т.: „Вставай, Петровичъ, опять дымы, пробили боевую тревогу“. Я немедленно вскочилъ и побѣжалъ на мостикъ. На этотъ разъ вся SW-ая часть горизонта была заволочена дымами. Сомнѣнія не было — это могла быть только непріятельская эскадра. Однако, дымы эти, видимо, не приближались, а какъ бы держались на опредѣленномъ разстояніи. Затѣмъ обнаружилось, что отъ всей массы дымовъ отдѣлились два и начали движеніе въ направленіи къ намъ. Постепенно открывались рангоутъ, трубы и, наконецъ, силуэты двухъ быстро идущихъ на насъ судовъ. Взоры всѣхъ были напряженно направлены на эти суда. Кто-то крикнулъ: „Да это наши крейсеры“! Крикъ этотъ ошеломляюще подѣйствовалъ на всѣхъ. Многіе бурно стали выражать свой восторгъ. Но это продолжалось недолго. Вскорѣ стало совершенно яснымъ, что это непріятельскіе крейсеры. Восторгъ сразу исчезъ, лица стали сосредоточенными и взоры всѣхъ обратились на своего командира. Командиръ совершенно спокойно, безъ признаковъ малѣйшаго волненія, разсматривалъ въ бинокль приближающіяся суда. На переднемъ крейсерѣ взвился большой сигналъ. „Отвѣтъ до половины, разбирайте сигналъ“ — приказалъ командиръ. Всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ, по боевой тревогѣ. Передъ этимъ командиръ приказалъ всѣмъ намъ озаботиться, чтобы у всѣхъ людей были приготовлены спасательныя средства. По приходѣ въ башню я сейчасъ же приказалъ расшнуровать койки и по числу прислуги башни взять на каждаго по пробковому матрацу. Минному офицеру, лейтенанту Жданову, командиръ

приказалъ заложить подрывные патроны на случай взрыва броненосца, что и было имъ исполнено. Подъ циркуляціонныя помпы были заложены патроны. Всѣ эти распоряженія ясно показывали, что командиромъ заранѣе было принято совершенно опредѣленное рѣшеніе. Никакого другого выхода изъ положенія онъ, видимо, не допускалъ.

Въ это время суда, оказавшіяся броненосными крейсерами 1-го класса „Іакито" и „Ивате", быстро приближались. Разстояніе было около 50 кабельтовыхъ, когда удалось разобрать первую половину сигнала, поднятому по международному своду: „Предлагаю вамъ сдать вашъ корабль..." — разобралъ старшій штурманъ, лейтенантъ Максимовъ, и доложилъ командиру. Ни минуты не задумываясь, рѣзко приказалъ командиръ: „Дальше разбирать не надо, долой отвѣтъ, открыть огонь!" Не ожидавшіе такого отпора японцы неосторожно приблизились и поплатились за это, получивъ залпъ 10" башни въ бортъ. Это наше первое попаданіе показывали намъ японскіе офицеры на крейсерѣ „Іакито". Снарядъ ударилъ въ бортъ крейсера, впереди кормового лѣваго трапа, сдѣлавъ въ борту отверстіе по своему калибру, и затѣмъ разорвался внутри на семь кусковъ, не причинивъ судну серьезнаго поврежденія, но убивъ два-три десятка японцевъ.

Быстро слетѣлъ сигналъ, крейсеры повернули и еще быстрѣе стали удаляться отъ маленькаго, дерзкаго противника, предпочитая имѣть съ нимъ дѣло на безопасномъ для себя разстояніи, несмотря на огромное преимущество въ артиллерійскомъ вооруженіи, скорости хода и моральной поддержкѣ въ видѣ большого количества дымовъ на горизонтѣ. Во всякій моментъ они могли получить оттуда дѣйствительную поддержку. Нашъ же маленькій броненосецъ былъ совершенно одинокъ и могъ разсчитывать только на

свои четыре 10" орудія и 8-узловый ходъ. Надо еще къ тому добавить, что у нашихъ 10" гидравлическихъ установокъ предѣльный уголъ возвышенія былъ 18°, что соотвѣтствовало дальности полета 53 кабельтовыхъ, японцы же свободно стрѣляли съ 70 кабельтовыхъ. Но не таковъ былъ капитанъ 1 ранга Миклуха, чтобы эти обстоятельства могли поколебать его понятія о своемъ долгѣ и чести Андреевскаго флага. Онъ все время старался сблизиться съ противникомъ и ни на секунду не прекращалъ боя. Колоссальная разница въ ходѣ, конечно, давала полную возможность японцамъ легко парализовать эти намѣренія командира. Они свободно удерживали разстояніе 70 кабельтовыхъ и дѣйствовали своими орудіями, какъ на ученьи, безъ малѣйшаго для себя риска. Наши снаряды давали большіе недолеты. Между тѣмъ, японцы быстро пристрѣлялись, начались сплошныя попаданія. Въ 120м/м батарейной палубѣ начался пожаръ. Загорѣлось нѣсколько приготовленныхъ бесѣдокъ съ 120м/м патронами, появились подводныя пробоины. Послѣ получасоваго боя становилась совершенно ясной безполезность сопротивленія, продолженіе котораго грозило безполезной гибелью всему личному составу. Для спасенія хотя бы части этого состава командиръ приступилъ къ выполненію заранѣе принятаго рѣшенія, т. е. потопленію корабля. Было приказано прекратить огонь, старшему механику открыть кингстоны, минному офицеру взорвать подрывные патроны, людямъ же спасаться. Черезъ нѣсколько минутъ броненосецъ сильно накренился на правый бортъ, люди стали бросаться за бортъ. Старшій офицеръ, обѣгая послѣдній разъ низы, снялъ часового у денежнаго сундука, который, выполняя свой долгъ, не покидалъ своего поста безъ приказанія. Минный офицеръ, лейтенантъ Ждановъ, исполнивъ приказаніе командира, отказался спасаться и спокойно спустился

внизъ. Старшій офицеръ, капитанъ 2 ранга Мусатовъ, пробѣгая по спардеку, былъ смятъ сорвавшимся съ ростеръ баркасомъ. Остальные офицеры побросались въ воду послѣдними. Часовой у флага по боевому расписанію, боцманматъ Прокоповичъ, былъ разорранъ на части снарядомъ и остатки его, въ видѣ кровавой массы, лежали на посту. До этого онъ безсмѣнно простоялъ всѣ бои на своемъ посту. Спокойныя распоряженія командира дѣйствовали на всѣхъ подбодряюще и не было никакой паники. Приведу нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ отсутствіе какой бы то ни было паники. По моемъ выходѣ изъ башни, въ послѣдній моментъ, когда кренъ броненосца сталъ уже критическимъ, я увидѣлъ, какъ изъ спардека осторожно выносили на шканцы тяжело раненаго, положили на палубу и начали обвязывать его пробковыми матрацами. Когда все возможное было сдѣлано, мы его перекрестили и бросили за бортъ. Впослѣдствіи этотъ раненый былъ спасенъ и, кажется, даже выжилъ. На бакѣ произошла трогательная сцена. Стоялъ нашъ батюшка, отецъ Іона, съ юнымъ фельдшеромъ, почти мальчикомъ. Этотъ послѣдній почему то мѣшкалъ и не рѣшался броситься въ воду. На вопросъ батюшки, отчего онъ медлитъ, онъ отвѣтилъ, что забылъ въ каютѣ образокъ — благословеніе матери и не знаетъ, какъ ему быть. Раздумывать было некогда, но батюшка все-таки ему сказалъ: „Если благословеніе матери, то попытайся достать, Богъ поможетъ". Быстро фельдшеръ исчезъ, слова батюшки побороли въ немъ колебанія и черезъ весьма короткій промежутокъ времени онъ съ сіяющимъ, счастливымъ лицомъ появляется на верхней палубѣ съ образкомъ въ рукахъ. У меня же въ башнѣ произошелъ комичный эпизодъ. Еще до Цусимскаго боя я, по совѣту судового врача, взялъ въ башню бутылку коньяку, на случай поддержать силы раненыхъ.

Бутылку эту я сдалъ башенному артиллерійскому унтеръ-офицеру съ приказаніемъ хранить ее до моего распоряженія. Во время дневного Цусимскаго боя, ночныхъ атакъ и послѣдняго нашего боя, я и всѣ въ башнѣ совершенно забыли объ этой бутылкѣ. Въ послѣдній моментъ, когда часть прислуги уже выскочила изъ башни, артиллерійскій квартирмейстеръ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: „Ваше Высокоблагородіе, а какъ же быть съ коньякомъ"? Ошеломленный такимъ неумѣстнымъ вопросомъ, я отвѣтилъ: „Какой тамъ коньякъ, брось его къ черту, нельзя терять ни минуты". „Никакъ нѣтъ, разрѣшите прикончить"? „Ну быстро, всякая задержка можетъ стоить намъ жизни". Въ моментъ вылетѣла пробка, появились кружки. Оставшіеся въ башнѣ „прикончили" бутылку и всѣ благополучно выскочили на палубу и выбросились за бортъ. Я думаю, что этотъ глотокъ коньяку оказалъ впослѣдствіи даже нѣкоторую пользу, ибо я сравнительно легко перенесъ трехчасовое плаваніе въ 11° водѣ. Какъ на послѣдній фактъ, укажу на громовое „ура" плавающихъ въ водѣ безпомощныхъ людей при видѣ гибели своего корабля съ гордо развѣвающимся Андреевскимъ флагомъ. Этотъ восторженный крикъ продолжался довольно долго подъ градомъ сыпавшихся непріятельскихъ снарядовъ по пустому мѣсту. Когда зыбь разметала плавающихъ, постепенно затихъ и этотъ крикъ. Впослѣдствіи, уже въ плѣну, мы, офицеры, неоднократно получали письма отъ нашихъ матросовъ съ выраженіемъ глубокой благодарности за сохраненную честь и сознаніе исполненнаго долга передъ Царемъ и Родиной.

Командира до послѣдней минуты видѣли стоящимъ на мостикѣ и спокойно наблюдающимъ за спасеніемъ команды. Больше я его не видѣлъ, но были свидѣтели изъ команды, которые утверждали, что впослѣдствіи видѣли командира плавающимъ въ водѣ и когда япон-

ская шлюпка подошла къ нему, онъ отказался отъ помощи, указавъ ей рукой на плавающую кругомъ команду.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ команда бросилась въ воду, броненосецъ перевернулся на правый бортъ, послѣ чего корма быстро опустилась и, показавъ таранъ, вертикально пошелъ ко дну. Когда броненосецъ исчезъ, стрѣльба съ японскихъ крейсеровъ еще долго не прекращалась — били по плавающимъ людямъ. Много людей погибло отъ этого огня. Трудно объяснить себѣ, чѣмъ вызвано было такое безсмысленное, жестокое истребленіе совершенно беззащитныхъ людей, тѣмъ болѣе, что впослѣдствіи, когда люди были подняты съ воды на крейсеры, тамъ было оказано должное ихъ геройскому подвигу. Отношеніе было крайне сочувственное и заботливое.

Погибли: командиръ, старшій офицеръ, старшій механикъ капитанъ Яковлевъ, лейтенантъ Ждановъ, младшій инженеръ-механикъ Трубицынъ, прапорщикъ Зоричъ, комиссаръ Михѣевъ и около 1/3 команды. Гибель броненосца произошла около 5 часовъ вечера, крейсеры-же подошли къ мѣсту гибели только по прошествіи трехъ часовъ. Для спасенія команды было спущено двѣ шлюпки и открыты прожектора. Люди держались въ водѣ около 3-хъ часовъ при большой зыби и температурѣ воды 11°. Нѣсколько человѣкъ умерло въ водѣ отъ разрыва сердца, не выдержавъ температуры; между ними старшій механикъ капитанъ Яковлевъ, умершій на палубѣ крейсера, и кочегаръ Хлымовъ — въ водѣ. Капитанъ Яковлевъ былъ очень слабаго здоровья и въ водѣ его все время поддерживалъ четвертый механикъ, прапорщикъ Краськовъ. Два молодца, не дождавшись шлюпокъ, сами доплыли отъ мѣста гибели до непріятельскихъ крейсеровъ и были подняты прямо на палубу. Закончивъ спасеніе людей, крейсеры дали ходъ и пошли по назначенію. Дымы

на горизонтѣ оказались дымами всей японской эскадры, возвращавшейся въ Сасебо послѣ захвата въ плѣнъ эскадры адмирала Небогатова. Вторая половина сигнала, какъ намъ сообщили японскіе офицеры, извѣщала насъ о сдачѣ судовъ адмирала Небогатова. На крейсерахъ мы еще пробыли около 3-хъ дней, такъ какъ они занимались розыскомъ остальныхъ нашихъ судовъ. Послѣ этого мы были доставлены въ Сасебо, на сборный пунктъ всѣхъ плѣнныхъ.

Отношеніе японцевъ на крейсерахъ къ намъ было чрезвычайно корректное. Они не только не намекали на наше тяжелое пораженіе, но даже избѣгали всякихъ разговоровъ на эту тему.

Впослѣдствіи, на пути къ мѣсту нашего назначенія и пребыванія въ плѣну, мы имѣли не мало случаевъ подтвержденія, насколько японцы цѣнили доблестнаго врага. Заканчиваю мои воспоминанія этой краткой замѣткой, такъ какъ описаніе нашихъ переживаній въ плѣну не входитъ въ тему настоящаго изложенія. Считаю долгомъ только заявить, что тому удовлетворенію, которое мы неоднократно получали отъ нашего врага, мы, главнымъ образомъ, обязаны нашему командиру, Владиміру Николаевичу Миклуха-Маклай.

Адмиралъ Того, въ своемъ донесеніи о Цусимскомъ боѣ, счелъ нужнымъ отмѣтить особо о геройской гибели броненосца „Адмиралъ Ушаковъ".

Въ заключеніе упомяну еще и тотъ фактъ, что Владиміръ Николаевичъ къ моменту снаряженія третьей эскадры, будучи командиромъ экипажа и командиромъ броненосца береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ", закончилъ цензъ командованія и былъ смѣненъ; командиромъ броненосца „Адмиралъ Ушаковъ" былъ назначенъ капитанъ 1 ранга Барщъ. Здоровье Владиміра Николаевича было очень расшатано долголѣтней службой на строевыхъ судахъ флота.

Походъ же на неприспособленныхъ судахъ, какими являлись броненосцы береговой обороны, предстоялъ не легкій. Но несмотря на это, смѣна, передъ самымъ походомъ, глубоко возмутила и оскорбила В. Н. Онъ немедленно поѣхалъ въ Министерство и заявилъ тамъ свой протестъ, который и былъ уваженъ. Владиміръ Николаевичъ вернулся обратно въ Либаву и былъ вновь назначенъ командиромъ броненосца „Адмиралъ Ушаковъ“.

Имя этого доблестнаго и честнаго офицера должно быть занесено на почетное мѣсто на страницахъ Исторіи Россійскаго Императорскаго Флота.

И мы всѣ, свидѣтели славнаго прошлаго, обязаны всемѣрно поддерживать духъ, выкованный традиціями бывшаго Императорскаго Флота, на славу и честь будущаго Флота и благо Родины.

Капитанъ 1 ранга *Гезехусъ.*

Кап. 2 р. *А. А. фонъ-Транзе*, Копенгагенъ.

Броненосецъ береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ“ въ Цусимскомъ бою.

Двадцать пять лѣтъ прошло со дня Цусимскаго боя. Много прожито, много пережито. Прошедшіе годы и особенно событія послѣднихъ пятнадцати лѣтъ (война и революція) частью вычеркнули, частью сгладили въ памяти многое изъ того, что въ свое время было хорошо извѣстно участникамъ этого боя, что видѣли и слышали его очевидцы.

Основываясь на этомъ, я не могъ бы взять на себя смѣлость дать не только болѣе или менѣе подробное описаніе Цусимскаго боя въ общемъ, но даже и въ частности подробно описать дѣйствія броненосца береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ“ въ этомъ бою, а поэтому ограничусь изложеніемъ отдѣльныхъ не связанныхъ между собою эпизодовъ, характеризующихъ пониманіе воинскаго долга и проявленіе личной доблести командира, офицеровъ и матросовъ броненосца береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ“.

„Адмиралъ Ушаковъ“, идя концевымъ кораблемъ кильватерной колонны броненосцевъ, въ самомъ началѣ боя четырнадцатаго мая, вслѣдствіе неисправности одной изъ главныхъ машинъ, долженъ былъ

итти на буксирѣ парохода „Свирь“. Исправивъ неисправность и отдавъ буксиръ, стали догонять далеко ушедшую впередъ сражающуюся свою эскадру.

Командиръ бр-ца капитанъ 1-го ранга Владиміръ Николаевичъ Миклуха-Маклай, увидѣвъ впереди тоже отставшій, накренившійся, горящій, осыпаемый японскими снарядами бр-цъ „Наваринъ“, выйдя на лѣвый его траверзъ, какъ бы прикрывая „Наваринъ“, приказалъ застопорить машины и открыть интенсивный огонь по непріятелю.

Командиръ „Наварина“, капитанъ 1-го ранга баронъ Фитингофъ, справившись съ креномъ и пожарами, въ мегафонъ крикнулъ нашему командиру: „Спасибо, Владиміръ Николаевичъ! Иди впередъ съ Богомъ!“

Ночью послѣ минныхъ атакъ японскихъ миноносцевъ, продолжая итти согласно послѣдняго сигнала Адмирала Рожественскаго „Курсъ NO 23° Владивостокъ“, „Адмиралъ Ушаковъ“, вслѣдствіе малаго хода, уменьшившагося до 7 узловъ изъ-за сильнаго дифферента на носъ отъ полученныхъ въ дневномъ бою пробоинъ, оказался въ морѣ одинъ, отставъ отъ кильватерной колонны, состоявшей изъ бр-цевъ „Императоръ Николай I“ (флагъ Адмирала Небогатова), „Орелъ“, „Генералъ-Адмиралъ Апраксинъ“ и „Адмиралъ Сенявинъ“.

Рано утромъ, 15-го мая, были сдѣланы приготовленія къ погребенію убитыхъ въ дневномъ бою. Убитые были положены на шканцахъ, приготовлена парусина обернуть ихъ и балластины для груза. Собрались офицеры и команда. Началось заупокойное богослуженіе, но когда на горизонтѣ за кормой показались силуэты быстро идущихъ 4 японскихъ крейсеровъ „Матсушима“, „Итсукушима“, „Хашидате“ и „Нійтака“, командиръ попросилъ священнослужителя іеромонаха о. Іону ускорить и сократить отпѣваніе, такъ какъ не сомнѣвался въ неизбѣжности боя. Когда

японскіе крейсеры приблизились на дистанцію нашего огня, командиръ приказалъ предать убитыхъ морю и пробить боевую тревогу, подъ звуки которой и подъ пѣніе: „Вѣчная память“ тѣла убитыхъ, такъ и незавернутыя въ парусину, только съ привязанными балластинами, были опущены въ море. Продолжая итти тѣмъ же курсомъ, японскіе крейсеры прошли на сѣверъ, не открывая стрѣльбы, что насъ очень удивило, такъ какъ, имѣя большое преимущество въ силахъ, они, безъ сомнѣнія, могли бы весьма быстро покончить съ нашимъ подбитымъ бр-цемъ. Уже находясь на японскомъ крейсерѣ „Якумо“ въ качествѣ плѣнныхъ, отъ японскихъ офицеровъ мы узнали причину этого непонятнаго намъ случая: намъ была показана карта, на которой отъ Цусимскаго пролива были нанесены нѣсколько расходящихся на сѣверъ курсовъ, по которымъ, согласно заранѣе выработаннаго плана, японскіе корабли должны были искать и преслѣдовать остатки русской эскадры въ случаѣ ея пораженія. „Вы все равно никуда не могли бы уйти, мы знали въ какомъ вы состояніи; тѣ крейсеры шли на присоединеніе къ главнымъ силамъ“, сказали намъ японскіе офицеры.

Часовъ около 10 утра слѣва по носу были видны дымы многихъ кораблей и слышна недолгая артиллерійская канонада. Только послѣ стало намъ извѣстно, что это происходила сдача судовъ Адмираломъ Небогатовымъ.

Продолжая по возможности итти курсомъ „NO 23°“, уклоняясь въ сторону отъ каждаго замѣченнаго на горизонтѣ дыма, около часа или двухъ пополудни увидѣли на горизонтѣ на носу силуэты около 20 японскихъ кораблей. Стало ясно, что прорывъ невозможенъ, а бой и гибель неизбѣжны. Командиръ повернулъ отъ непріятеля, отъ котораго отдѣлились въ погоню за нами два корабля. Стали готовиться къ

послѣднему бою: выбросили за бортъ оставшіеся отъ отраженія ночныхъ минныхъ атакъ на верхней палубѣ и на мостикѣ снаряды мелкихъ скорострѣльныхъ орудій, готовили изъ бревенъ плотики, чтобы къ нимъ привязывать раненыхъ, разнесли по кораблю спасательные пояса и койки; команда и многіе офицеры переодѣлись во все чистое и новое; одному изъ офицеровъ командиръ, выйдя изъ своей каюты, сказалъ: „Переодѣлся, даже побрился, теперь и умирать можно".

Японскіе крейсеры „Ивате" и „Якумо", идя большимъ ходомъ, сходящимся курсомъ, шли на сближеніе.

На головномъ изъ нихъ былъ поднятъ какой-то длинный сигналъ. На бр-цѣ пробили боевую тревогу. Когда японскіе крейсеры, находясь сзади нашего праваго траверза, были въ предѣлѣ дальности нашихъ орудій (63 кабельтова), командиръ приказалъ дать залпъ. Крейсеры на нашъ огонь не отвѣтили. Къ нашему удивленію на фокъ-мачтѣ головного крейсера „Ивате" мы увидѣли большой русскій коммерческій флагъ и только тогда, разглядѣвъ вымпелъ переговоровъ по международному своду, поняли, что сигналъ относится къ намъ. Когда доложили командиру разобранную часть сигнала: „Совѣтую Вамъ сдать Вашъ корабль..." и что есть еще и продолженіе сигнала, командиръ, сказавъ: „Ну, а продолженіе сигнала намъ знать и не надо", приказалъ не подымать „до мѣста" отвѣтное „ясно вижу", чтобы, продолжая сближаться, крейсеры подошли бы еще ближе. Когда же дистанція уменьшилась до возможной дѣйствительности нашего огня, командиръ приказалъ поднять отвѣтъ „до мѣста", а со спускомъ его снова открыть огонь. Японскіе крейсеры, пользуясь своимъ огромнымъ преимуществомъ въ ходѣ и большею дальнебойностью своихъ орудій, отойдя за предѣлы дося-

гаемости нашихъ снарядовъ, открыли огонь по броненосцу. Такъ начался нашъ послѣднiй неравный бой. Вскорѣ же начались попаданiя въ броненосецъ, появились пробоины, вспыхнули пожары. Наши же снаряды ложились безнадежно далеко отъ непрiятеля. Отъ пробоинъ образовался кренъ, выравнять который изъ-за перебитыхъ трубъ отливной системы не представлялось возможнымъ. Кренъ на правую сторону все болѣе и болѣе увеличивался, а изъ-за крена дальность полета нашихъ снарядовъ все болѣе и болѣе уменьшалась; этимъ обстоятельствомъ пользовались японскiе крейсеры, подходя все ближе и ближе къ броненосцу. Наконецъ, какъ слѣдствiе крена, заклинились обѣ башни. Одно изъ двухъ 120 м.м. орудiй праваго борта было разбито; загорѣлись снаряды въ беседкахъ на верхней палубѣ. Дѣйствовало только одно оставшееся 120 м.м. орудiй для подбодренiя команды и... „на страхъ врагамъ". Японскiе крейсеры, видя, что нашъ огонь почти совсѣмъ прекратился, подойдя почти вплотную, въ упоръ разстрѣливали броненосецъ изъ всѣхъ своихъ орудiй (на обоихъ крейсерахъ 8-8" и 30-6"). Тогда командиръ приказалъ открыть кингстоны и взорвать трубы циркуляцiонныхъ помпъ и, не давая „отбоя", разрѣшилъ командѣ спасаться „по способности", бросаясь въ море. Всѣ шлюпки были разбиты или сгорѣли.

Минный офицеръ, лейтенантъ Борисъ Константиновичъ Ждановъ, помогалъ судовому врачу доктору Бодянскому за кормовой башней привязывать раненыхъ къ плотикамъ и къ койкамъ и спускать ихъ въ море. Когда докторъ спросилъ его: „А что же у Васъ самого нѣтъ ни пояса, ни круга?", Ждановъ отвѣтилъ: „Я же всегда говорилъ всѣмъ, что я въ плѣну никогда не буду!" Снявъ фуражку, какъ бы прощаясь со всѣми вблизи находящимися, онъ спустился внизъ. Послѣ разсказывали, что стоявшiй у денежнаго ящика

часовой, чуть ли не въ послѣдній моментъ снятый со своего поста, слышалъ револьверный выстрѣлъ изъ каюты Жданова.

Когда за нѣсколько минутъ до гибели въ броненосецъ попало одновременно нѣсколько снарядовъ, одинъ изъ которыхъ взорвался объ носовую башню, часть матросовъ, стоящихъ за башней, бросилась за бортъ и нечаянно столкнула въ море стоявшаго у борта офицера. Сигнальщикъ Агафоновъ, увидя, что офицеръ, отдавшій ему свой спасательный кругъ, упалъ въ море безъ какого бы то ни было спасательнаго средства съ револьверомъ и биноклемъ на шеѣ, не задумываясь, бросился съ верхняго мостика, съ высоты 42 футъ, за бортъ на помощь къ погибавшему офицеру.

„Адмиралъ Ушаковъ", перевернувшись, шелъ ко дну; кто-то изъ плавающихъ матросовъ крикнулъ: „Ура! «Ушакову»! — съ флагомъ къ дну идетъ!" Всѣ бывшіе въ водѣ отвѣтили громкимъ долгимъ „ура", и дѣйствительно: до послѣдняго мгновенія развѣвался Андреевскій флагъ. Нѣсколько разъ былъ онъ сбитъ во время боя, но, стоявшій подъ флагомъ часовой строевой квартирмейстеръ (строевой унтеръ-офицеръ) Прокоповичъ каждый разъ вновь поднималъ сбитый флагъ. Когда разрѣшено было спасаться, старшій артиллерійскій офицеръ, лейтенантъ Николай Николаевичъ Дмитріевъ въ мегафонъ крикнулъ съ мостика Прокоповичу, что онъ можетъ покинуть свой постъ, не ожидая караульнаго начальника или разводящаго, но Прокоповичъ, стоя на спардекѣ вблизи кормовой башни, вѣроятно, оглохъ за два дня боя отъ гула выстрѣловъ и не слыхалъ отданнаго ему приказанія. Когда же къ нему былъ посланъ разсыльный, то онъ былъ уже убитъ разорвавшимся вблизи снарядомъ.

Послѣ того, какъ „Адмиралъ Ушаковъ" скрылся подъ водой, японцы еще нѣкоторое время продол-

жали растрѣливать плавающихъ въ морѣ людей. Прекративъ, наконецъ, стрѣльбу, они не сразу, а значительно позже, вѣроятно, получивъ по радіо приказаніе, спустили шлюпки и приступили къ спасенію погибающихъ. Спасали долго и добросовѣстно; послѣднихъ, какъ говорили, подобрали уже при свѣтѣ прожекторовъ.

Въ японскихъ газетахъ при описаніи боя и гибели бр-ца „Ушаковъ" было напечатано, что когда къ плавающему въ морѣ командиру бр-ца подошла японская шлюпка, чтобы спасти его, Миклуха-Маклай по англійски крикнулъ японскому офицеру: „Спасайте сначала матросовъ, потомъ офицеровъ". Когда же во второй разъ подошла къ нему шлюпка, онъ плавалъ уже мертвый на своемъ поясѣ.

Такъ погибъ въ Цусимскомъ бою 15-го мая 1905 года броненосецъ береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ" и его командиръ капитанъ 1-го ранга В. Н. Миклуха-Маклай, а съ нимъ старшій офицеръ капитанъ 2-го ранга Мусатовъ, минный офицеръ лейтенантъ Ждановъ, старшій механикъ капитанъ Яковлевъ, младшій механикъ поручикъ Трубицынъ, младшій штурманъ прапорщикъ Зоричъ, комиссаръ чиновникъ Михѣевъ и около ста матросовъ.

Въ каютъ-компаніи бр-ца былъ прекрасно написанный портретъ Адмирала Ѳ. П. Ушакова. Часто на походѣ офицеры обращались къ портрету и спрашивали: „Ну, что намъ суждено?" И имъ казалось, что на портретѣ лицо Адмирала мѣняло свое выраженіе. Было рѣшено, что въ случаѣ боя, тотъ изъ офицеровъ, кто будетъ въ каютъ-компаніи, долженъ посмотрѣть на портретъ, чтобы узнать, доволенъ ли своимъ кораблемъ Адмиралъ? Одинъ изъ офицеровъ, бывшій случайно въ каютъ-компаніи незадолго до гибели корабля, взглянулъ на портретъ и ему показалось, что „Адмиралъ изъявляетъ свое удовольствіе".

Построенный незадолго до революціи и названный въ честь командира бр-ца „Адмиралъ Ушаковъ" эскадренный миноносецъ „Капитанъ 1-го ранга Миклуха-Маклай", революціоннымъ пролетаріатомъ, („взбунтовавшимися рабами", по выраженію „господина-товарища" Керенскаго), былъ переименованъ въ „Спартакъ" въ память вождя взбунтовавшихся римскихъ рабовъ.

Подъ „водительствомъ" комиссара Раскольникова („краснаго мичмана" изъ черныхъ гардемаринъ Ильина) „Спартакъ" и эск. м-цъ „Автроилъ" въ ноябрѣ 1918 года, во время развѣдки краснаго флота, передались въ Ревелѣ англичанамъ, имѣя своими командирами офицеровъ — не большевиковъ. Переданные англичанами Эстоніи эти два эск. м-ца подъ именами „Вамбола" и „Леннукъ" числятся теперь въ эстонскомъ флотѣ.

Въ 1912 году я имѣлъ счастье командовать миноносцемъ въ финляндскихъ шхерахъ въ морской охранѣ Е. И. В. Государя Императора. Во время Высочайшаго смотра м-цу, Его Величество, спустившись въ командирскую каюту и, увидя висящую на стѣнѣ фотографію бр-ца „Адмиралъ Ушаковъ", изволилъ меня спросить: „Почему у васъ фотографія „Адмирала Ушакова"? Я отвѣтилъ: „Я участвовалъ на немъ въ Цусимскомъ бою". „Доблестный корабль", сказалъ Государь Императоръ, на что я позволилъ себѣ отвѣтить: „Если когда-либо Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ назвать новый корабль именемъ „Адмирала Ушакова", я почту за счастье служить на немъ и, надѣюсь, уже съ бóльшимъ успѣхомъ". „Почему съ бóльшимъ успѣхомъ?" — спросилъ Государь, дѣлая удареніе на словѣ „бóльшимъ". „Потому, что тогда мы на немъ потерпѣли пораженіе", отвѣтилъ я. „Нѣтъ, это была побѣда духа. Одинъ

изъ лучшихъ кораблей будетъ названъ именемъ «Адмирала Ушакова»", милостиво изволилъ сказать Его Величество. Слова Государя Императора несказанно меня обрадовали.

Царское слово крѣпко: уже во время войны въ Николаевѣ былъ заложенъ крейсеръ „Адмиралъ Ушаковъ"; но незаконченный до революціи, не подъ этимъ именемъ, и не подъ Андреевскимъ флагомъ, и не въ строй Россійскаго Императорскаго Флота вступилъ онъ для защиты чести и цѣлости Великой Россіи, а, достроенный при коммунистической власти, подъ краснымъ флагомъ, въ составѣ краснаго черноморскаго совѣтскаго флота, подъ какимъ-то, ничего русскому сердцу и уму неговорящимъ названіемъ, въ родѣ „Коминтернъ", „Профинтернъ" и т. п., или подъ опоганеннымъ словомъ „Товарищъ", служитъ III Интернаціоналу для достиженія торжества бредовой коммунистической идеи — всемірной соціальной революціи.

Но возродится Великая Россія, возродится подъ славнымъ Андреевскимъ Флагомъ Русскій Флотъ, а въ немъ, — крѣпко вѣрю, — въ честь когда-то грознаго для турокъ „Ушакъ-Паши" и въ память доблестно погибшаго въ Цусимскомъ бою броненосца, одинъ изъ кораблей съ честью и съ гордостью будетъ носить имя „Адмиралъ Ушаковъ", а другой — имя его доблестнаго командира „Капитана 1-го ранга Миклухи-Маклай".

Капитанъ 2-го ранга *фонъ-Транзе.*

Контръ-адм. *С. А. Посоховъ,* Парижъ.

Воспоминанія о Цусимскомъ боѣ.

Рѣшающимъ моментомъ русско-японской войны было появленіе эскадры адмирала Рожественскаго въ водахъ Тихаго океана.

Отчаявшись въ возможности вытѣснить японцевъ изъ Манджуріи, Росссійское Императорское Правительство рѣшило тогда выступить въ водахъ Тихаго океана, чтобы ударомъ по путямъ сообщенія блокировать Манджурію и даже самую Японію.

Японцы, вполнѣ оцѣнивъ планъ дѣйствія Россіи, напрягли всѣ свои силы и экспедиція адмирала Рожественскаго закончилась Цусимской катастрофой.

Вопросъ о причинахъ этой ужасной катастрофы въ свое время занялъ почти всѣхъ морскихъ критиковъ, но такъ и остался неразрѣшеннымъ, потому что спеціалисты раздѣлились на два лагеря. Одни приписывали всю удачу японцевъ ихъ техническимъ превосходствамъ (артиллерія, скорость хода, бризантные снаряды), другіе же (между ними и многіе русскіе) удачу японцевъ приписывали, главнымъ образомъ, дѣйствію ихъ подводныхъ лодокъ. Японцы же рѣшительно отвергали присутствіе подводныхъ лодокъ. Однако, нѣсколько русскихъ, въ томъ числѣ и мой бывшій командиръ крейсера 1-го ранга „Олегъ“, капитанъ 1-го ранга Добротворскій, остались при своемъ непреклонномъ убѣжденіи, что главной причиной нашего пораженія были подводныя лодки японцевъ.

Мнѣ же, какъ участнику Цусимскаго боя, въ должности старшаго офицера крейсера „Олегъ“, при анализѣ своихъ впечатлѣній на разстояніи 25 лѣтъ предоставляется ясно, что главною причиною нашего тогда пораженія были, именно, наши техническіе недочеты, а не подводныя лодки японцевъ.

Упрекнуть же въ недостаточной храбрости личный составъ эскадры ни въ коемъ случаѣ не приходится. Картина боя такъ врѣзалась у меня въ памяти, что и теперь, несмотря на давность, она стоитъ у меня передъ глазами. Къ тому же, въ помощь памяти, для нѣкоторыхъ мелкихъ деталей, у меня сохранились еще кое-какія замѣтки, составленныя сейчасъ же послѣ боя.

13-го мая 1905 года. Пятница. Эскадра адмирала Рожественскаго подошла къ Корейскому проливу. Слѣдующій день — 14-го мая совпадалъ съ годовщиною дня Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Возможно, что желаніе придать дню боя особую торжественность и заставило адмирала Рожественскаго замедлить ходъ эскадры и заняться разными маневрированіями и перестроеніями. Какъ выяснялось потомъ, 14-го мая былъ и для японцевъ днемъ торжественнымъ: это была годовщина дня рожденія японской императрицы.

Эволюція эскадры продолжалась недолго и къ вечеру адмиралъ сигналами сдѣлалъ послѣднія распоряженія къ завтрашнему бою.

14-го мая. Погода сильно пасмурная. Вѣтеръ SW-3. Съ 5 час., сигналомъ, приказано имѣть 9 узловъ ходу. Эскадра держала курсъ на NO-60°; въ 6 час. 30 мин. утра броненосецъ „Ослябя“ просигналилъ, что видитъ непріятельскій крейсеръ справа, на SO-40°. Какъ послѣ оказалось, это былъ японскій броненосный крейсеръ „Azama“, который, держась на

приличномъ разстояніи, шелъ параллельнымъ съ нами курсомъ, телеграфируя своему адмиралу о нашемъ составѣ, строѣ, курсѣ, скорости и т. п.

Въ 8 час. 15 мин. на NW-15° отъ насъ появились восемь непріятельскихъ старыхъ крейсеровъ. Разстояніе уменьшалось и въ 9 час. 35 мин. пробили боевую тревогу. Но съ ними мы разошлись, не завязавъ боя. Въ 10 час. 35 мин. на NW-60° мы снова увидѣли отрядъ изъ четырехъ легкихъ японскихъ крейсеровъ, повидимому „Kasagi“, „Schitoze“, „Nitaka“ и „Tsusima“. Вслѣдствіе туманности японскія суда обрисовались неясно. Разстояніе около 50 кабельтовъ. Въ 11 час. 13 минутъ съ брон. береговой обороны „Адмиралъ Ушаковъ“ раздался первый выстрѣлъ, а за нимъ и вся лѣвая колонна открыла по японскимъ крейсерамъ огонь. Японцы, отвѣчая на нашъ огонь, сблизились отъ 48 до 29 кабельтовъ, а затѣмъ стали отдаляться и скоро скрылись въ туманѣ. Въ 11 ч. 19 м. сыграли „отбой“.

По старинному морскому обычаю команда въ этотъ день съ утра переодѣлась во все бѣлое, чистое, приготовясь къ бою, какъ къ празднику.

Послѣ „отбоя“ командамъ было дано время обѣдать. Въ 13 час. 40 мин. слѣва, впереди броненосцевъ, въ пасмурности стали обрисовываться главныя силы японцевъ: четыре броненосца и 8 броненосныхъ крейсеровъ держали курсъ на головной лѣвой колонны броненосецъ „Ослябя“. Только тогда нашъ первый броненосный отрядъ, описавъ коорданатъ влѣво, сталъ вступать головнымъ 2-му и 3-му отрядамъ броненосцевъ, образуя такимъ образомъ одну кильватерную колонну (I отрядъ: „Кн. Суворовъ“, „Императоръ Александръ III“, „Бородино“, „Орелъ“. II отрядъ: „Ослябя“, „Сисой Великій“, „Наваринъ“ и „Адмиралъ Нахимовъ“ и III отрядъ: „Императоръ Николай I“, „Ген.-Адм. гр. Апраксинъ“, „Адм. Сенянинъ“ и „Адм. Ушаковъ“).

Японскія суда были окрашены въ замѣчательный свѣтло-голубой сѣрый цвѣтъ, отличающій ихъ очень плохо отъ воды и уголь ихъ дыма совершенно не давалъ.

Наша же эскадра была выкрашена въ черный цвѣтъ, имѣя трубы желтыя. Уголь — сильнодымчатый.

13 час. 50 мин. Наши и японскія суда одновременно открыли огонъ. Черезъ полчаса, т. е. въ 14 ч. 20 мин., на „Кн. Суворовѣ" была сбита задняя труба, а черезъ 10 минутъ броненосецъ „Бородино" вышелъ изъ строя, но скоро оправившись, вступилъ концевымъ въ кильватеръ бр. бер. об. „Адм. Ушаковъ". Эскадры шли съ японцами противоположными курсами и должны были разойтись. Чтобы этого избѣжать, Адмиралъ Того сдѣлалъ рискованный маневръ, начавъ наворачивать свою эскадру на противоположный курсъ и ложиться съ нами параллельнымъ курсомъ. Это произошло около 14 час. 45 мин. Этотъ моментъ былъ очень опасенъ для японцевъ, такъ какъ ихъ суда, доходя до извѣстной точки, поочередно описывали циркуляцію влѣво, какъ бы останавливаясь на мѣстѣ, а кромѣ того, часть судовъ, которая, выполнивъ маневръ, легла на новый курсъ, закрывала собою тѣ суда, которые еще подходили въ точкѣ поворота.

Къ сожалѣнію, мы этимъ моментомъ не воспользовались. По непонятной тогда причинѣ бр. „Кн. Суворовъ" покатился вдругъ вправо, какъ бы ложась на параллельный съ Адм. Того курсъ.

Впослѣдствіи же выяснилось, что это произошло оттого, что въ этотъ моментъ на „Кн. Суворовѣ" заклинился руль и онъ катился вправо, пока машинами не выправилъ своего курса.

Адмиралъ же Того, выполнивъ благополучно маневръ, продолжалъ насъ громить, уже на новомъ курсѣ, сосредотачивая весь свой огонь на нашихъ

флагманскихъ корабляхъ „Кн. Суворовъ“ и „Ослябя“.

Оба эти броненосца были окутаны столбами воды (отъ взрывовъ снарядовъ о воду), клубами огня и черно-бураго дыма. „Ослябя“, не выдержавъ этого огня, скоро вышелъ вправо изъ строя и въ 14 ч. 50 м. повернувшись на лѣвый бортъ — затонулъ. Видно было, какъ во время поворачиванія броненосца матросы (бѣлыя точки) его скатывались съ палубы и падали въ воду. Картина гибели броненосца была ужасна и произвела на насъ всѣхъ громадное впечатлѣніе, рѣзанувъ по нашимъ сердцамъ, точно самымъ острымъ ножемъ!

Въ 14 час. 40 мин. на SSO показались японскіе крейсеры „Kazagi“, „Tchotoze“, „Nitaka“ и „Tsusima“.

Мы („Олегъ“) повернули на S и открыли по нимъ огонь лѣвымъ бортомъ.

Японскіе снаряды, не въ примѣръ нашимъ, рвались не только отъ ударовъ о твердые предметы, но и о воду и вообще при всякомъ малѣйшемъ препятствіи, причемъ выпускали громадные клубы черно-бураго дыма и ядовитыхъ газовъ. При разрывѣ они давали массу мелкихъ осколковъ (бризантность), а разрываясь о воду, подымали громадные столбы ея. Это, собственно говоря, были не снаряды въ полномъ смыслѣ слова, а прямо особаго сорта мины, которыя, равно какъ и мины, производили одинаковый эфектъ, какъ на дальнемъ, такъ и на близкомъ разстояніяхъ. Для такихъ снарядовъ не требовались масса и скорость вылета, а только средство ихъ выкинуть, чтобы потомъ уже работала не живая сила удара, какъ у насъ, а только энергія того взрывчатаго вещества, которымъ они начинены. Это новое изобрѣтеніе дало японцамъ громадное преимущество передъ старыми снарядами, потому что, во первыхъ, позволило имъ отчетливо видѣть, куда попадалъ снарядъ,

а слѣдовательно и корректировать стрѣльбу, во вторыхъ, позволилъ имъ стрѣлять на очень большія дистанціи, да еще вредить непріятелю не только отъ непосредственнаго попаданія, но даже при попаданіи въ воду, близъ судна, заслѣпляя глаза и прицѣльные приборы массою брызгъ. Разрываясь надъ палубою о какую нибудь снасть, они обдавали все градомъ мельчайшихъ осколковъ, выводя такимъ образомъ большое количество людей изъ строя.

Въ 15 час. 30 мин. съ лѣвой стороны появились японскіе крейсеры „Matsushima", „Itsukyshima", „Hashidate", „Suma" и броненосецъ „Chin-Ien".

Приходилось вести бой на оба борта. Только, къ сожалѣнію, наши шестидюймовые снаряды (на „Олегѣ") не всегда достигали непріятеля, тогда какъ ихъ 8" и 12" причиняли намъ значительный вредъ.

Только частой перемѣной хода намъ удалось избѣжать гибели отъ этого огня — мѣняя ходъ отъ самаго полнаго до самаго малаго, мы тѣмъ сбивали непріятельскую пристрѣлку.

Около 16 час. погибъ транспортъ „Уралъ". Во время его агоніи на помощь и для спасенія людей немедленно поспѣшили къ нему буксиры „Русь" и „Свирь". Подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ эти два маленькіе буксира геройски совершали свое дѣло. Въ то же время (16 час. 5 мин.) мы увидѣли „Кн. Суворова", стоявшаго внѣ строя, безъ мачтъ и трубъ, при чемъ наши броненосцы, повернувъ на другой галсъ, образовали полукругъ вокругъ „Суворова" для его защиты. Крейсеры послѣдовали въ кильватеръ концевымъ броненосцамъ.

Черезъ полчаса весь израненный и избитый „Суровъ" все же далъ ходъ, вступивъ въ конецъ строя. Начало темнѣть. Въ 16 ч. 50 мин. наши броненосцы, тѣснимые отъ N японцами, повернули на NW, а черезъ четверть часа броненосецъ „Александръ III"

вышелъ изъ строя. Крейсеры слѣдовали за броненосцами.

Въ 18 час. эскадра репетовала сигналъ: Адмиралъ передаетъ командованіе эскадрою контръ-адмиралу Небогатову.

Вскорѣ броненосцы стали склоняться на W. На „Бородинѣ“ въ кормѣ вспыхнулъ пожаръ. Вѣроятно горѣла рубка и шлюпки. „Александръ III“ опять вышелъ изъ строя.

Въ 18 час. 35 мин. миноносецъ „Буйный“, имѣя сигналъ: „Адмиралъ (адм. Рожественскій) на миноносцѣ“, прошелъ на югъ. Въ лучахъ заходящаго солнца появилось нѣсколько линій японскихъ миноносцевъ, преграждая намъ путь на сѣверъ. Но пока что они стояли на мѣстѣ. Открыли по нимъ огонь, но безрезультатно. Разстояніе было слишкомъ велико.

Въ 19 час. броненосецъ „Александръ III“, оправившись, вступилъ въ кильватеръ концевымъ, а въ 19 час. 20 мин. „Бородино“, идя головнымъ и все время упорно отстрѣливаясь, вдругъ сразу затонулъ. Это произошло такъ неожиданно и мгновенно, что казалось, будто слѣдующій за нимъ въ кильватеръ броненосецъ „Орелъ“ не успѣлъ отвести руля и какъ бы прошелъ по колыхающейся еще могилѣ своего боевого товарища!

Въ 19 час. 15 мин. бой началъ затихать, но канонада все еще раздавалась то тамъ, то сямъ, хотя уже и не было того сплошного гула, который слышенъ былъ весь день. Наступила темнота и японскіе миноносцы пошли въ атаку, чтобы докончить дневную работу артиллеріи своей эскадры.

Около 19 час. вся наша эскадра повернула на S и въ 20 час. намъ пришлось отражать первую атаку японскихъ миноносцевъ. Наступившая темнота совершенно отняла возможность отличать на разстояніи свои суда отъ непріятельскихъ. Орудія все

еще грохотали со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько разъ мы поварачивали на N, NW, NO, чтобы присоединиться къ своей эскадрѣ или пройти во Владивостокъ, но всѣ эти попытки оказались невыполнимыми. Всякій разъ мы попадали или на японскія суда, или на цѣлые отряды ихъ миноносцевъ. Мѣняя постоянно ходъ и курсъ, мы этимъ только и увернулись отъ японскихъ минъ. Такъ продолжалось до 22 час., когда, потерявъ всякую надежду прорваться на сѣверъ и не имѣя уже связи съ остальной эскадрой, мы пошли на SW-45°.

Обойти Японію съ восточной стороны мы не могли, такъ какъ машины совершенно разработались, а кромѣ того одинъ изъ цилиндровъ высокаго давлененія, который еще въ Кронштадтѣ при испытаніяхъ лопнулъ и былъ задѣланъ, сталъ пропускать паръ. Большого ходу мы уже не могли дать. Угля оставалось недостаточно для перехода, а потому адмиралъ Энквистъ, который держалъ свой флагъ на „Олегѣ“, рѣшилъ итти на S. Вся ночь прошла въ тревожномъ ожиданіи непріятеля и въ откачиваніи воды изъ залитыхъ отсѣковъ.

За ночь вѣтеръ стихъ, море успокоилось. Взошедшее солнце освѣтило страшную картину, которую представилъ корабль послѣ боя. Отъ смоченной угольной пыли и дыма палуба вся была въ грязи; всюду безпорядокъ; борта разворочены непріятельскими снарядами; шлюпки разбиты. Кругомъ слѣды огня и разрушенія, точно послѣ громаднаго пожарища.

Съ разсвѣтомъ выяснилось, что за нами слѣдуютъ еще крейсеры „Аврора“ и „Жемчугъ“ и что на „Аврорѣ“ убитъ командиръ, капитанъ 1-го ранга Егорьевъ, почему адмиралъ рѣшилъ послѣ полдня перейти со штабомъ на этотъ крейсеръ.

Послѣ обычной утренней приборки я тотчасъ же приступилъ къ болѣе солидной задѣлкѣ пробоинъ.

Нашъ крейсеръ, кромѣ поврежденія въ машинѣ (цилиндръ высокаго давленія), получилъ 12 пробоинъ и во многихъ отсѣкахъ имѣлъ воду. Потери въ личномъ составѣ были: офицеровъ двое легко раненыхъ и матросовъ 12 убитыхъ и 56 раненыхъ.

Курсъ лежалъ къ Формозскому проливу. Въ это время группа офицеровъ (лейтенанты Миштовтъ, Зарудный, Политовскій, Домерщиковъ, инж.-механ. Мальницкій и друг.) обратились ко мнѣ съ просьбою просить Адмирала не оставлять совершенно надежду прорваться къ Владивостоку и повернуть на сѣверъ. На это я высказалъ имъ свое мнѣніе, что при настоящемъ состояніи погоды (ясно, штиль, море покойное) съ малымъ запасомъ угля и поврежденной машиной, у насъ почти нѣтъ шансовъ благополучно достигнуть Владивостока, но предпочитая, во всякомъ случаѣ, погибнуть съ честью въ бою, чѣмъ итти укрываться въ такой нейтральный портъ, какъ Шанхай (гдѣ и безъ того уже интернировано не мало русскихъ транспортовъ), я присоединяюсь къ ихъ желанію повернуть на сѣверъ.

Не имѣя возможности въ этотъ моментъ оторваться отъ работъ, я поручилъ старшему изъ нихъ опросить всѣхъ офицеровъ и сказать мнѣ, сколько голосовъ будетъ подано „за сѣверъ" и сколько „за югъ", при чемъ мой голосъ считать „за сѣверъ".

Черезъ нѣкоторое время офицеры снова ко мнѣ возвратились и старшій изъ нихъ доложилъ мнѣ, что по опросѣ всѣхъ офицеровъ и подсчета голосовъ оказалось, что „за сѣверъ" было подавляющее большинство.

Узнавъ объ этомъ результатѣ, я отправился сперва къ командиру, съ просьбою передать Адмиралу, что мы его просимъ повернуть и еще разъ попытать счастье прорваться во Владивостокъ.

Командиръ, выслушавъ меня, высказалъ мнѣ то же, что я и самъ говорилъ офицерамъ, когда они обратились ко мнѣ, но въ виду отсутствія шансовъ на успѣхъ и не видя основаній губить безъ всякой пользы крейсеръ и людей, онъ отказался итти къ Адмиралу, предоставивъ это мнѣ.

Адмиралъ Энквистъ находился на переднемъ мостикѣ; я поднялся туда и доложилъ ему обо всемъ. Выслушавъ меня, Адмиралъ взволнованнымъ голосомъ и со слезами на глазахъ отвѣтилъ: „Какъ я понимаю вашъ и офицеровъ поступокъ и благородное желаніе! Я вполнѣ его раздѣляю, какъ офицеръ, но какъ адмиралъ, я не могу на него согласиться. Всю ночь мы старались пробиться на сѣверъ, но ничего не выходило. То непріятельская эскадра, почти въ полномъ составѣ, то ихъ минносцы намъ загораживали путь. Много разъ мы мѣняли курсъ, пока окончательно не легли на югъ.

Теперь поздно. Итти на сѣверъ это — подвергнуть вѣрной гибели вашъ крейсеръ и крейсеры „Аврору" и „Жемчугъ". Я уже старъ, мнѣ не долго осталось жить, но кромѣ меня здѣсь болѣе 1200 молодыхъ жизней, которыя смогутъ еще съ пользою послужить отечеству.

Нѣтъ, дорогой, передайте офицерамъ, что хотя я и всей душою раздѣляю ихъ желаніе и цѣню его, но согласиться съ нимъ не могу. Отвѣтственность же всю и за все я принимаю на себя".

Такъ окончилась неудачей наша попытка добиться поворота на сѣверъ.

Немного спустя лейтенантъ Домерщиковъ настойчиво просилъ меня дать въ его распоряженіе барказъ и онъ съ охотниками подъ парусами отправится къ Владивостоку. На это уже, конечно, никакъ нельзя было согласиться.

За завтракомъ, въ каютъ-компаніи, въ присутствіи командира, снова поднялся вопросъ — куда же итти? Въ Шанхай или дальше въ Маниллу или Сайгонъ? Послѣ всесторонняго обсужденія и баллотировки рѣшено было итти въ Маниллу (Филиппинскіе острова), какъ болѣе отдаленный портъ и въ надеждѣ, что американцы выпустятъ насъ послѣ исправленій.

Около 14 час. 30 мин. отрядъ нашъ остановился и адмиралъ со штабомъ перешелъ на „Аврору", перенеся на него и свой флагъ.

„Аврора", ставъ головнымъ, показала курсъ на восточную часть острова Формозы.

По пути къ Филиппинскимъ островамъ намъ еще разъ пришлось подвергнуться испытанію. Быстрое паденіе барометра при правильномъ измѣненіи вѣтра показало приближеніе тайфуна, обычнаго въ этихъ мѣстахъ. И къ ночи штормъ ревѣлъ уже во всю! Громадныя волны съ силою били въ нашъ бортъ, но къ счастью въ лѣвый, неповрежденный бортъ, потому это испытаніе и прошло для насъ благополучно. Случись же то же съ правой стороны, положеніе наше было бы критическимъ, ибо временныя задѣлки пробоинъ не выдерживали бы ударовъ волнъ и крейсеръ принялъ бы много воды на верхнюю палубу.

Подходя къ входу въ Маниллъскую бухту, послѣ соотвѣтствующаго богослуженія, мы предали морю тѣла убитыхъ въ бою и скончавшихся отъ ранъ.

Вечеромъ 2 или 3 іюня мы вошли на Маниллъскій рейдъ, гдѣ и стали на якорь. Послѣдніе часы перехода пришлось дѣлать уменьшеннымъ ходомъ. Уголь приходилъ къ концу, давленіе въ котлахъ падало, а съ нимъ и электрическое освѣщеніе тускнѣло. Пришлось подбрасывать въ топки промасленную паклю, остатки разныхъ деревянныхъ ящиковъ и т. п.

Съ командою „отдать якорь" всѣ вздохнули свободнѣе, но не скажу, чтобы у всѣхъ насъ было

покойно на душѣ. Полное незнаніе судьбы остатковъ нашей эскадры насъ сильно безпокоило.

Наше безпокойство было основательнымъ. Вскорѣ по постановкѣ на якорь къ намъ отъ имени американскаго Адмирала, по морскому обычаю, прибылъ его флагъ-капитанъ, съ привѣтствіемъ и отъ него мы узнали первыя печальныя вѣсти: Адмиралъ Рожественскій, опасно раненый, захваченъ въ плѣнъ, отрядъ адмирала Небогатова („Имп. Николай I", бр. берег. обороны „Адмиралъ Сенявинъ" и „Ген.-Адм. гр. Апраксинъ") сдались въ плѣнъ японцамъ, которые, замѣнивъ Андреевскіе флаги японскими, отвели ихъ въ Японію.

Извѣстіе это насъ поразило какъ громомъ! Вѣдь за всю свою, болѣе чѣмъ двухсотлѣтнюю славную исторію, на нашемъ флотѣ былъ только одинъ случай спуска Андреевскаго флага передъ непріятельскимъ, когда 44-пуш. фрегатъ „Рафаилъ" сдался туркамъ! И тогда же Государь Императоръ Николай I, чтобы смыть этотъ позоръ, приказалъ судамъ Россійскаго Флота разыскать во что бы то ни стало турецкій фрегатъ „Фазли-Аллахъ", бывшій „Рафаилъ", и безпощаднымъ огнемъ сжечь его и потопить, что и было исполнено 18/30 ноября 1853 г. кораблемъ „Императрица Марія".

Сдача же адмирала Небогатова была непонятна и непростительна еще и тѣмъ, что однимъ изъ послѣднихъ приказовъ адмирала Рожественскаго было: „Изготовляя корабль къ бою, озаботиться, чтобы на случай окруженія сильнѣйшимъ непріятелемъ и неминуемой гибели, на кораблѣ все было бы готово для его взрыва и потопленія", что и было предусмотрѣно у насъ на „Олегѣ".

Но броненосецъ береговой обороны того же отряда „Адмиралъ Ушаковъ" не пожелалъ сдаваться, предпочитая геройскую гибель сдачѣ.

На сигналъ японцевъ „сдаться" „Ушаковъ" отвѣтилъ залпомъ изъ всѣхъ орудій, а затѣмъ, открывъ кингстоны, затонулъ.

Часть его команды оказалась на поверхности моря, спасаясь за пловучіе предметы. Японцы, оцѣнивъ геройскій поступокъ, бросились спасать этихъ героевъ, а потомъ, когда ихъ доставили въ плѣнъ, то всѣмъ имъ было возвращено оружіе и имъ оказывали всяческое вниманіе.

Итакъ, крейсеры „Олегъ", „Аврора" и „Жемчугъ" оказались въ Манилльской бухтѣ. Послѣ обмѣна телеграммами между правительствами пришлось, по требованію Вашингтона, разоружиться, т. е. сдать американскимъ властямъ на храненіе затворы отъ орудій.

Я не забуду этого тяжелаго момента, когда старшій артиллерійскій офицеръ, лейтенантъ Зарудный, со слезами на глазахъ вынималъ и передавалъ эти орудійныя части американцамъ!

Въ Манилле мы простояли до окончанія войны и заключенія Портсмутскаго договора, послѣ котораго война считалась законченной и мы могли уже возвратиться въ Россію.

Стоянкой въ Манилле мы воспользовались, чтобы произвести всѣ необходимыя исправленія поврежденій, а также одѣть команду, которая за многіе мѣсяцы перехода и житья въ углѣ (жилая палуба на пароходѣ была обращена въ угольную яму) сильно обносилась. По исправленіи и задѣлкѣ пробоинъ бортовъ, командиръ крейсера имѣлъ хорошую идею выкрасить въ бѣлую краску всѣ новые листы стали, поставленные на мѣстахъ пробоинъ. Фотографія крейсера въ такомъ видѣ ясно показываетъ наши поврежденія и мѣткость японскаго огня.

Изъ газетъ мы узнали, что во Владивостокъ прорвались только вспомогательный крейсеръ „Ал-

мазъ“ и нѣсколько миноносцевъ. Крейсеръ же „Изумрудъ“, благополучно миновавъ японцевъ, попалъ въ одну изъ близлежащихъ у Владивостока бухтъ, гдѣ выскочилъ на камни и, за невозможностью сняться, былъ уничтоженъ своею же командою.

Итакъ, бой нами былъ проигранъ. Японцы одержали блестящую побѣду. Японцы такой блестящей побѣдѣ обязаны были: преимуществу хода (17 японскихъ и 9 узловъ русскихъ), дальнобойности артиллеріи, способу стрѣльбы (завѣсой), бризантности снарядовъ, своему новому взрывчатому веществу („шимоза“), которымъ снаряды были начинены и, главное, своей тренировкѣ и подготовкѣ.

Такой ужасный разгромъ нашей эскадры произвелъ на всѣхъ насъ страшно тяжелое впечатлѣніе. Всѣмъ ясно было, что мы жестоко поплатились за наши недочеты. Дорого намъ обошелся урокъ, но прошелъ онъ не даромъ. Когда война была закончена, Морское Вѣдомство взялось сразу за реорганизацію флота. Дѣйствующій флотъ былъ порученъ энергичному, опытному и незабвенному адмиралу Николаю Оттовичу фонъ-Эссенъ. Подъ его руководствомъ флотъ ожилъ. Корабли перестали на зиму разоружаться и весь личный составъ круглый годъ жилъ на корабляхъ.

Не имѣя возможности быстро воскресить линейный флотъ, приступили сперва къ постройкѣ минныхъ дивизій и отрядовъ. Все лѣтнее время проводили въ маневрахъ и стрѣльбахъ артиллерійской и минной. Служба связи была поставлена на высоту и когда въ 1914 году разразилась снова война, то нашъ сравнительно маленькій флотъ, имѣя уже и бригады линейныхъ кораблей и крейсеровъ, сумѣлъ не только дать отпоръ много сильнѣйшему германскому флоту, но и держать его постоянно на сторожѣ и былъ въ готовности отравить нападеніе.

Заканчивая свои воспоминанія объ этомъ историческомъ и трагическомъ событіи, я не могу не упомянуть о томъ высокомъ напряженіи нервной системы, которая проявилась у насъ у всѣхъ послѣ боя и выразилась въ слуховой и зрительной галлюцинаціяхъ.

На другой день, когда бой уже совершенно прекратился, канонада все же слышалась многимъ съ разныхъ сторонъ горизонта. А затѣмъ, пока еще шли на SW и находились на меридіанѣ Формозскаго пролива, около 12 час. дня, на югѣ, на горизонтѣ показался сперва одинъ, а затѣмъ нѣсколько дымковъ. Стали всматриваться и что же? Вскорѣ начали различать корпуса судовъ. Всѣ бинокли и трубы направились по этому направленію и всѣ бывшіе на мостикѣ, всѣ лучшіе сигнальшики открыли суда отряда адмирала Небогатова, идущаго по направленію къ Формозскому проливу.

И все это тогда, когда, какъ впослѣдствіи оказалось, отрядъ адмирала Небогатова, далеко къ сѣверу отъ этого мѣста, былъ окруженъ сильнѣйшимъ непріятелемъ и сдался!

Бывшій старшій офицеръ крейсера 1 ранга „Олегъ“
Контръ-адмиралъ *Посоховъ*.

Инж.-мех. к2р. *С. Р. Невяровскій*, Парижъ.

Гибель „Свѣтланы".

Призывъ Редактора „Морского Журнала" вызвалъ во мнѣ желаніе написать нѣсколько словъ о гибели крейсера „Свѣтлана" и съ нею большей части ея состава.

Вечеромъ 14-го мая снарядомъ, попавшимъ въ носовую часть крейсера, были затоплены носовые бомбовые погреба и отдѣленіе динамо-машинъ. Крейсеръ сильно сѣлъ носомъ и мы не могли развивать болѣе 17 узловъ. Всякая связь между кораблями эскадры была къ вечеру уже потеряна и когда окончательно стемнѣло, командиръ рѣшилъ пробовать прорваться во Владивостокъ. Мы направились на сѣверъ и все шло благополучно, несмотря на то, что трудно было управляться: волна отъ сравнительно большого хода накатывалась на бакъ и что то было неладно съ компасами.

На слѣдующій день, около 10-ти час. утра, на горизонтѣ были замѣчены дымки, приближающіеся все болѣе и болѣе къ намъ. Вскорѣ было ясно, что это японскіе крейсеры „Ніитака" и „Отава", начавшіе съ большого разстоянія пристрѣливаться по „Свѣтланѣ". Немедленно Командиромъ были собраны въ каютъ-компаніи всѣ офицеры для обсужденія вопроса, слѣдуетъ ли принимать бой или сдаваться въ виду

неравности силъ и очевиднаго превосходства непріятеля. Опрашивали мнѣнія, начиная съ младшаго, которымъ, помнится, оказался прапорщикъ Свербеевъ, милѣйшій человѣкъ, до войны отбывавшій юнкеромъ флота воинскую повинность. Единогласно было рѣшено принять бой. Японскіе крейсеры къ этому времени прекрасно пристрѣлялись къ намъ и, находясь внѣ радіуса нашей мелкой артиллеріи, имѣли несомнѣнное преимущество. Бѣдная „Свѣтлана" могла отвѣчать только кормовой 6-ти дюймовой пушкой, — носовая была выведена изъ дѣйствія въ самомъ началѣ боя.

Мы сильно страдали отъ артиллерійскаго огня: носовыя кочегарки быстро заполнялись водой, было затоплено большое кормовое отдѣленіе, крейсеръ начиналъ терять плавучесть и погружался все болѣе и болѣе. Былъ отданъ приказъ командѣ и офицерамъ покинуть крейсеръ. Когда я сходилъ съ крейсера въ воду, то отъ палубы до воды было не болѣе аршина. Очутившійся рядомъ со мной мой вѣстовой Куликовъ предложилъ мнѣ подвязать матрацъ койки, что безъ него не пришло бы мнѣ въ голову и я съ нимъ опустился въ воду.

Странное, неиспытанное ощущеніе, въ самомъ началѣ показавшееся мнѣ забавнымъ, напоминающемъ купаніе команды, скоро превратилось въ ощущеніе трагедіи, происходящей со мной и вокругъ меня.

Прекрасно вспоминаю, какъ одинъ изъ японскихъ крейсеровъ прошелъ между мною и „Свѣтланой", уже лежащей на боку, и я отчетливо видѣлъ, какъ японскій комендоръ производилъ выстрѣлъ по гибнущей „Свѣтланѣ".

Черезъ полчаса, а можетъ быть и скорѣе, отъ боя не оставалось слѣдовъ. Оставалась только небольшая кучка насъ, плавающихъ, кто на койкѣ, кто держась за обломки шлюпокъ, а кто и разсчитывая

на свои собственныя силы. Крейсеры ушли и скрылись изъ виду, вдали можно было разобрать смутныя очертанія Кореи.

Чѣмъ дальше мы оставались въ водѣ, тѣмъ рѣже мы встрѣчались другъ съ другомъ, насъ разносило теченіемъ и у насъ не было силъ направляться въ ту или другую сторону. Попадались мертвые съ лицами, опущенными въ воду и поддерживаемые на поверхности подвязанной койкой. Нѣкоторыхъ положительно нельзя было узнать, такъ измѣнились ихъ лица. Время, казалось, остановилось. Все болѣе и болѣе мы страдали отъ холода и отъ невыносимыхъ судорогъ.

Но вотъ показался корабль; я принялъ его за одинъ изъ нашихъ вспомогательныхъ крейсеровъ, но когда онъ приблизился, я разобралъ японскій флагъ. Это былъ, какъ выяснилось впослѣдствіи, японскій вспомогательный крейсеръ „Америка Мару".

Пароходъ этотъ (потому что это не было ничто иное, какъ пассажирскій пароходъ, вооруженный нѣсколькими пушками, снятыми японцами съ „Варяга") бемедленно спустилъ на воду шлюпки и сталъ поднирать плавающихъ.

Мнѣ пришлось, однако, пережить пренепріятный моментъ, когда я увидѣлъ, что онъ поднялъ однофлажный сигналъ, относящійся, повидимому, къ шлюпкамъ, и мнѣ пришла въ голову мысль, что подобравъ нѣкоторое количество команды, такъ сказать для рекламы, рѣшилъ оставить насъ, находящихся въ водѣ, на произволъ судьбы. Къ счастью, это оказалось не такъ, и „Америка Мару" продолжалъ подбирать насъ и, наконецъ, очередь дошла и до меня.

Когда ко мнѣ подошла шлюпка, у меня не было силъ, чтобы поднять руку и схватиться за бортъ. Я былъ вытащенъ японскимъ матросомъ, точно мертвое тѣло и тутъ у меня наступилъ совершенный упадокъ

силъ, полнѣйшая апатія и, сидя на банкѣ я не имѣлъ никакихъ мыслей и ощущеній, кромѣ сознанія нестерпимаго холода.

Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ моего разсказа, я долженъ сообщить о фактѣ, который мучаетъ меня въ продолженіи всѣхъ этихъ лѣтъ. Кто-то изъ команды, находившійся въ этой-же шлюпкѣ, обратился ко мнѣ съ указаніемъ, что мой вѣстовой Куликовъ, къ которому за многіе мѣсяцы похода я былъ оченъ привязанъ, находится неподалеку отъ насъ и, повидимому, выбивается изъ силъ. Мнѣ, однако, все, что происходило кругомъ, такъ было безразлично, у меня наступилъ такой полнѣйшій упадокъ энергіи, что я не имѣлъ силъ обратить вниманіе старшины шлюпки и бѣднаго Куликова мы не досчитались въ числѣ спасенныхъ.

Послѣ меня шлюпки продолжали подбирать плавающихъ, но я былъ однимъ изъ послѣднихъ и въ водѣ я пробылъ съ 11 дня до 5 час. пополудни.

На слѣдующій день офицеры и команды японскаго корабля разсказывали намъ объ участи многострадальной эскадры. Намъ сказали, что часть кораблей сдалась и мы возмущались вымыслами японцевъ...

Таковъ былъ конецъ „Свѣтланы“, этого прекраснаго корабля. Мы всѣ нѣжно любили нашъ крейсеръ и гордились имъ. Современники, конечно, помнятъ, что „Свѣтлана“ всегда находилась на отличномъ счету, какъ трудно и какъ лестно было попасть на нее и какъ высокъ былъ уровень ésprit de corps офицеровъ и команды, пополнявшейся изъ сливокъ 5-го флотскаго Генералъ-Адмирала Алексѣя Александровича экипажа. Высокій духъ состава развивался и поддерживался еще въ мирное время ея блестящимъ командиромъ Константиномъ Дмитріевичемъ Ниловымъ и заложенные имъ принципы дали результаты, которые несомнѣнно могутъ быть записаны съ гордостью

на страницахъ исторіи Императорскаго Россійскаго Флота.

Царство небесное и вѣчная память погибшимъ съ нею офицерамъ: Командиру Шеину, Зурову, Воронцу, Дьяконову, Арцыбашеву, гр. Нироду, Свербееву и Толстому, такъ храбро и геройски погибшимъ съ любимымъ ими крейсеромъ.

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о В. В. Дьяконовѣ. Штурманъ изъ любви къ искусству мореплаванія, блестящій морской и строевой офицеръ, лингвистъ и путешественникъ, знающій всѣ пять континентовъ и Европу лучше профессіональнаго гида, джентельменъ до мозга костей, — таковъ былъ Дьяконовъ. Тяжелая ему выпала участь. Раненый во время боя снарядомъ, оторвавшимъ ему руку выше локтя, онъ легъ на палубу, рѣшивъ потонуть вмѣстѣ со „Свѣтланой", но водоворотомъ вынесло его на поверхность, гдѣ онъ вмѣстѣ съ другими продержался на водѣ до прихода японцевъ. У этого человѣка хватило силъ подняться самому на шлюпку и, поднимаясь, онъ упирался на планширъ торчавшей изъ плеча костью! На „Америка Мару" судовой врачъ отказался дѣлать сложную операцію и Владиміръ Владиміровичъ былъ оперированъ на берегу, но не проснулся отъ хлороформа. Кто въ свое время во флотѣ не зналъ и не любилъ В. В. Дьяконова, съ кадетскихъ временъ получившаго прозвище Софрона Егоровича Кулика. Онъ былъ похороненъ съ военными почестями въ Японіи.

Инж.-мех. к2р. *С. Невяровскій.*

Плаваніе отряда адм. Небогатова.

Глубоко подъ пепломъ сѣдымъ сохранилъ я эти событія.
Тебѣ одному — другу моего дѣтства открою думы свои.
Слышишь, какъ сердце мое бьется и трепещетъ: больно ему рыться въ пеплѣ горькихъ воспоминаній.

Въ Парижѣ, на одной изъ большихъ авеню, въ бистро Біара, послѣ 30-ти лѣтней разлуки встрѣтилъ я своего товарища и друга дѣтства. Окончивъ Морской Кадетскій Корпусъ въ Петербургѣ, мы пошли разными путями. Я пробылъ всю жизнь воспитателемъ Морского Корпуса, онъ же большую часть службы проплавалъ на судахъ Тихоокеанской эскадры. За чашкою кофе ежедневно въ полдень, говоря о прошломъ дорогой нашей Родины, вспомнили мы, что 14-го мая сего года исполняется 25-лѣтіе Цусимскаго боя. Я просилъ его разсказать мнѣ все его плаваніе и самый бой, на что онъ, послѣ долгихъ уговоровъ, согласился и, какъ очевидецъ, передалъ мнѣ всю горькую правду, имъ перечувствованную и имъ пережитую.
Вотъ она въ моей записи.

Не касаясь военной обстановки на Дальнемъ Востокѣ, ни боевой дѣятельности сухопутныхъ и морскихъ силъ во время Русской-Японской войны, уступая твоей настойчивой просьбѣ, разскажу тебѣ, насколько у меня за 25 лѣтъ сохранились въ памяти

нѣкоторыя обстоятельства похода отдѣльнаго отряда подъ командой контръ-адмирала Небогатова, участникомъ котораго я былъ.

Всѣмъ памятны огненныя статьи Н. Л. Кладо (бывшаго адъютанта Морского Кадетскаго Корпуса, впослѣдствіи профессора Николаевской Морской Академіи) въ „Новомъ Времени", доказывавшія необходимость послать на Дальній Востокъ не только достраивающіяся суда („Суворовъ", „Бородино", „Александръ III", „Орелъ"), но и считавшія необходимымъ собрать все, что возможно, какъ-то: броненосцы береговой обороны „Ушаковъ", „Сенявинъ", „Апраксинъ", и даже высказывавшія соображенія о необходимости предоставить для военныхъ надобностей Императорскія яхты. Статьи Кладо, конечно, сыграли значительную роль. Было рѣшено въ спѣшномъ порядкѣ достроить отрядъ новыхъ судовъ и отправить его подъ командой Генералъ-Адъютанта Рожественскаго.

Взбаламученное море общественнаго мнѣнія было на время успокоено.

Всѣ лихорадочно принялись за работу по созданію, вооруженію и снабженію этого послѣдняго отряда. И всю потерянную было надежду на побѣду надъ японцами, какъ обиженныя и испуганныя дѣти, возложили на Флотъ и глазами, полными вѣры въ эту побѣду, провожали они вице-адмирала Рожественскаго и его эскадру на Дальній Востокъ. Только самъ Командующій ею, смѣлый, энергичный и строгій Адмиралъ зналъ лучше ихъ, на какой тяжкій подвигъ, на какое нечеловѣческое испытаніе онъ велъ свои корабли.

По пути на Дальній Востокъ Генералъ-Адъютантъ Рожественскій раздѣлилъ свою эскадру на два отряда: одинъ — пошелъ въ обходъ мысомъ Доброй Надежды, другой — черезъ Суецъ, и затѣмъ соединились обѣ въ Носси-бей на Мадагаскарѣ.

Приготовлявшійся въ Либавѣ III-й отрядъ контръ-адмирала Небогатова былъ составленъ изъ судовъ: броненосецъ „Императоръ Николай I-й“, броненосцы береговой обороны: „Адмиралъ Ушаковъ“, „Сенявинъ“, „Апраксинъ“, крейсеръ „Владиміръ Мономахъ“, транспорты „Куронія“, „Ливонія“, мастерская „Ксенія“ и буксиръ „Свирь“.

1 февраля 1905 года отрядъ этотъ былъ готовъ къ походу. И послѣ напутственнаго молебна, корабли, провожаемые родными и знакомыми, начали на буксирахъ портовыхъ катеровъ, среди плавающихъ льдинъ, вытягиваться изъ ковша порта Императора Александра III-го въ аванъ-портъ для выхода въ море. Съ кораблей долеталъ до берега послѣдній привѣтъ родной землѣ.

Густой черный дымъ повалилъ изъ трубъ въ голубое небо. Рѣяли за кормой бѣлые флаги съ голубымъ крестомъ Андрея Первозваннаго.

Изъ Либавы прошли черезъ Большой и Малый Бельты до маяка Скагена на Ютландіи; получивъ уголь, прошли вдоль Ютландіи, (а не на Доггеръ-банку, какъ полагалось) во избѣжаніе повторенія Гульскаго инцидента. Курсъ этотъ болѣе сложенъ — ибо берега низкіе и при обычной туманности въ этихъ мѣстахъ опредѣленія, какъ астрономическія, такъ и по берегу и по глубинамъ неудобны. Затѣмъ, обойдя такимъ образомъ злосчастную Доггеръ-банку, мы вышли на пловучій маякъ у входа въ Англійскій каналъ.

По мѣрѣ того, какъ мы продвигались впередъ, вѣтеръ свѣжѣлъ и, находясь на траверзѣ острова Уайтъ, вѣтеръ изъ SW-ой четверти дошелъ до 10-11 балловъ и сдерживалъ нашъ ходъ настолько, что было время, когда корабли даже не выгребали. Качка была настолько велика, что носовыя части судовъ погружались по башни въ воду и брызги крыли

суда. Коки и повара въ этотъ день не были въ состоянiи дѣлать супъ, все выплескивалось и пришлось перейти на консервы.

Послѣ обѣда въ 1-2 ч. дня легли мимо Уессандъ, держась, конечно, внѣ видимости ихъ, слѣдуя на югъ.

Такъ какъ Англiя была союзницей Японiи, косвенно всемѣрно помогала ей и, конечно, слѣдила за нашимъ движенiемъ, то для прохода Гибралтара мы выбрали темноту; было это часовъ въ 8 вечера; мы придерживались ближе къ Африканскому берегу и при проходѣ погасили всѣ огни. Насъ было 9-10 судовъ въ кильватерной колоннѣ съ головнымъ кораблемъ „Императоръ Николай I". Вдругъ увидѣли мы громадный пассажирскiй пароходъ, идущiй изъ Средиземнаго моря; курсъ его первоначально шелъ въ сторону отъ нашего курса. Но вскорѣ мы замѣтили, что пароходъ мѣняетъ курсъ въ нашу сторону и во избѣжанiе катастрофы намъ пришлось открыть огни, чему послѣдовали всѣ прочiя суда колонны. Пароходъ, замѣтивъ нашъ маневръ, круто повернулъ вправо и прошелъ въ 300 метрахъ вдоль нашей линiи. Конечно, удивленiе его было не малое, когда постепенно стали открываться огни длинной линiи судовъ.

Такъ мы вошли въ Средиземное море.

У острововъ Сафаринъ близъ берега Африки остановились для угольной погрузки со своихъ транспортовъ. Окончивъ погрузку угля, пошли на островъ Критъ въ бухту Суда. Туда подошли госпитальныя суда „Кострома" изъ Чернаго моря и транспортъ „Графъ Строгановъ". Простояли на Критѣ двое сутокъ. Отсюда пошли въ Портъ-Саидъ.

Властями здѣсь были приняты всѣ мѣры по охранѣ нашихъ судовъ. Стояли на бочкахъ. Вооруженные солдаты египетской армiи объѣзжали наши суда. Пройдя затѣмъ Суэцкiй каналъ, остановились

въ бухтѣ у пустыннаго берега. Затѣмъ пошли въ Красное море. Жара стояла страшная. Направляясь къ Джибутти, стали на якорь въ море на значительномъ разстояніи отъ берега, чтобы не злоупотреблять любезностью французовъ.

Такъ какъ изъ телеграммъ, полученныхъ изъ Джибутти, мы ничего не знали о мѣстонахожденіи эскадры Адмирала Рожественскаго, а знать намъ это было необходимо, то изъ Джибутти на розыски Адмирала было отправлено въ Батавію судно „Кострома", а транспортъ „Куронія" со штабнымъ интендантомъ былъ посланъ въ мѣсто на 100 миль южнѣе Коломбо по меридіану.

Тамъ онъ долженъ былъ получить изъ Петербурга черезъ консула свѣдѣнія о нахожденіи Адмирала Рожественскаго и сообщить намъ на отрядъ.

Мы прошли вдоль Африканскаго берега въ Аденскій проливъ и, чтобы избѣжать встрѣчи съ пароходами, идущими въ Европу, пересѣкали пути пароходныхъ линій ночью, направляясь къ берегамъ Аравіи, чтобы подгрузиться углемъ.

Затѣмъ пошли въ Индійскій океанъ, направляясь въ пунктъ І-го рандеву на 200 миль южнѣе Коломбо.

Пришла въ условленное время „Куронія" и сообщила, что никто къ ней въ условленное мѣсто не пришелъ.

Встрѣчали Пасху въ 200-хъ миляхъ отъ острова Ява, — стоя съ застопоренными машинами. Отбросы пищи съ судовъ привлекли массу акулъ, почему мы назвали это мѣсто „акулъ-тоунъ". На судахъ служили заутреню, въ кают-компаніи были розговѣны, въ первый день ѣздили къ друзьямъ на другіе корабли.

Встрѣтивъ Свѣтлый праздникъ, пошли ко входу въ Малаккскій проливъ; пройдя маяки Пуло-брасъ и Пулопенангъ, лежащіе въ сѣверной части острова Ява, пошли проливомъ.

Телеграммами изъ Джибутти насъ все время предупреждали о возможной въ разныхъ пунктахъ атакѣ японцевъ.

Проходя Малаккскимъ проливомъ, который въ началѣ широкъ, а къ концу становится все уже и уже, мы въ южной части проходили близко отъ берега. Золотисто-бѣлый песокъ, зеленыя стройныя пальмы и бѣлая башня маяка, ярко освѣщенная солнцемъ. Вдругъ отъ маяка отдѣлился бѣлый моторный катерокъ и побѣжалъ намъ навстрѣчу; онъ не подошелъ и ничего не передалъ, но прошелъ контръ-курсомъ вдоль всего отряда, какъ бы считая и осматривая суда, а затѣмъ исчезъ въ живописной бухточкѣ за маякомъ. Всѣ маяки были, конечно, соединены телефонами и телеграфомъ и такимъ образомъ могли давать другъ другу (и кому сіе было особенно интересно) всѣ свѣдѣнія о нашемъ количествѣ, качествѣ и прохожденіи на Востокъ. Это было крайне непріятно, какъ и при проходѣ черезъ Суэцкій каналъ — насъ снимали фотографы съ обоихъ береговъ. Пришлось намъ нѣкоторые транспорты совсѣмъ перекрасить и измѣнить окраской до неузнаваемости.

Дальше пошли въ Сингапуръ. Было 5 час. утра.

Мертвый штиль. Море, какъ озеро. Изъ-за жары всѣ спали на верхней палубѣ.

Вдругъ среди утренней тишины раздалась команда: „комендоры по орудіямъ! Орудія зарядить“!

Дежурный офицеръ и комендоры бросились къ пушкамъ. Я привсталъ. Какъ разъ по нашему курсу двѣ шхуны штилѣютъ. Полагали, что умышленно. На всѣхъ судахъ заходили башни, готовыя къ бою. Настроеніе было чрезвычайно напряженное. Заняли выжидательное положеніе, ожидая съ минуты на минуту взрыва. Но — прошли благополучно.

Это не были „шельмецы“, какъ называлъ адмиралъ Небогатовъ всѣхъ тайныхъ вредителей Россіи,

англійскихъ и японскихъ агентовъ (въ стилѣ Гульскаго инцидента).

У Адмирала въ каютѣ лежала карта съ указаніемъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ можно ожидать опасности, согласно свѣдѣніямъ Главнаго Морского Штаба.

Итакъ, эта тревога оказалась ложной. Огибая Сингапуръ, мы замѣтили нѣсколько дымковъ, направляющихся въ Сингапуръ съ сѣвера. Кильватерная колонна показывала, что это суда военные, надо было опредѣлить націю. Было основаніе думать, что это японцы; но оказалось три англійскихъ крейсера.

Пройдя Сингапуръ, мы взяли направленіе на югъ; здѣсь въ своихъ водахъ проводилъ насъ голландскій крейсеръ и, разставаясь, поднялъ сигналъ: „желаю счастливаго плаванія". Мы продолжаемъ путь свой на рандеву, т. е. на 100 миль южнѣе Сингапура. Часовъ около 11-ти налетѣлъ страшный шквалъ съ дождемъ и горизонтъ затянулся мглой.

Когда прояснѣло, мы увидѣли большой бѣлый катеръ съ мѣдной трубой, которая ярко горѣла на солнцѣ; онъ держалъ курсъ на насъ. Подойдя къ борту онъ передалъ намъ почту со свѣдѣніями объ эскадрѣ Адмирала Рожественскаго и приказъ о пожалованіи ордена св. Станислава І-ой степени контръ-адмиралу Небогатову (пасхальная награда).

Съ катера намъ разсказали, что англійскія власти за недѣлю до нашего прохода Сингапура запретили выходъ катеровъ безъ особаго на то разрѣшенія. Русскій консулъ вошелъ въ сношеніе съ однимъ виноторговцемъ, сговорившимся съ богатымъ индусомъ, а этотъ послѣдній заявилъ властямъ, что ему необходимо поѣхать на одинъ изъ острововъ архипелага на семейное торжество. Власть выходъ разрѣшила; катеръ направился въ заранѣе условленное пустынное мѣсто Индо-Китая, тамъ взяли на катеръ виноторговца, который имѣлъ отъ консула всю

нашу почту и телеграммы. Погрузился онъ ночью на этотъ катеръ и по картѣ, вырѣзанной изъ книги простой географіи, нашелъ и встрѣтилъ насъ.

Итакъ, мы повернули на сѣверъ и пошли въ пунктъ, указанный въ телеграммѣ Главнаго Морского Штаба, гдѣ долженъ былъ находиться Ген.-Адм. Рожественскій со своей эскадрой.

Вечеромъ, наканунѣ соединенія съ II-й Тихоокеанской эскадрою, насъ обнаружили развѣдочныя суда, которыя, однако, сразу насъ не узнали. Подойдя къ Сіамскимъ берегамъ у бухты Куа-бей, мы увидѣли всю эскадру, 4-узловымъ ходомъ двигающуюся взадъ и впередъ; угольщики же были въ самой бухтѣ; туда заходили броненосцы по очереди для погрузки. Когда запасы были пополнены, всѣ двинулись въ дальнѣйшій путь.

При прохожденіи нашемъ у береговъ Сіама, тамъ, въ этихъ же водахъ, былъ французскій крейсеръ для охраненія нейтралитета.

Во время совмѣстнаго пребыванія у береговъ Сіама былъ изданъ цѣлый рядъ распорядительныхъ приказовъ; особенно памятно мнѣ слѣдующее распредѣленіе броненосныхъ судовъ на 3 отряда.

I-й, подъ командой Генералъ - Адъютанта Рожественскаго, состоялъ изъ броненосцевъ: „Суворовъ“, „Императоръ Александръ III“, „Бородино“ и „Орелъ“.

II-й отрядъ, подъ командой контръ-адмирала Фелькерзама, — броненосцы: „Побѣда“, „Сисой Великій“, „Наваринъ“, „Адмиралъ Нахимовъ“.

III-й отрядъ, подъ командой контръ-адмирала Небогатова — броненосцы: „Императоръ Николай I-й“, „Адмиралъ Ушаковъ“, „Сенявинъ“ и „Апраксинъ“.

IV отрядъ крейсеровъ, подъ командою контръ-адмирала Энквиста, — крейсеры: „Олегъ“, „Владиміръ Мономахъ“, „Алмазъ“ и „Свѣтлана“ и 8 миноносцевъ.

Этимъ миноносцамъ не было дано особаго боевого расписанія, они были распредѣлены на отряды и должны были въ случаѣ необходимости взять на бортъ Адмирала со своимъ штабомъ, если флагманскій корабль выйдетъ изъ строя.

Затѣмъ транспорты „Уронія“ и „Ливонія“.

Такъ какъ Портъ-Артуръ уже палъ, то мы принуждены были взять курсъ на Владивостокъ, гдѣ еще оставались остатки I-й Тихоокеанской эскадры (крейсеры).

Итакъ, раздѣлившись на три отряда, пошли къ Цусимскому проливу.

За нами шли два госпитальныхъ судна „Орелъ“, „Кострома“ и два транспорта „Камчатка“ и „Ксенія“ — мастерская.

Госпитальныя суда по международному закону неприкосновенны; чтобы ихъ отличить отъ другихъ судовъ, они красятся въ чисто-бѣлую краску и красный или зеленый поясъ вокругъ всего корпуса корабля (въ зависимости отъ того, снаряжено ли госпитальное судно на средства правительства или на частныя пожертвованія). Подъ клотикомъ на стеньгѣ несутъ они бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ.

Направляясь къ берегамъ Японіи, замѣтили мы большой грузовой пароходъ подъ англійскимъ флагомъ, который шелъ въ Японію. Для выясненія, нѣтъ ли на немъ военной контрабанды, крейсеру „Олегъ“ было поручено его остановить и произвести осмотръ съ цѣлью выясненія его груза. Названіе парохода было „Олдхамія“. Былъ онъ нагруженъ углемъ; а подъ слоемъ угля лежали новыя дула для пушекъ (внутреннія трубы съ нарѣзами) для ремонта пушекъ и составныя части новыхъ.

Командира англичанина и всю команду перевели на госпитальное судно „Орелъ“, а на „Олдхамію“ назначили русскихъ матросовъ и подъ командою

прапорщика изъ шкиперовъ онъ пошелъ въ обходъ Японіи во Владивостокѣ Татарскимъ проливомъ.

Пароходу, однако, не суждено было дойти до Владивостока; онъ разбился въ туманѣ въ Татарскомъ проливѣ, личный составъ его спасался на судовыхъ шлюпкахъ и попалъ въ плѣнъ.

Присутствіе на „Орлѣ“ англійскаго капитана и матросовъ послужило поводомъ къ аресту этого госпитальнаго судна японцами и его увели въ Японію, какъ военный призъ.

„Кострома“ была также взята японцами за то, что на ней найдена шлюпочная сигнальная книжка военнаго корабля и за то, что „Кострома“ занималась развѣдкою, зайдя въ Батавію для выясненія мѣстопребыванія эскадры Адм. Рожественскаго.

Всѣ наши боевые корабли двинулись на сѣверъ въ маѣ мѣсяцѣ. Когда подошли на высоту истока Янцъ-Кіанга, всѣ транспорты, кромѣ „Камчатки“ и „Иртыша“, были направлены въ Шанхай. Сами же пошли впередъ и въ водахъ близъ японскаго острова Квельпартъ были произведены боевыя перестроенія всего флота. Это было первое и единственное перестроеніе за весь длинный и долгій походъ вдоль береговъ всей Европы и Азіи. Мѣсто этихъ перестроеній было выбрано неудачное, потому что на островѣ этомъ былъ наблюдательный пунктъ японцевъ и мы своимъ приближеніемъ себя обнаружили сутокъ за двое до боя.

Японское радіо работало безпрерывно. Мы своими аппаратами расшифровали лишь слово „Мару“, что значитъ по японски пароходъ и поняли, что станція на островѣ Квельпартъ и суда развѣдки доносятъ о нашемъ приближеніи.

На корабляхъ отряда было очень мало снарядовъ для практической цѣли, все было полно боевымъ

запасомъ, а потому производить учебныя стрѣльбы на ходу, да еще въ чужихъ водахъ было невозможно.

Но вотъ въ Индійскомъ океанѣ удалось произвести учебную стрѣльбу.

Спустили щитъ и начали стрѣльбу по немъ. Флагманскій минный офицеръ на буксирномъ пароходѣ „Свирь“ стоялъ невдалекѣ отъ щита и наблюдалъ за стрѣльбою.

Прошла первая часть стрѣльбы — щитъ остался неприкосновеннымъ.

Ни одного попаданія! Направленіе правильное,*но все перелетъ или недолетъ.

Произвели 2-ю часть стрѣльбы и снова ни одного попаданія!

Блѣдный, какъ полотно вернулся на судно минный офицеръ; прибуксировали нетронутый, дѣвственный щитъ.

Всѣ пришли въ полное смущеніе. Не знали, въ чемъ причина такой невозможной стрѣльбы. Догадались: дальномѣрныя трубы Барръ и Струда, купленныя въ Англіи, были не точны. Ночью по отдаленнымъ звѣздамъ начали провѣрять параллельность зеркалъ, а днемъ провѣряли разстоянія между своими судами.

При свиданіи обоихъ отрядовъ было объ этомъ печальномъ обстоятельствѣ донесено въ Штабъ эскадры и тогда была организована общая повѣрка дальномѣровъ. Выборъ крейсера „Изумрудъ“ съ его легкими мачтами, какъ прямовидимый предметъ, былъ неудачный, отчего точность провѣрки значительно страдала.

Другой непріятностью были новые прицѣльные приборы, изобрѣтенные знаменитымъ математикомъ флота генераломъ-маіоромъ А. Н. Крыловымъ.

Приборъ состоялъ изъ свѣтящейся мушки, надѣвавшейся на дуло пушки, и длинной трубки-стержня,

идущаго по дулу къ казенной части пушки параллельно оси орудія и заканчивающейся трубою для глаза наблюдателя-комендора, наводящаго орудіе на цѣль.

Такъ какъ дуло орудія длинно, то и трубка-стержень длинна и, будучи тонкой, прогибается и не даетъ уже идеально прямой линіи.

Чтобы избѣжать прогиба, по рединѣ ея длины имѣется упорная крестовина, связанная нитями съ мушкой и трубой наблюдателя.

Прекрасное въ теоріи приспособленіе, на практикѣ на самомъ орудіи при каждомъ выстрѣлѣ слетало, разрывалось, нити лопались и выведенный изъ терпѣнія комендоръ съ руганью срывалъ ученое вооруженіе, предпочитая стрѣлять на глазъ.

Но вотъ и Цусима.

Утромъ 13 мая мы усмотрѣли вдали нѣсколько развѣдчиковъ, которые легли на параллельный съ нами курсъ, изучая наши силы, скорость и курсъ.

Всю ночь японскія развѣдочныя суда не выпускали насъ изъ подъ своего наблюденія и еще утромъ мы видѣли на горизонтѣ ихъ дымки. Адмиралъ Рожественскій поднялъ сигналъ: „курсъ нордъ-остъ 23“. И вся эскадра его, идя въ кильватерной колоннѣ, легла на этотъ курсъ. (Онъ велъ суда во Владивостокъ Цусимскимъ проливомъ, оставляя островъ Цусиму влѣво, а Японію вправо).

Вскорѣ по радіо развѣдка японцевъ дала всѣ свѣдѣнія о насъ въ Сасебо — японскій портъ, гдѣ были сосредоточены всѣ силы японцевъ.

Ночь и утро было еще бурно. Море въ 4 балла, вѣтеръ въ 5 балловъ. Но чѣмъ солнце поднималось выше, тѣмъ вѣтеръ становился слабѣе и море успокаивалось. Въ полдень, смѣнившись съ флагманской вахты, я ушелъ въ Адмиральское помѣщеніе (брон. „Императоръ Николай І-й“) и сѣлъ за обѣдъ. Проглотилъ супъ и жаркое, принялся за пирожное, какъ вдругъ

услышалъ звуки горна, игравшаго боевую тревогу; бросивъ обѣдъ, выбѣжалъ на палубу и увидѣлъ, что головные корабли Адмирала Рожественскаго дѣлаютъ эволюцію, измѣняя курсъ вправо и снова ложась на параллельный прежнему курсъ. На стеньги всѣхъ кораблей взвились Андреевскіе флаги и команда разбѣгалась по орудіямъ, согласно расписанію боевой тревоги.

На горизонтѣ вся освѣщенная солнцемъ показалась эскадра японскаго адмирала Того, неся на стеньгахъ флаги краснаго восходящаго солнца.

Впереди шли японскіе броненосцы: флагманскій „Миказа", затѣмъ „Матшушима" и др., а дальше „Ниссенъ" и „Касуга" (эти два мы торговали у англичанъ, но японцы ухитрились откупить ихъ раньше насъ. Эти суда обладали особо хорошимъ ходомъ и новыми башнями съ высоко поднятыми дулами орудій — хорошая дальнобойность).

Не желая освѣщать свои корабли, какъ цѣль непріятелю и имѣя солнце прямо въ глаза, адміралъ Того, пользуясь большимъ преимуществомъ хода своихъ кораблей, произвелъ эволюцію: быстро пересѣкъ линію нашего курса и, сдѣлавъ циркуляцію, описалъ кривую и легъ подъ угломъ къ нашему курсу тоже на нордъ-остъ, поставивъ нашу эскадру въ освѣщеніе солнца и подъ обстрѣлъ всѣхъ своихъ орудій.

14 мая въ 1 ч. 20 м. начался Цусимскій бой. И снаряды обѣихъ эскадръ перелетали съ ожесточеніемъ отъ одной къ другой.

Первый же удачный залпъ японцевъ пробилъ корму транспорта „Уралъ", имѣвшаго мощную радіо-станцію, и онъ быстро сталъ тонуть. Команда его была спасена подоспѣвшимъ буксир. „Свирь" и трансп. „Иртышъ", который взялъ курсъ въ зюйдовую половину компаса (какъ потомъ выяснилось, онъ безъ остановки прошелъ на Мадагаскаръ; не имѣя о немъ ника-

кихъ свѣдѣній, морскіе круги имѣли всѣ основанія предполагать его гибель). „Свирь" же ушелъ со спасенными въ Шанхай. Около 4-5 ч. дня увидѣлъ я, что броненосецъ „Кн. Суворовъ", на которомъ былъ Адмиралъ Рожественскій, весь окутанный дымомъ, огнемъ и паромъ, вышелъ изъ строя. Вскорѣ къ нему подоспѣлъ миноносецъ „Бѣдовый", продержался недолго у борта, затѣмъ полнымъ ходомъ прошелъ вдоль всей эскадры, держа на стеньгѣ сигналъ: курсъ нордъ-остъ 23° и передалъ по семафору: „имѣю на борту раненаго Адмирала Рожественскаго и другихъ лицъ".

На лекціяхъ по Морской Тактикѣ за 5 лѣтъ до Цусимы лейтенантъ Н. Л. Кладо указывалъ намъ, какъ на первѣйшую необходимость, держаться въ строѣ кильватера на возможно близкомъ разстояніи отъ своего форзейля; на практикѣ оказалось, что это требованіе имѣетъ и свои отрицательныя стороны: при точно опредѣленномъ разстояніи непріятелю нѣтъ необходимости заботиться о цѣликѣ: если снарядъ не ляжетъ въ одинъ, то ляжетъ въ другой изъ непрерывной линіи судовъ. Требованіе держаться скученно имѣло свой смыслъ во время стрѣльбы недальнобойной артиллеріей, когда бои должны были вестись на близкомъ разстояніи и опасались прорыва линіи судовъ. Но если бои ведутся на разстояніи въ среднемъ на 60 кабельтовыхъ (6-7 миль и больше), мгновенно такой прорывъ линіи произойти не можетъ.

Японскій Адмиралъ Того имѣлъ всѣ преимущества на своей сторонѣ; мощность артиллеріи, скорость хода, близость базы и неутомленный личный составъ. Потому сразу вся инициатива была на его сторонѣ. Мы же заняли позицію обороняющагося.

Японцы то удалялись на разстояніе 87 кабельтовыхъ, то сближались съ нами на 22-23 кабельтова.

Бездымный порохъ, которымъ были начинены наши заряды, отъ пребыванія въ тропическихъ водахъ, вслѣдствіе испаренія эфира, мѣнялся и измѣнялъ баллистическія свойства свои. Таблицы стрѣльбы были составлены при однихъ условіяхъ, а въ пушку клали другой матеріалъ.

Артиллерійскій бой, начавшійся въ 1 ч. 20 м. дня, продолжался безпрерывно до 7 час. 20 м. вечера. И всѣ эти 6 часовъ подрядъ съ обѣихъ сторонъ вспыхивали и сверкали надъ моремъ огни орудійныхъ выстрѣловъ, гремѣлъ громъ пушекъ, голубой воздухъ пересѣкали снаряды; затѣмъ ударъ, разрывъ снаряда, содроганіе корабля, кровь и смерть и вода въ пробоинахъ.

Когда красный дискъ солнца медленно опускался на синюю полосу моря интенсивность боя постепенно падала. И не успѣло солнце золотымъ краемъ своимъ коснуться моря, какъ изъ-подъ самаго солнца на горизонтѣ появились японскіе миноносцы, готовые къ атакѣ. Въ продолженіе этихъ 6 часовъ артиллерійскаго боя броненосецъ „Князь Суворовъ" утонулъ; пошелъ ко дну броненосецъ „Александръ III"; съ гробомъ адмирала Фелькерзама носилась по Цусимскому проливу „Побѣда" и раненая на смерть — увлекла гробъ его на дно моря.

„Наваринъ", „Сисой Великій" и „Нахимовъ" открыли прожекторы и наскоро чинили свои поврежденія; „Свѣтлана", проскочивъ было на сѣверъ, была разбита и утонула. Въ сторонѣ еще плавалъ вверхъ килемъ „Бородино"; на немъ спасались остатки команды, но и онъ медленно погружался въ море.

Раненый, но еще живой, держался на водѣ отрядъ адмирала Небогатова въ линіи: „Орелъ", „Императоръ Николай I", „Адмиралъ Сенявинъ" и „Адмиралъ Апраксинъ". Броненосецъ „Адм. Ушаковъ" отдѣлился отъ строя и погибъ въ сторонѣ, послѣ

боя съ нѣсколькими непріятельскими судами. Когда онъ тонулъ, команда его спасалась на оставшихся шлюпкахъ и спасательныхъ плотахъ; но и эти плоты настигали японскіе снаряды и каждый изъ нихъ, ударяясь въ груды тѣлъ, вырывалъ фонтанъ крови, обагряя имъ воду.

На Кронштадскомъ, Транзундскомъ, Ревельскомъ и Либавскомъ рейдахъ, всюду, гдѣ только производились учебныя минныя атаки, насъ учили пользоваться прожекторами, направляя лучи ихъ прямо въ глаза атакующему миноносцу, чтобы онъ, ослѣпленный, не видѣлъ цѣли и не могъ выпущенной миной попасть въ освѣщающій его корабль. И вотъ, когда наступила ночь въ Цусимскомъ проливѣ, японскіе миноносцы ринулись въ атаку прямо на прожекторы „Наварина“, „Сисоя Великаго“ и „Адмирала Нахимова“. И естественно, только благодаря освѣщенію и обнаружили ихъ.

Японцы били навѣрняка по освѣщенной цѣли; взрывы ихъ минъ потопили всѣ эти три броненосца и они одинъ за другимъ ушли на темное дно.

Не слѣдуя ихъ примѣру, ни „Орелъ“, ни „Сенявинъ“, ни „Апраксинъ“, ни „Николай I“ не открывали своихъ прожекторовъ, но и всѣ вообще огни закрыли. Скрытые покровомъ ночи, они держались въ проливѣ не найденные японцами. И настолько были незамѣтны, что одинъ изъ миноносцевъ прошелъ мимо „Императора Наколая I“ такъ близко, что можно было видѣть командира его — японца — въ дождевикѣ на мостикѣ. „Николай I“ выстрѣлилъ по немъ. Японецъ отвѣтилъ и выпустилъ мину, уходя. Мы видѣли ее, идущую въ фосфорицирующей струѣ моря, во-время отвели свою корму и мина прошла для насъ благополучно. (Впослѣдствіи узнали, что этотъ японскій миноносецъ пошелъ ко дну). Всю ночь до разсвѣта проходили эти послѣдніе четыре корабля въ темнотѣ,

внѣ огня непріятеля, внѣ минныхъ атакъ; и когда на горизонтѣ небо начало алѣть, на утренней зарѣ замѣтили, что къ намъ присоединился еще крейсеръ „Изумрудъ“, а съ лѣвой стороны въ утреннемъ туманѣ разглядѣли 4 японскихъ крейсера. Пробили боевую тревогу и повернули на нихъ, желая вступить съ ними въ бой; но тѣ, замѣтивъ нашъ маневръ, ушли за завѣсу тумана и скрылись.

У японцевъ карта Японскаго моря и проливовъ была разбита на квадраты и квадраты занумерованы; такимъ образомъ, опредѣливъ наши мѣста въ квадратѣ карты, они по радіо сообщали главнымъ силамъ и тѣ безошибочно находили насъ на указанномъ развѣдчиками мѣстѣ.

Во исполненіе послѣдняго сигнала Генералъ-Адъютанта Рожественскаго, мы снова легли на курсъ нордъ-остъ 23 (на Владивостокъ). Такъ прошли мы около часа. Солнце всходило; золотымъ дискомъ выкатилось оно надъ темно-синею водою; тогда мы увидѣли на горизонтѣ справа по носу и справа за кормой цѣлый рядъ дымковъ.

Матросъ-сигнальщикъ на мостикѣ сказалъ мнѣ: „Ваше Высокоблагородіе, вчера мы дрались съ англичанами, а вотъ сейчасъ пришли японцы“. — Онъ не могъ понять своей простой головой, какъ это, послѣ 6-часоваго упорнаго и жестокаго боя, отъ насъ остались лишь ошмётки, а японцы явились какъ на парадѣ. Не успѣлъ онъ высказать свое недоумѣніе, какъ мы снова увидѣли еще съ двухъ другихъ сторонъ горизонта новые дымки; всего насчитали мы въ эту минуту отъ 16 до 20 японскихъ судовъ.

Тогда, чувствуя себя какъ раненый олень, загнанный въ бурную рѣку и окруженный стаей гончихъ злобныхъ собакъ, готовыхъ вцѣпиться въ него и перекусить горло, контръ-адмиралъ Небогатовъ, не желая умножать число жертвъ своей команды и число вдовъ

и сиротъ въ Россіи, зная, что броненосецъ „Императоръ Николай I“ въ носовой части имѣетъ пробоину и вода напираетъ въ переборку, еле сдерживаемую дубовыми распорками, радіо - телеграфъ сбитъ, трубы продырявлены, нѣжные приборы передачи Гейслера повреждены, всѣ шлюпки налиты водою и обложены сѣтями минныхъ загражденій противъ пожара и осколковъ, средняя стрѣла для спуска шлюпокъ разбита, паровой катеръ продырявленъ снарядомъ, въ жилой палубѣ по колѣно стоитъ вода, для 12" башни остался лишь одинъ 12" снарядъ, сигнальныя книги, чтобы не достались непріятелю, потоплены, въ каютъ-компаніи лазаретъ, гдѣ лежатъ 20 раненыхъ и 15 убитыхъ матросовъ и судовой священникъ въ епитрахили съ Евангеліемъ и крестомъ въ рукахъ обходитъ и причащаетъ умирающихъ; зная неминуемую гибель послѣднихъ кораблей броненосныхъ отрядовъ эскадры, посовѣтовавшись съ нѣкоторыми офицерами своего корабля, приказалъ поднять бѣлый парламентерскій флагъ, означающій: „Желаю вступить въ переговоры“, и застопорилъ машину. Въ отвѣтъ на этотъ флагъ къ борту „Императора Николая I“ подошелъ японскій миноносецъ, взялъ контръ-адмирала Небогатова и его флагъ-капитана и пошелъ съ ними на броненосецъ „Миказа“, гдѣ были составлены условія сдачи. I-ый пунктъ ихъ былъ: разрѣшеніе послать телеграмму Государю Императору о случившемся и о сохраненіи оружія офицерамъ. На русскихъ судахъ офицеры и команды были замѣнены японскими.

Я попалъ въ группу офицеровъ на броненосецъ „Матшушима“ и поразился, прійдя на этотъ корабль (2-ой отъ головного во время боя), что на немъ не было ни единаго слѣда отъ боя; всѣ снасти, телеграфъ, шлюпки были въ полномъ порядкѣ и верхняя палуба бѣла и чиста, какъ для смотра. Совсѣмъ иначе меня

поразила груда пустыхъ мѣдныхъ гильзъ отъ 6" снарядовъ на спардекѣ, гдѣ ихъ перегружали въ бомбовые погреба. Насъ посадили въ помѣщеніе съ иллюминаторами, закрытыми броневыми крышками, чтобы мы не видѣли ихъ передвиженій. Къ намъ спустился молодой японскій офицеръ и на ломанномъ французскомъ языкѣ перечислилъ намъ названія потопленныхъ ими кораблей и прибавилъ слово „куле", а къ миноносцу „Бѣдовый" прибавилъ „каптюре". Тутъ же выяснилось, что контръ-адмиралъ Энквистъ со своими крейсерами ушелъ на югъ на о. Манилду.

Съ плѣнными офицерами и матросами, которымъ японцы оставили оружіе и разрѣшили взять свои вещи съ собою, корабли японскіе пошли въ Сасебо — военный портъ Японіи, гдѣ на первое время помѣстили насъ въ морской казармѣ въ Сасебо и намъ пришлось спать прямо на полу. А затѣмъ уже увезли насъ вглубь страны, гдѣ мы прожили 9 мѣсяцевъ уже совсѣмъ по-человѣчески и гдѣ мы увидѣли близко жизнь японскаго народа, оказавшагося очень вѣжливымъ и скромнымъ, весьма любознательнымъ и трудолюбивымъ. Японцы смерти не боятся, безпредѣльно любятъ свою родину; всюду у нихъ порядокъ образцовый, и безконечно преданы они своему Императору. 9 мѣсяцевъ пробылъ я въ плѣну у этого народа.

Членъ Государственнаго Совѣта Витте въ Портсмутѣ, при посредничествѣ президента С.А.Ш. Тафта, заключилъ миръ съ японцами и былъ Высочайше пожалованъ графскимъ титуломъ.

Произошелъ обмѣнъ плѣнными и я вернулся на родину въ дорогой мнѣ С.-Петербургъ. И думалось мнѣ: какъ бы все могло пойти иначе и, можетъ быть, не было бы все такъ печально и тягостно, если бы мы не встрѣтились съ эскадрой Генералъ-Адъютанта

Рожественскаго и не пошли бы за нимъ въ Цусимскій проливъ, а пошли бы, по мысли к.-а. Небогатова, Тихимъ океаномъ далеко отъ береговъ Японскихъ острововъ, обошли бы ихъ съ сѣвера проливами, достигли бы своего Владивостока и неожиданно ударили бы на японцевъ съ двухъ сторонъ: съ юга — Рожественскій, съ сѣвера — Небогатовъ. Или стали бы бомбардировать японскіе порты на сѣверѣ и этимъ отвлекли бы часть ихъ флота, ослабивъ ихъ нападеніе на нашу эскадру. Да, все могло бы быть иначе и не было бы того, что было...

Вѣдь вотъ былъ же въ нашей эскадрѣ крейсеръ „Алмазъ" (яхта, построенная для Намѣстника на Дальнемъ Востокѣ). Пользуясь тремя хорошими машинами, онъ ночью, безъ огней, прошелъ полнымъ ходомъ вдоль нашей эскадры и, пройдя море, занятое непріятелемъ, благополучно прорвался во Владивостокъ. Правда, непріятель на него не обратилъ никакого вниманія, такъ какъ онъ не имѣлъ никакой боевой цѣнности, но командиръ его вернулся на Родину героемъ съ крестомъ Св. Георгія Побѣдоносца на груди.

Да, кому что на роду написано. Различна и многогранна Судьба Человѣковъ и неисповѣдимы пути Господни!

Вѣчная память тебѣ, Эскадра-мученица. Тяжкая смерть твоя послужила великимъ урокомъ для новаго, сильнаго, возрожденнаго флота!

В. Б.

М. А. Гинсбургъ.

25 лѣтъ на исходѣ со времени тяжкихъ испытаній, выпавшихъ на долю Россіи въ связи съ Японской войной. Вспоминая объ этихъ событіяхъ, нельзя не вспомнить и о людяхъ, принявшихъ въ нихъ непосредственное участіе. Цѣлая плеяда крупныхъ государственныхъ, военныхъ и морскихъ дѣятелей такъ или иначе отмѣчена на страницахъ исторіи; но были кромѣ того лица, о которыхъ пока ничего не сказано и которые свое знаніе, опытъ и силы отдали русскому дѣлу; и заслуга ихъ передъ родиной — немалая.

Среди этихъ послѣднихъ выдѣляется личность М. А. Гинсбурга, и достойна вниманія біографія этого незауряднаго человѣка.

Часто приходилось читать біографическіе очерки о заморскихъ милліонерахъ, поражающіе совершенно сказочной обстановкой. Обычно юношей, съ грошами въ карманѣ, такое лицо начинаетъ свою самостоятельную жизнь и благодаря своему природному уму, выдающейся выдержкѣ, энергіи и умѣнью пользоваться обстоятельствами, претерпѣвъ подчасъ самыя невѣроятныя случайности, постепенно создаетъ себѣ независимое положеніе; въ концѣ концовъ достигаетъ богатства, извѣстности и становится крупнымъ дѣятелемъ въ жизни своей страны. По большей части

такіе типы людей принадлежатъ американской націи; случается иногда слышать и о другихъ странахъ; о русскихъ же людяхъ такой складки было слышно очень мало.

Правда, въ купеческой средѣ нѣкоторые очень крупные коммерсанты также нерѣдко имѣли за собой тяжелый жизненный стажъ, начавъ дѣятельность въ качествѣ подручнаго мальчика въ лавкѣ; но лица эти такъ до конца и оставались въ своей купеческой средѣ и участіе ихъ въ общественной жизни страны въ большей части случаевъ проявлялось только въ пожертвованіяхъ на благотворительныя цѣли, что давало имъ въ свою очередь желанныя почетныя отличія — медали, ордена и чины.

М. А. Гинсбургъ въ этомъ отношеніи составляетъ рѣдкое исключеніе. Помимо того, что самыя условія его жизни съ юныхъ лѣтъ были совершенно исключительнаго характера, его дѣятельность впослѣдствіи вышла за предѣлы его спеціальности и за цѣлый рядъ лѣтъ была тѣсно связана съ важными событіями, происходившими въ Россіи. Среди данныхъ о ней имѣются, какъ видно будетъ дальше, факты, представляющіе историческую цѣнность.

Моисей Акимовичъ Гинсбургъ родился въ 1851 году въ мѣстечкѣ Радзивиловѣ, Волынской губерніи, въ бѣдной еврейской семьѣ. Уже съ 11-ти-лѣтняго возраста онъ зарабатывалъ въ мѣстной таможнѣ писаніемъ ярлыковъ по 20 копѣекъ въ день, которые и передавалъ аккуратно своей матери. Подрастая, онъ началъ понимать, что эта помощь родителямъ является далеко недостаточной и потому просилъ ихъ отпустить его въ Одессу, гдѣ онъ разсчитывалъ найти болѣе прибыльное занятіе. Прибывъ въ 1866 году въ Одессу, пятнадцатилѣтній, къ тому времени, Гинсбургъ не нашелъ и тамъ достаточнаго заработка и рѣшилъ попытать счастья за океаномъ. Тайно отъ

своихъ родныхъ, зарабатывая по пути на хлѣбъ, добирается онъ въ Германiи до Гамбурга и ухитряется даже скопить къ этому времени необходимое на переѣздъ въ Англiю, гдѣ онъ постепенно „сколачиваетъ“ себѣ сумму въ 5 фунтовъ. Эти деньги надо имѣть въ наличiи, т. к., не вручивъ ихъ капитану парусника, нельзя было разсчитывать на включенiе въ списокъ судовой команды. Работалъ Гинсбургъ во время плаванiя изъ Англiи въ Америку только за столъ. Работа была несложная, но каторжная: на протяженiи 46 сутокъ, отдѣлявшихъ портъ отправленiя (Ливерпуль) отъ порта прибытiя (Нью-Iоркъ), надо было выкачивать ручной помпой воду изъ трюма деревяннаго парусника.

Въ Нью-Iоркѣ сородичи Гинсбурга хотя и отнеслись къ нему дружелюбно, но существенной помощи не оказали и потому онъ скоро понялъ, что Америка не явится ему, какъ онъ ожидалъ, обѣтованной землей и что ему придется искать подходящихъ его мечтамъ условiй гдѣ то еще дальше отъ родного мѣста. Но гдѣ именно? Въ то время въ Америкѣ носились слухи, что въ Китаѣ можно найти выгодное дѣло, и девятнадцатилѣтнiй Гинсбургъ, не колеблясь, зашагалъ по направленiю къ Санъ-Франциско; зашагалъ потому, что на иной способъ передвиженiя у него не было денегъ и, кромѣ того, этотъ способъ давалъ ему возможность снискивать себѣ пропитанiе работой, главнымъ образомъ, по прокладкѣ желѣзной дороги.

Въ Санъ-Франциско одинъ изъ его единовѣрцевъ далъ ему въ долгъ одинъ долларъ. Этотъ долларъ послужилъ ему основнымъ капиталомъ для начала торговли въ разносъ, которая дала ему возможность черезъ нѣсколько дней погасить свой долгъ, а черезъ 3 года на скопленные 90 дол. купить себѣ билетъ 3 класса за 85 долл. на пароходѣ, отбывшемъ къ

берегамъ Китая. По пути туда пароходъ зашелъ въ Японію, въ Іокогаму. Эта страна Гинсбургу понравилась и онъ рѣшилъ тутъ поселиться. Отъ всѣхъ сбереженій, сдѣланныхъ имъ въ Санъ-Франциско, у него осталось только пять долларовъ; но при знаніи русскаго и нѣмецкаго языковъ, которыми онъ владѣлъ съ дѣтства, а также англійскаго, которому онъ научился за пятилѣтнее пребываніе въ Америкѣ, ему нетрудно было наняться (въ 1875 году) въ иностранный магазинъ корабельныхъ припасовъ въ Іокогамѣ.

Въ этомъ магазинѣ онъ прослужилъ полтора года, въ продолженіе которыхъ скопилъ 250 іенъ; но что гораздо важнѣе, сумѣлъ пріобрѣсти довѣріе среди мѣстнаго населенія. Съ этими деньгами и заручившись у мѣстныхъ коммерсантовъ кредитомъ, М. А. Гинсбургъ рѣшилъ завести свое дѣло. Покинувъ работу въ магазинѣ, въ 1877 году онъ уже выступилъ съ предложеніемъ поставки снабженія на находившійся въ то время въ одномъ изъ японскихъ портовъ русскій клиперъ „Гайдамакъ". Благодаря своимъ умѣреннымъ цѣнамъ, онъ оставилъ конкурентовъ за флагомъ и первую же поставку произвелъ настолько хорошо, что былъ рекомендованъ на другіе суда отряда, и вскорѣ затѣмъ сталъ признаннымъ поставщикомъ русскаго тихоокеанскаго флота, получая всѣ поставки на корабли, постепенно прибывавшіе въ Тихій океанъ для охраны русскихъ интерессовъ.

За этотъ періодъ М. А. Гинсбургъ основательно ознакомился со всѣми потребностями кораблей и, благодаря постоянному общенію съ ними, сблизился съ флотомъ, живя его интересами. Предвидя и зная нужды судовъ, онъ сталъ заготовлять все необходимое, какъ только узнавалъ о приближеніи того или иного корабля или эскадры къ портамъ Китая или Японіи. Запасы его росли и могли-бы удовлетворить потребности не только русскаго флота, но и другихъ,

нуждавшихся въ нихъ; но когда случалось, что какое нибудь иностранное командованіе обращалось къ нему съ предложеніемъ объ отпускѣ, Гинсбургъ, желая подчеркнуть свой патріотизмъ, не безъ гордости отвѣчалъ, что всѣ его склады находятся въ распоряженіи адмирала, командующаго Русской эскадрой, и что поэтому онъ сочтетъ себя въ правѣ произвести такой отпускъ только въ томъ случаѣ, если получитъ приказаніе своего адмирала. И такой отвѣтъ былъ не только красивымъ жестомъ. Въ Тихомъ океанѣ составы и взаимоотношенія военныхъ флотовъ разныхъ націй являлись показателемъ вожделѣнныхъ взоровъ Европы и Америки на Дальній Востокъ, гдѣ потому всегда можно было ожидать столкновеній между находящимися тамъ ихъ вооруженными силами. Моисей Акимовичъ Гинсбургъ это понималъ и поэтому отдавалъ всѣ свои силы, служа только своему родному флоту. Такія не коммерческія дѣйствія М. А. были правильны и своевременны. Съ 1880 года наступаетъ рядъ осложненій на Востокѣ. Въ этомъ году, вслѣдствіе натянутыхъ отношеній между Россіей и Китаемъ, въ водахъ Тихаго океана сосредотачивается болѣе сильная эскадра Адмирала Лисовскаго. М. А. Гинсбургъ снабжаетъ и эту эскадру, заслуживая благодарность какъ адмирала, такъ и командировъ судовъ. Потомъ онъ поставляетъ уголь и другіе матеріалы на эскадру адмирала Кроуна, бывшую въ Тихомъ океанѣ въ 1885 году, когда предполагался разрывъ между Россіей и Англіей. Въ 1894 году, для понужденія японцевъ покинуть Портъ-Артуръ, взятый ими у китайцевъ, въ Чифу въ видѣ угрозы находилась эскадра изъ 18 вымпеловъ подъ флагомъ адмирала С. П. Тыртова (младшіе флагманы — адмиралы Алексѣевъ и Макаровъ). М. А. Гинсбургъ, находясь тамъ все время на пароходѣ Добровольнаго флота „Хабаровскъ“, по распоряженію командующаго эскадрой,

снабжалъ ее углемъ и всѣми необходимыми матеріалами, справляясь, къ общему удовлетворенію, съ этой уже болѣе сложной задачей. Затѣмъ Моисей Акимовичъ продолжалъ такъ же добросовѣстно служить флоту; но начиная съ 1898 года, когда русская эскадра заняла Портъ-Артуръ, его полезная дѣятельность становится болѣе широкой. Адмиралъ Дубасовъ, командовавшій въ то время эскадрой въ Тихомъ океанѣ, поручаетъ М. А. Гинсбургу устройство въ Портъ-Артурѣ для нуждъ эскадры матеріальныхъ складовъ, послужившихъ впослѣдствіи для образованія экипажескихъ магазиновъ военнаго флота. Вскорѣ началъ прибывать гарнизонъ крѣпости, который также пользовался услугами складовъ Гинсбурга. До окончательной организаціи военнаго порта въ Портъ-Артурѣ Гинсбургу все еще приходилось отправлять снабженіе эскадрѣ по мѣсту ея нахожденія. Такъ, во время такъ называемаго боксерскаго возстанія въ Китаѣ, въ 1900 году, когда наша эскадра подъ флагомъ адмирала Гильтебрандта стояла въ составѣ союзнаго флота въ Печилійскомъ заливѣ на высотѣ китайскихъ фортовъ, М. А. прибылъ туда на своемъ пароходѣ съ запасами. Въ ночь на 4 іюня, наканунѣ, произошелъ бой между канонерскими лодками, стоявшими въ рѣкѣ Пейхо и фортами Таку, запиравшими входъ въ нее. На слѣдующее утро, какъ только приливъ позволилъ, адмиралъ Гильтебрандтъ (оставшійся за отбытіемъ англійскаго адмирала во главѣ судовыхъ десантовъ, шедшихъ походомъ на Пекинъ, старшимъ на рейдѣ) пославъ офицера въ рѣку Пейхо съ приказаніемъ привести оттуда возможно большее количество пловучихъ средствъ для высадки сухопутныхъ силъ. Вернувшись на эскадру, посланный доложилъ, что единственный бывшій на плову буксирный пароходъ имъ выведенъ черезъ баръ рѣки; для завладѣнія же остальными пловучими средствами, разбросанными китай-

цами по отмелямъ и затопленными, необходимо нѣкоторое число людей, которыхъ канонерскія лодки удѣлить изъ своихъ составовъ не могутъ вслѣдствіе большого числа убитыхъ и раненыхъ на нихъ. Тогда адмиралъ предложилъ младшему флагману адмиралу Веселаго перенести свой флагъ на отрядъ лодокъ, отдавъ вмѣстѣ съ тѣмъ приказъ о пополненіи на нихъ убыли. М. А. Гинсбургъ вызвался сопровождать адмирала Веселаго. Въ рѣкѣ онъ своимъ знаніемъ нравовъ и обычаевъ китайцевъ, съ помощью данныхъ въ его распоряженіе людей, быстро привелъ указанныя пловучія средства въ пригодное состояніе и тѣмъ содѣйствовалъ успѣху военной операціи своза сухопутныхъ войскъ на берегъ съ кораблей, стоявшихъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него. За это М. А. былъ удостоенъ Высочайшей благодарности, торжественно ему объявленной на шканцахъ флагманскаго корабля адмираломъ Гильтебрандтомъ.

Продолжая свою работу въ Портъ-Артурѣ, вскорѣ послѣ подавленія бексерскаго возстанія, по представленію Министерства Финансовъ Гинсбургъ былъ награжденъ званіемъ Коммерціи Совѣтника. Отношенія нашего правительства на Дальнемъ Востокѣ съ Японіей за это время становились все болѣе и болѣе натянутыми, и начали носиться слухи о надвигающейся войнѣ между Россіей и Японіей. Однако, одни попросту не вѣрили въ возможность столкновенія этихъ двухъ странъ, другіе не придавали этимъ слухамъ особаго значенія, полагая, что все уладится; но М. А. Гинсбургъ, имѣя точныя свѣдѣнія изъ японскихъ источниковъ о настроеніи въ Японіи, былъ изъ числа немногихъ, опредѣленно предвидѣвшихъ скорое наступленіе военныхъ дѣйствій. Онъ доложилъ кому слѣдуетъ объ имѣвшихся у него по этому поводу свѣдѣніяхъ и узнавъ, что власть имущіе не раздѣляютъ его опасеній, началъ на свой страхъ и рискъ (какъ

онъ это неоднократно дѣлалъ и раньше) заполнять свои магазины и склады запасами матеріаловъ, провизіи, медикаментами и перевязочными средствами. Для успѣшности этой операціи ему приходилось фрахтовать пароходы. На одномъ изъ этихъ пароходовъ, еще не разгруженномъ, М. А. Гинсбургъ 26 января отправилъ въ Шанхай семьи служащихъ у него и многихъ другихъ лицъ, не желавшихъ подвергать своихъ женъ и дѣтей разнымъ случайностямъ. И это было своевременно: черезъ шесть часовъ японскими миноносцами была произведена атака на стоявшую на внѣшнемъ рейдѣ нашу эскадру и такимъ образомъ военныя дѣйствія внезапно начались. На слѣдующій день М. А. содѣйствовалъ отъѣзду изъ Портъ-Артура многихъ семей, снабжая ихъ за свой счетъ желѣзнодорожными билетами и деньгами на дорогу до Евр. Россіи. Къ началу войны въ Портъ-Артурѣ было достаточно запасовъ, по крайней мѣрѣ на первое время; не доставало только продовольственнаго скота, пригонъ котораго былъ затрудненъ обстановкой военнаго времени. Адмиралъ Алексѣевъ поручилъ М. А. Гинсбургу заготовить для крѣпости живность, что тотъ и выполнилъ, и надо отмѣтить, что онъ даже не поднялъ вопроса о томъ, когда ему будетъ уплачено за эту поставку, а вѣдь онъ былъ купецъ и велъ коммерческое дѣло!

Въ февралѣ прибылъ въ Портъ-Артуръ Адмиралъ Макаровъ, и къ М. А. Гинсбургу онъ отнесся съ большимъ вниманіемъ. Имѣя въ виду намѣчавшееся отправленіе эскадры Адмирала Рожественскаго, С. О. Макаровъ предложилъ М. А. отправиться въ Петербургъ, считая, что большой коммерческій и жизненный опытъ М. А. можетъ быть особенно полезенъ въ связи съ отправленіемъ эскадры.

27 марта, передъ отъѣздомъ М. А. въ Петербургъ, адм. Макаровъ прощаясь, далъ ему письмо къ мор-

скому министру адм. Авелану, въ которомъ указывалъ цѣль поѣздки М. А. въ столицу. Но нужды въ этомъ письмѣ не было. При одномъ изъ очередныхъ докладовъ о состояніи работъ по снаряженію въ плаваніе эскадры Рожественскаго, морской министръ адм. Авеланъ доложилъ Государю, что Морское Министерство встрѣчаетъ затрудненія въ организаціи снабженія эскадры во время предстоящаго ей долгаго перехода изъ Балтійскаго моря въ Тихій океанъ, на что Государь замѣтилъ: „У васъ есть Гинсбургъ". Послѣднія слова предрѣшили ближайшую дѣятельность М. А. и, по прибытіи его въ Петербургъ, онъ былъ призванъ въ Морское Министерство, гдѣ ему было предложено представить вѣдомости матеріаловъ, которые онъ берется доставлять по пути слѣдованія эскадры; М. А. Гинсбургъ зная, какъ уже упоминалось, до мелочей нужды военныхъ судовъ, безъ промедленія представилъ свои соображенія въ Министерство и, по разсмотрѣніи и утвержденіи тамъ представленныхъ имъ вѣдомостей, ему былъ выданъ авансъ въ размѣрѣ 10 милліоновъ рублей.

Снабженіе углемъ судовъ эскадры, какъ уже сказано, представляло операцію чрезвычайно сложную. Заходъ въ попутные порты былъ невозможенъ, погрузка должна была происходить въ открытомъ морѣ. Въ извѣстныхъ пунктахъ пути эскадры и въ опредѣленный моментъ угольные пароходы должны были находиться въ заранѣе условленныхъ мѣстахъ. Задержка въ слѣдованіи эскадры была недопустима. Не говоря уже о томъ, что самая покупка угля и фрахтованіе пароходовъ для воюющей державы представляли безконечныя трудности, выполненіе сложной операціи самаго снабженія въ пути требовало совершено выдающейся энергіи и распорядительности, притомъ съ сохраненіемъ полной секретности всего этого дѣла. Это послѣднее условіе, крайне необходимое для

успѣха, представлялось въ то время особенно труднымъ.

Быстро организовавъ широкую агентуру въ разныхъ странахъ, М. А. сумѣлъ побѣдить всѣ трудности и блестяще выполнилъ порученіе. Даже корреспонденція на эскадру, не исключая и оффиціальной, пересылаясь при посредствѣ его курьеровъ.

Съ цѣлью ускоренія выполненія всего плана Морское Министерство пыталось привлечь къ дѣлу и нѣкоторыхъ другихъ крупныхъ коммерческихъ дѣятелей, заслуживающихъ довѣрія; однако, послѣ ознакомленія съ предстоящей имъ задачей, всѣ они находили ее непосильной и отказывались. Справедливость требуетъ отмѣтить, что успѣхъ безпримѣрнаго въ исторіи флотовъ похода 48 вымпеловъ, составлявшихъ эскадру Рожественскаго, въ значительной мѣрѣ обязанъ своевременно и добросовѣстно выполнявшимся поставкамъ Гинсбурга. За снабженіе 2-й Тихоокеанской эскадры Моисей Акимовичъ Гинсбургъ былъ Высочайше награжденъ орденомъ Святого Владимира 4-й степени и чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Низшіе ордена М. А. къ этому времени уже имѣлъ. Со своей стороны М. А. наградилъ съ отмѣнной щедростью своихъ служащихъ. Печальное извѣстіе о паденіи Портъ-Артура и уничтоженіе тамъ уцѣлѣвшихъ судовъ 1-й эскадры достигло въ Петербурга до перехода эскадрой Рожественскаго Индійскаго океана. Создавшаяся обстановка породила у многихъ сомнѣніе въ цѣлесообразности дальнѣйшаго преслѣдованія эскадрою Рожественскаго поставленной ей цѣли, вслѣдствіе чего явились разныя предложенія относительно ея использованія. Однимъ изъ нихъ было: довести эскадру до одной изъ бухтъ Индо-Китая, откуда она могла бы держать Японію въ блокадѣ. М. А. Гинсбургъ раздѣлялъ это мнѣніе и вызвался организовать снабженіе тамъ эскадры всѣмъ

ей необходимымъ, не взирая на то, что выполненіе этой сложной операціи и въ менѣе отдаленныхъ отъ Европы мѣстахъ наталкивалось на затрудненія, создаваемыя нашими, такъ сказать, официіальными доброжелателями; такъ, напримѣръ, на пароходѣ-холодильникѣ, на которомъ было отправлено большое количество замороженнаго мяса, умышленно были испорчены рефрижираторныя машины, и все мясо прибыло на эскадру въ совершенно негодномъ для употребленія видѣ. Затѣмъ пароходъ, нагруженный матеріалами, сталъ у Мадагаскара на мель настолько прочно, что М. А. Гинсбургу пришлось отправить туда другой пароходъ, который перегрузилъ къ себѣ эти матеріалы; или — при погрузкѣ угля въ открытомъ морѣ у восточныхъ береговъ Африки капитаны пароходовъ чинили препятствія къ отпуску угля, хотя и не значившагося у нихъ по документамъ, но фактически бывшаго въ наличіи на угольщикахъ.

Проектъ блокады Японіи, какъ извѣстно, не былъ осуществленъ и эскадра Адмирала Рожественскаго была направлена къ Цусимскому проливу, гдѣ и погибла въ бою, предвозвѣстивъ своею гибелью печальный для насъ исходъ войны съ Японіей. Слѣдовавшіе за эскадрой и дошедшіе до Индо-Китая пароходы съ углемъ и прочими запасами были по требованію Морского Министерства отправлены изъ Сайгона въ Кронштадтъ безъ захода въ какой-либо промежуточный портъ. Это распоряженіе было вызвано желаніемъ Министерства провѣрить наличіе грузовъ на этихъ пароходахъ, такъ какъ возникало сомнѣніе, могъ ли въ дѣйствительности Гинсбургъ въ такой короткій срокъ (3 недѣли) погрузить столь огромное количество запасовъ, требовавшееся для эскадры. Для повѣрки этого срока былъ даже вызванъ экспертъ-англичанинъ, который, ознакомившись съ обстоятельствами дѣла, высказалъ мнѣніе, что погрузка въ

такой короткій срокъ могла быть произведена, но при условіи, что оплачивалась она по очень большой цѣнѣ. Повѣрка же самаго наличія грузовъ на пароходахъ, по прибытіи ихъ въ Кронштадтъ, показала, что товаровъ на нихъ находилось на сумму около 3 милліоновъ рублей болѣе, чѣмъ значилось въ уже представленныхъ Гинсбургомъ счетахъ.

По окончаніи этой войны М. А. переселился на постоянное жительство въ Петербургъ и занялся благотворительными дѣлами, среди которыхъ надо отмѣтить основаніе имъ въ Петербургѣ (по 4-й линіи В. О.) богадѣльни на 200 человѣкъ престарѣлыхъ евреевъ. Но особымъ его вниманіемъ пользовалось въ этомъ отношеніи его родное мѣстечко Радзиваловъ, въ которомъ онъ строилъ общественныя зданія и давалъ средства на ихъ содержаніе. Населенъ былъ Радзиваловъ по преимуществу евреями, а потому вполнѣ понятно, что они, главнымъ образомъ, пользовались дарами М. А, но самъ онъ, отнюдь не отказываясь отъ своей національности, считалъ себя вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнымъ сыномъ своей Родины, и потому всегда стремился распространять свои добрыя дѣла и за кругомъ своихъ единовѣрцевъ. Такъ было и въ Радзиваловѣ, гдѣ онъ, напримѣръ, построилъ баню съ тѣмъ условіемъ, что два дня въ недѣлю ею можетъ пользоваться еврейское населеніе мѣстечка, а остальные дни она находится въ распоряженіи квартировавшаго въ Радзиваловѣ казачьяго полка; тогда же онъ построилъ тамъ синагогу, но одновременно и православный храмъ.

Но вотъ наступила Великая война и М. А. Гинсбургъ устраиваетъ въ принадлежащемъ ему домѣ на Петербургской сторонѣ (Уральская улица, 17) морской лазаретъ и убѣжище для женъ и дѣтей матросовъ, ушедшихъ на войну.

Въ 1915 году Моисей Акимовичъ отправляется изъ Петрограда черезъ Архангельскъ въ Америку, имѣя порученіе отъ трехъ министерствъ: Военному Министерству нужны были ружья, Морскому — стальной тросъ, а Министерству Финансовъ — конечно, деньги. Возлагались эти миссіи на испытаннаго своей преданностью Родинѣ еврея, по всей вѣроятности, не безъ умысла.

Въ Нью-Іоркѣ представитель нашего Военнаго Вѣдомства отнесся къ появленію М. А. Гинсбурга весьма сдержанно, не желая, видимо, посредника въ дѣлахъ, отнесенныхъ къ кругу его обязанностей; тросъ для флота М. А. купилъ и отправилъ въ Россію, а относительно займа для Россіи вступилъ при содѣйствіи извѣстнаго поборника еврейства L. Marshall'a въ переговоры съ группой американскихъ финансистовъ. Представитель этой группы банкиръ J. Schiff выразилъ готовность на предоставленіе займа въ 200 мил. долл. изъ 6%, причемъ отмѣтилъ, что заемъ этотъ можетъ быть впослѣдствіи значительно увеличенъ; но для заключенія займа ставилось предварительное и непремѣнное условіе дарованія евреямъ въ Россіи правъ наравнѣ съ прочими ея гражданами.

Результаты своихъ переговоровъ о займѣ, съ упоминаніемъ поставленнаго условія, М. А. передалъ Правительству черезъ адмирала Григоровича, но никакого отвѣта на сообщеніе онъ не получилъ. М. А. понялъ это въ смыслѣ молчаливаго отклоненія условій займа и былъ очень огорченъ тѣмъ, что удачно начатымъ имъ переговорамъ не суждено было получить дальнѣйшаго развитія. Онъ считалъ это обстоятельство, если оно не являлось умышленнымъ, крупною ошибкой, избѣжаніе которой оградило бы Россію отъ многихъ бѣдъ. А былую Россію М. А. сильно любилъ. Онъ видѣлъ, а отчасти испытывалъ на себѣ, многіе недочеты режима того времени, но считалъ

ихъ извинительными ошибками, которыя при прогрессивномъ темпѣ развитія Россіи постепенно сгладились бы и исчезли бы сами собою безъ помощи разнаго сорта благодѣтелей, оказавшихся, кстати сказать, совершенно не состоятельными. Умудренный жизненной школой, которую ему пришлось проходить во многихъ странахъ подъ руководствомъ людей разнообразныхъ націй, М. А. никогда не былъ сторонникомъ „штурма власти“ и теперь оплакиваетъ царскую Россію и ея послѣдняго Монарха, такъ звѣрски и безвинно убитаго со всею Его Семьей. Воспоминаніе объ этомъ убійствѣ вызываетъ возмущеніе въ душѣ М. А., не только какъ монархиста, каковымъ онъ постоянно былъ и остается по своимъ убѣжденіямъ, но какъ вообще человѣка необычайно добраго. Ему всегда было больно видѣть страданія людей и слышать объ ихъ нуждѣ и, обладая весьма крупнымъ состояніемъ, онъ не жалѣлъ его для улучшенія положенія окружавшихъ его и для оказанія помощи нуждающимся. Для этой цѣли, а также изъ чувства патріотизма, онъ свои средства, не находящіяся въ оборотѣ, держалъ въ Россіи и во время войны, и даже въ началѣ революціи, хотя, имѣя по роду своей дѣятельности текущіе счета во многихъ иностранныхъ банкахъ, ему не представляло труда перевести ихъ въ сохранное мѣсто.

Большевицкій переворотъ лишилъ М. А. около 95% его состоянія. Осталось только находившееся на текущихъ счетахъ заграницей. Ликвидировавъ эти остатки, М. А. продолжаетъ оказывать изъ нихъ и сейчасъ помощь нуждающимся, причемъ часто вспоминаетъ о своемъ быломъ богатствѣ. Вспоминаетъ о потерѣ его съ сокрушеніемъ, но сокрушается не по причинѣ ущерба, нанесеннаго ему, какъ и многимъ, большевиками, а потому, что утрата имъ почти всего его состоянія лишаетъ его теперь возможности при-

ходить на помощь нуждающимся соотечественникамъ и притомъ въ размѣрахъ, подсказываемыхъ его сердобольностью. Помимо пользующихся его особымъ вниманіемъ чиновъ русскаго флота, съ которыми онъ связанъ полувѣковыми воспоминаніями, М. А. продолжаетъ оказывать посильную помощь и другимъ лицамъ, прибѣгающимъ къ нему за ней, причемъ не дѣлаетъ различія ни въ положеніи, ни въ религіи и, будучи правовѣрнымъ евреемъ, въ этомъ отношеніи руководствуется словами: „нѣсть эллинъ, ниже іудей“.

А. Д.

КНИГИ, НАПИСАННЫЯ ОФИЦЕРАМИ РОССІИСКАГО ФЛОТА ЗА РУБЕЖОМЪ:

Кап. 1 р. кн. *Я. К. Тумановъ* — **Мичмана на войнѣ** — готовится къ печати. Съ заказами обращаться въ редакцію „Морского Журнала“.

Флагъ Адмирала — сборникъ статей *А. А. Гефтера, А. П. Лукина, С. С. Политовскаго* и *Б. Л. Седерхольма.* Рига, 1930 г., 239 стр., цѣна 0,85 ам. долл., для членовъ морскихъ организацій — 12 франц. франковъ.

Кап. 2 р. *Г. К. Графъ* — **Моряки.** Парижъ, 1930 г., 272 стр., цѣна 25 франц. франковъ.

Адмиралъ *Г. Ф. Цывинскій* — **50 лѣтъ въ Императорскомъ Флотѣ.** Рига, 1929 г., 371 стр.

А. Бубновъ — **Русская морская проблема.** Пильзень, 1929 г., 55 стр. Отдѣльный оттискъ изъ „Зарубежнаго Морского Сборника“.

Контръ-Адмиралъ *М. М. Римскій-Корсаковъ* — **Морской Уставъ,** ч. II, о боевой дѣятельности флота, проектъ. Прага, 1928 г., 15 стр., цѣна 10 амер. цент. Отд. оттискъ изъ „М. Журн.“.

Флота ген.-лейт. *В. Н. Давидовичъ-Нащинскій* — **О морскомъ сословіи.** Прага, 1928 г., 19 стр., цѣна 10 амер. центовъ. Отдѣльный оттискъ изъ „Морского Журнала“.

Контръ-Адмиралъ *С. С. Фабрицкій* — **Изъ прошлаго.** Берлинъ, 1926 г., 162 стр.

Кап. 2 р. *Г. К. Графъ* — **На „Новикѣ“.** Мюнхенъ, 1922 г., 480 стр.

Книги съ обозначенной цѣной можно получить въ редакціи „Морского Журнала“.

Изданіе Владиміра Колесникова.

Tiskla knihtiskárna Petra Duška v Říčanech.

Цѣна 0,60 амер. долл.